

Православное
КНИЖНОЕ *май*
ОБОЗРЕНИЕ *2014*
№ 5 (040)

• *Издательский Совет Русской Православной Церкви* • izdatsovet.ru •

 ПРЕМИЯ

**ПРОТОИЕРЕЙ
НИКОЛАЙ АГАФОНОВ** 5
Русская классика стала
для меня откровением
(интервью) 6

**РОБЕРТ (РОМАН)
БАЛАКШИН** 18
Поворот к житийной прозе
был для меня естественен
(интервью) 21

**АЛЕКСАНДР
БОГАТЫРЕВ** 28

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ 38

**ЮРИЙ
КУБЛАНОВСКИЙ** 49
Под углом вечных
беспокойств (интервью) 50

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ 58

**АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ** 69
Дороги жизни (интервью) 71

**ПРОТОИЕРЕЙ
АНДРЕЙ ТКАЧЕВ** 82

Литература заждалась
человека, молящегося Богу
(интервью) 84

МИХАИЛ ЧВАНОВ 92

 ПРОЗА

ДРУЗЬЯ
Протоиерей
Николай Агафонов 8

**ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ
МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ
ДЛЯ ДЕТЕЙ**
Р. Балакшин 23

НОМИНАНТЫ

Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (слева направо):

Протоиерей Николай Агафонов, Роберт Александрович Балакшин, Александр Владимирович Богатырев, Валерий Николаевич Ганичев, Юрий Михайлович Кублановский, Валентин Яковлевич Курбатов, Александр Андреевич Проханов, протоиерей Андрей Ткачев, Михаил Андреевич Чванов

МИТРА-УКРОТИТЕЛЬНИЦА

А. Богатырев 28

ПОКРАСА ГОРОДА

В. Ганичев 44

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

А. Проханов 72

У БОГА НЕТ МЕРТВЫХ

Протоиерей
Андрей Ткачев 89

ВЕЩИЙ ИГОРЬ

М. Чванов 95

ПОЭЗИЯ

СТИХИ

РАЗНЫХ ЛЕТ

Ю. Кублановский 51

ПУБЛИЦИСТИКА

С ДРЕВА ПОЗНАНИЯ ЖИЗНИ

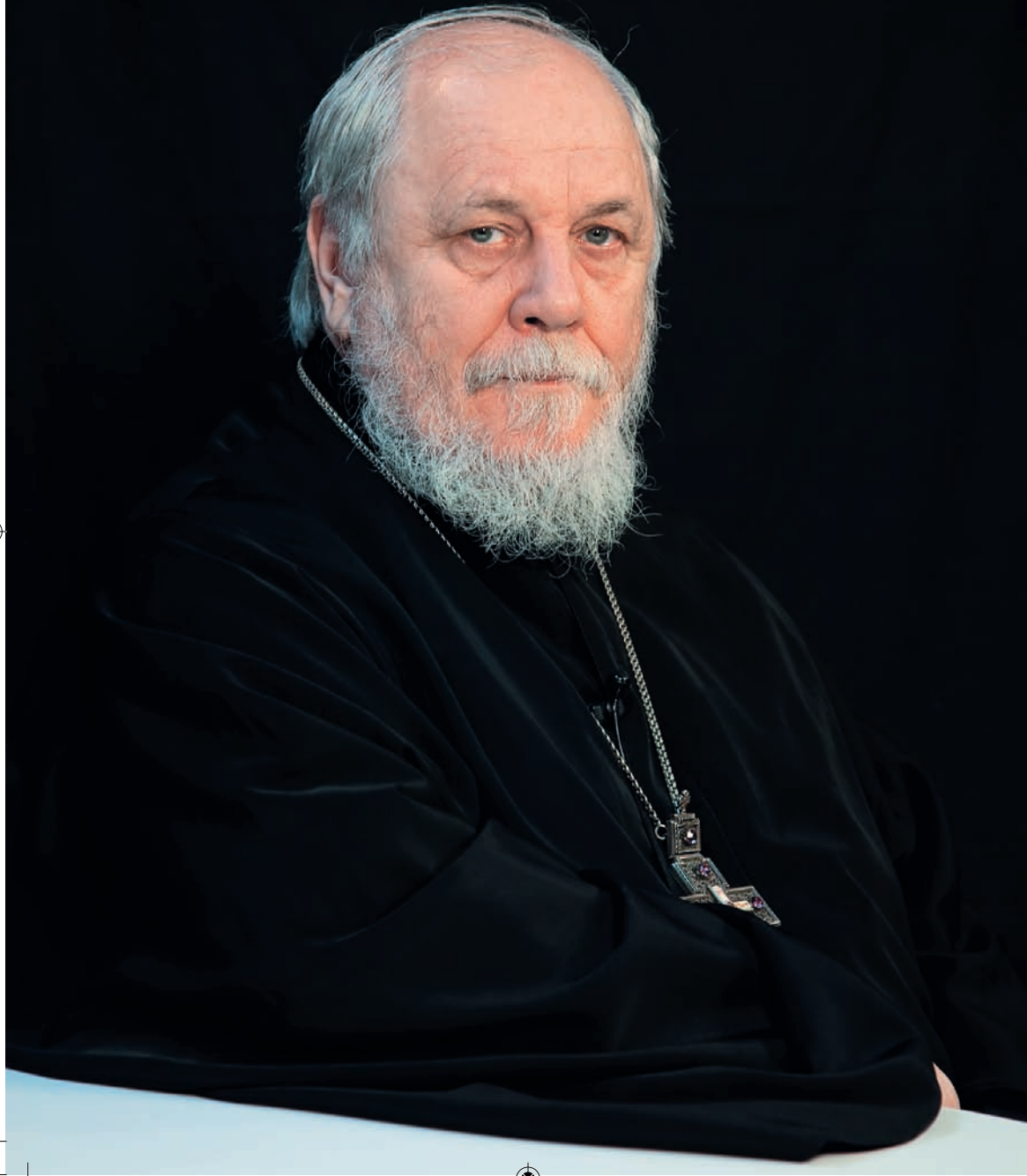
В. Курбатов 60

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Протоиерей
Андрей Ткачев 86

ПРОГРАММА

Программа
торжественной
церемонии избрания
и награждения лауреатов
Патриаршей
литературной премии 112

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ АГАФОНОВ

БИОГРАФИЯ

Протоиерей Николай Агафонов (Агафонов Николай Викторович) родился 13 апреля 1955 года в селе Усьва, Губахинского района, Пермской области. После окончания средней школы служил в Советской армии, в ракетных войсках. В 1976 году поступил Московскую духовную семинарию. В 1977 году женился на дочери самарского протоиерея Иоанна Державина — Иоанне, в этом же году был рукоположен в сан диакона.

С 1977 по 1979 год служил диаконом Казанской церкви города Тольятти, где создал подпольный религиозный кружок для молодежи. Многие ребята из этого кружка в последствии стали священниками, а девушки женами священников или монахинями. Эта деятельность не осталась незамеченной безбожными властями, и за семьей диакона установилась слежка.

В 1979 году диакон Николай Агафонов переехал в Пензенскую епархию, где архиепископом Пензенским и Саранским Серафимом (Тихоновым) был рукоположен в сан пресвитера и назначен настоятелем Михайловской церкви в селе Вадинск. Здесь отец Николай организовал тайную воскресную школу для детей прихожан.

В 1982 году переведен на должность настоятеля в храм Казанской иконы Божией Матери города Кузнецка, где служил до 1984 года.

В 1984 году отец Николай переезжает в Волгоград, где становится настоятелем Никитской церкви, а затем в 1985 году переведен на должность священника Волгоградского кафедрального собора во имя Казанской иконы Божией Матери.

В 1988 году отец Николай поступает в Ленинградскую духовную академию, где продолжает обучение до 1992 года, после чего назначается ректором Саратовской духовной семинарии. В 1993 году за труды по возрождению Саратовской семинарии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II награждает отца Николая правом ношения наперсного креста с украшениями.

В 1997 году отец Николай возвращается в Волгоград, где его назначают настоятелем церкви святой великомученицы Параскевы и заведующим Миссионерским отделом епархии.

В 1998 году он строит первую плавучую церковь «Святитель Иннокентий», а в 2000 году плавучий храм «Святитель Николай».

В 2002 году в литературных журналах Волгограда и Самары публикуются первые рассказы отца Николая. В этом же году он переезжает в Самару, где становится преподавателем богословия в Самарской духовной семинарии и первым настоятелем храма святого великомученика Георгия на Площади славы.

В 2004 году в Петербургском издательстве «Библиополис» выходит книга рассказов «Неприкаянное юродство простых историй». В течение года эта книга переиздавалась три раза. В этом же году отец Николай был принят в Союз писателей России. В 2005 году стал лауреатом Всероссийской литературно-театральной премии Виктора Розова за книгу рассказов «Мы очень друг другу нужны». В 2007 — лауреат ли-

тературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского.

В 2009 году закончил Высшие курсы сценаристов в Москве. В этом же году вышел художественный фильм «Щенок» по сценарию отца Николая.

В настоящее время протоиерей Николай Агафонов является клириком Петро-Павловской церкви города Самары.

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ

- Неприкаянное юродство простых историй. — СПб: «Библиополис», 2004. — 351 с.
- Преодоление земного притяжения. — Самара: «Офорт», 2004. — 420 с.
- Мы очень друг другу нужны. — СПб: «Библиополис», 2005. — 253 с.
- Иоанн Дамаскин. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. — 400 с.
- Жены-мироносицы. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. — 240 с.

- Отшельник поневоле. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009. — 656 с.
- Свет золотой луны. — М.: «Никея», 2010. — 384 с.
- Доброта Духовная. — М.: «Сибирская благовонница», 2010. — 112 с.
- Адамант земли русской. — М.: «Благовест», 2012. — 288 с.
- Ратные подвиги православного духовенства. — М.: «Благовест», 2013. — 352 с.

РУССКАЯ КЛАССИКА СТАЛА ДЛЯ МЕНЯ ОТКРОВЕНИЕМ

ИНТЕРВЬЮ

— Русская художественная литература переживает своеобразный «десант» со стороны священства. Священники всегда были пишущими людьми, но раньше они избегали жанров, установившихся в художественной литературе. Что Вы,

как один из пишущих священников, думаете об этом новом литературном движении?

— Прежде всего, надо отметить тот факт, что православное духовенство XXI века в подавляю-

щем большинству не сословно. Русское религиозное возрождение, начавшееся в 90-е годы XX века и продолжающееся по сей день, привело в лоно Церкви людей самых различных социальных слоев и профессий. Это и ученые-физики, и врачи, и учителя, и военные и т. д. Среди таковых, конечно, и творческая интеллигенция: журналисты, историки, художники и писатели. Многие из них восприняли благодать пастырского служения и принесли к Церковному Алтарю свои дары, данные им Богом. Так, например, Ярослав Шипов до своего священства уже был профессиональным писателем. Став священником, он выпускает сборник своих замечательных рассказов, в котором художественный реализм обретает акцент церковного, пастырского служения. Так и зародилось новое направление в беллетристике, которое сейчас некоторые называют иерейской прозой.

Свой писательский путь я начал в те же 90-е годы, хотя призвание к сочинительству ощущал с самого детства. Так уж совпало, что, осуществив свою детскую мечту писать книги, я невольно попал, что называется, «в струю» всеобщего интереса людей, пришедших в Церковь и жаждущих осмысления своего выбора, в том числе и через художественную литературу. Одна моя читательница писала мне, что до своего прихода в Церковь она воспринимала духовенство, как неких далеких и непонятных ей инопланетян, а после чтения моих рассказов священники стали ей ближе и понятней.

По моему твердому убеждению, художественная литература, написанная священниками, приоткрывает для мирян не только внешнюю сторону жизни пастыря, но и его внутренний мир, где он может почти в исповедальной

форме поведать о своих радостях и скорбях, сомнениях и надеждах. Да, священник такой же человек, как и все — со своими слабостями и высокими стремлениями, падениями и взлетами.

Но что-то же происходит с человеком, когда епископ возлагает на него руки и призывает благодать Святаго Духа «немогущая врачующая и восполняющая оскудевающих»? Естественно, что таинство священства не прибавляет человеку литературного таланта. Если его нет, то не будет и после рукоположения. Но если у священника есть дар через художественное слово донести до людей простую Истину, что они рождены для жизни вечной, то он не имеет права зарывать свой дар.

Священник обязан использовать для проповеди все имеющиеся возможности. Если он был хорошим врачом, пусть вспомнит подвиг святителя Луки (Войно-Ясенецкого), если был художником, пусть не забывает апостола и евангелиста Луку и пишет иконы, если был хорошим музыкантом, то пусть и через музыку говорит о Христе, как это делает в настоящее время митрополит Илларион (Алфеев).

— Вы упомянули о переписке с читателями. Знакома ли Вам реакция на Ваших персонажей, которые по большей части — люди Церкви, со стороны невоцерковленных, пока что, людей?

— Впечатления положительные. Так, например, одна читательница, сама женщина церковная, прочитала мой рассказ «Юродивый Гришка» во время праздничного застолья собравшимся нецерковным родственникам. Все, в том числе и молодые, стали бурно обсуждать рас-

сказ и пришли к выводу, что человеку на самом деле не так много надо в этой жизни для счастья, в то время как современное общество, зараженное бациллами потребления, идет к краху, а, между тем, святость оказывается доступна и обычному человеку, возложившему свое упование на Бога.

— *Вы родились в семье инженера, в советское время, а стали священником. Причем, Вы очень решительно выбрали свой путь, поступив в духовную семинарию в возрасте 21 года в 1976 году. Все это, по меньшей мере, производит впечатление на людей, которые не понаслышке знакомы с советской действительностью. Кто подсказал Вам этот выбор — люди или книги? И духовные книги, и верующие люди были редкостью в те времена.*

— Этот путь подсказали мне книги. Вы правы, духовные книги в те времена простому советскому пареньку были недоступны, но русская классическая литература стала для меня подлинным откровением в духовных вопросах. Это, прежде всего, Достоевский, Гоголь, Лесков, Чехов, Толстой... Благодаря книгам этих писателей, я стал серьезно задумываться над вопросами смысла жизни и пришел к вере. А о духовной семинарии мне поведал «Справочник атеиста», где на букву «С» я нашел информацию, что в Советском Союзе действуют три духовные семинарии — Московская в городе Загорске, Ленинградская и Одесская.

ДРУЗЬЯ

РАССКАЗ

Архиепископ Палладий сидел в своем любимом кресле, углубившись в чтение толстого литературного журнала. Вечерние часы по вторникам и четвергам он неизменно отдавал чтению современной прозы, считая, что архиерей обязан быть в курсе всех литературных новинок. Взглянув на часы, снял очки и, отбросив журнал, с раздражением подумал: «Чего это сын казахского народа полез в христианскую тему, какое-то наивное подражание Булгакову. Да и главный герой, семинарист Авель, какой-

то неправдоподобный. Хотя бы съездил в семинарию, посмотрел. Наверное, когда мусульманину приходится читать писателя-христианина, пытающегося импровизировать на тему магометанства, тоже становится смешно от наивности».

Его размышления прервал телефонный звонок. Владыка поднял трубку и важно произнес:

— Я вас слушаю.

— А я вот говорю и кушаю, — раздалось в трубке, и следом посыпался смех.

Владыка, растерявшись вначале от такой наглости, услышав смех, сразу признал своего друга и однокашника по семинарии митрополита Мелитона и, расплывшись в улыбке, в том же тоне отвечал:

— Приятного аппетита, владыка, но будь осторожен: так подавиться недолго.

— Не дождетесь, не дождетесь, — рассмеялся митрополит.

— Ну не тяни резину, говори: с хорошим аль с плохим звонишь?

— А это с какой стороны посмотреть: для меня — так с хорошим, а тебе одни хлопоты.

— Чего это? — забеспокоился Палладий.

— Да вот в отпуск у Святейшего отпросился, еду к тебе в гости.

— О преславное чудесе! Мелитоша дорогой, наконец-то ты вспомнил своего друга.

— Не юродствуй, брат, мы с тобой каждый год в Москве видимся.

— На то она и Москва, но к себе в гости заманить тебя никак не удавалось, а уж как белый клобук получил, совсем занятым стал, ну да, видеть, Господь услышал молитву мою.

Владыка лично поехал на вокзал встречать дорогого гостя. Митрополит вышел из вагона в длинном летнем плаще, лакированных черных ботинках и сером берете, без архиерейского облачения, так как визит его был неофициальным. Но шлейф запаха розового масла и дорогих благовоний стелился за ним как невидимая архиерейская мантия. Палладий тоже был в цивильном. Они крепко обнялись, расцеловались и неторопливой походкой двинулись через вокзал к выходу. Архиерейский водитель Александр Павлович, взяв один из двух здоровенных чемоданов у келейника митрополита, обогнав Вла-

дыку, устремился вперед, к машине, келейник кинулся вслед за ним. Вокзал был полон народу, но архиереи, не обращая ни на кого внимания, шли с такой важностью и уверенностью, как будто они шествовали по своему собору к кафедре. И люди, чувствуя исходящую от этих двух импозантных бородачей власть, безропотно расходились, уступая дорогу.

Обед, начавшийся в архиерейских покоях, плавно перешел в ужин.

— А теперь, Владыка, отдавай вот это блюдо, рецепт его ты не найдешь ни в одной поваренной книге.

— Сжался надо мной, — взмолился митрополит. — Неужто решил меня сегодня прикончить таким способом? Все очень вкусно, просто нет слов, и ты знаешь, я никогда не страдал отсутствием аппетита, но, увы, это сверх моих сил.

— Тогда пойдём, Владыка, в беседку пить чай.

Круглый стол в беседке весь был уставлен сладостями и фруктами. Но оба архиерея, не притрагиваясь к десерту и попивая душистый чай с мятой, завели оживленную беседу на тему «А ты помнишь».

— А ты помнишь, — восклицал один, — профессора Георгиевского?

— А как же? — отвечал другой. — Умнейший был преподаватель, Царство ему Небесное, таких уж сейчас профессоров нет. А ты помнишь архимандрита Варсонофия?

— Конечно! Великий был старец. Помню, как-то подошел он ко мне и говорит...

Темный сад окутала ночная тьма, легкий ветерок разогнал ступившийся над клумбою цветочный запах, который достиг беседки. Владыка вдохнул полной грудью прохладу вечера, произнес:

— Благодать у тебя, Палладий... Вели-ка ты постелить мне в саду.

— Ну что ты, Владыка, еще какая муха или комар укусит тебя, а мне потом отвечать перед Синодом. Пойдем, брат, наверх, там тоже прохладно и свежо. После завтрака поедем в лес за грибами.

Рано утром митрополит проснулся от громких голосов во дворе. Взглянув в окно, увидел, как Палладий лично отдает распоряжения своему водителю Александру Павловичу, чтобы тот чего не забыл. Увидев Мелитона, крикнул:

— Доброе утро, Владыка, через полчаса завтрак.

Когда собрались, Палладий, посмотрев на бо-
тиночки митрополита, сказал:

— Для леса обувка не подойдет, тащи, Александр Павлович, мои старые боты. Поедем в лес не на «Волге», а вот на этом вездеходе, — указал Владыка на стоящий во дворе темно-зеленый «УАЗик». — Военные списали, а я у них купил, специально, чтобы на рыбалку и по грибы ездить. Машина — зверь, никакого бездорожья не боится.

Отъехав километров сорок от города, водитель свернул прямо в лес, и по стеклам машины захлестали упругие ветви деревьев.

— Нет, ты только видел! — хвалился Владыка. — Все ей нипочем.

Заметив, что Александр Павлович собирается объезжать здоровую лужу, митрополит съехидничал:

— А вот и почему!

— Поворачивай, Павлович, прямо! — взревел уязвленный Палладий.

Водитель покорно поехал в лужу, «УАЗик» залез почти по брюхо в грязь и забуксовал.

— Что теперь прикажете делать? — кисло улыбнулся митрополит.

— Прикажу включить блокировку и пониженную передачу, — пряча свое волнение в нарочито спокойном тоне, произнес Палладий.

Водитель переключил два рычажка, и машина, зарывав сердито, поползла по грязи, все увереннее набирая ход.

— Действительно, машина — зверь, — восхитился митрополит.

— То-то, Владыка! — торжествовал Палладий.

Выехав на солнечную поляну, окруженную с одной стороны елями, с другой — березами, остановились.

— Вот там, в ельничке, маслят пособираем, а в березовый за белыми пойдем.

Масляты действительно набрали за час по полной корзине. А вот белых архиепископ только пять нашел да с полкорзинки подберезовиков и подосиновиков. Митрополит и вовсе три гриба отыскал.

— Да, — сокрушался Палладий, — кто-то здесь до нас потрудились. В прошлом году, веришь ли, Владыка, пять полных корзин на этом месте взял. Пойдем обедать, а после еще в одно место проедем.

На поляне бессменный водитель, он же старший иподиакон архиепископа Александр Павлович уже накрыл обед на раскладном столике, приставив к нему два походных раскладных креслица. Из термоса разлил суп с фрикадельками из осетрины, на второе — судак, запеченный в яйце.

Владыка Палладий достал маленькую походную фляжку из нержавейки и разлил в пластмассовые кружечки душистый коньяк.

— Ну, владыка митрополит, благослови нашу походную трапезу.

Митрополит повернулся на восток, прочел молитву и благословил стол.

— Что-то так хорошо здесь, может, не поедем больше никуда? — предложил он.

— Сделаем три кущи: мне, тебе и Александру Павловичу — и будем здесь жить, — засмеялся Палладий. — Вчера в саду рвался остаться, сегодня в лесу. Из тебя не синодал, а анахорет-пустынник неплохой получился бы.

— Такое житие надо было от юности выбирать, а сейчас мы с тобой только в архиереи годимся. Из нас, наверное, и путных настоятелей не выйдет.

— Твоя правда, Владыка, никуда мы больше не годимся, — поддакнул Палладий, выпивая коньячок.

После обеда, попив кофейку, Владыки прогуливались по поляне, пока Александр Павлович убирал посуду и раскладную мебель в багажник. Затем все сели в зверь-машину и поехали по просеке в глубь леса. Побродили по лесу полчаса и, ничего не обнаружив, решили возвращаться домой.

Вдруг Владыка Палладий спросил водителя:

— Слушай, Александр Павлович, а что за этими холмами? Мы ни разу туда не ездили...

— Там, Владыка, прекрасная дубовая роща.

— Все, едем туда, — распорядился архиерей.

Прямо перед ними был высокий холм. Круто вверх на него уходила дорога, но было сразу заметно, что по ней мало кто ездил.

Измерив глазом дорогу, Александр Павлович предложил:

— Давайте, Владыка, в объезд, тут километров пятнадцать-двадцать будет. Подъем затяж-

ной и очень крутой, можем не вытянуть: двигатель поизносился, слабоватый.

— Ну вот тебе и хваленая машина, — стал подтрунивать митрополит.

— Благословляю напрямую! — решительно сказал уязвленный архиепископ.

— Как скажете, Владыка, — покорно вздохнул Александр Павлович.

«УАЗик» взревел и понесся в гору, но с каждой минутой уверенный ход его становился все тише. Александр Павлович переключился на первую скорость. До спасительной вершины оставалось метров пятьдесят, когда на дорогу вышло стадо баранов. Автомобиль, дернувшись, заглох и остановился, затем покатился назад. Александр Павлович нажал до отказа на педаль тормоза, но автомобиль продолжал катиться вниз, набирая скорость. Водитель дернул ручник и резко вывернул влево. Автомобиль, качнувшись вправо, все же устоял и остановился поперек дороги. Александр Павлович, выскочив из машины, заглянул под днище и сразу понял причину: тормозной шланг лопнул.

Стали спускаться, притормаживая скоростью заведенной машины. Двигатель ревел, как раненый зверь, машину трясло, но все же она неслась вниз с ускорением. Уже в конце спуска как-то мягко покатила по накатанной колее.

— Все, Владыка, кажется, приехали, — печально сказал Александр Павлович.

Архиереи прогуливались около машины, пока водитель, лежа под ней, что-то откручивал. Наконец он вылез и сокрушенно сообщил:

— Нутак и есть, как я предполагал, рассыпался диск сцепления. Сами мы, Владыка, ехать не сможем, только на буксире. Если вы благословите, то я схожу в ближайшую деревню за подмогой.

Архиепископ растерянно развел руками, а митрополит расхохотался:

— Ну, как там Александр Сергеевич Пушкин говаривал: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною». Взял бы себе новую «Ниву» и сейчас бы беды не знал. А хвастал: военная, ничего не боится. Да ее потому и списали, что сама она ничего не боится, а на ней-то страшно уже ездить. — Перестав смеяться, спросил Александра Павловича: — Где тут ближайшая деревня?

— По дороге в ту сторону, километра три-четыре, Благодатовка будет, я быстро схожу.

— Нет, брат, ты оставайся здесь, а мы с твоим архиереем тряхнем стариной, прогуляемся. Погода хорошая, прогулка на пользу пойдет, а то весь мир только из окна автомобиля видим, так и ходить разучимся.

Владыка Палладий как-то вяло согласился:

— Ну раз желаете, пойдём.

И два архиерея, надев подряски и подпоясав их поясками, не торопясь зашагали в указанном направлении. С одной стороны дороги колосилась пшеница, на другой, холмистой, — трава да полевые цветы. Давно перевалило за полдень, солнце припекало не так сильно, легкий ветерок обдувал путников, а тихий шелест травы и стрекотание кузнечиков усаждали слух. Некоторое время шли молча, каждый погруженный в свои мысли. Потом вдруг митрополит рассмеялся:

— Ты знаешь, я вспомнил, как студентами я, ты и Колька Терентьев угнали ректорский «ЗИМ» покататься, а он в дороге сломался — вот уж бледный у нас был вид! Все, думаю, вещи домой собирать надо, выгонят, как пить дать.

— Так и выгнали бы, если б не Николай, он же всю вину на себя взял.

— Оно, конечно, благородно, но я его не просил об этом, он сам захотел. Кстати, где он сейчас, ты ничего о нем не знаешь?

— Как же не знаю, он в моей епархии служит, и по стечению обстоятельств мы сейчас прямо к нему шагаем, в Благодатовку.

Митрополит резко остановился:

— Да не может быть!

— Почему же не может, если так и есть?

— Да-а, неисповедимы пути Господние, ну, значит, так Богу угодно, — и, как-то помрачнев, митрополит решительно зашагал дальше.

— Что с тобой, ты вроде как не рад предстоящей встрече с другом? Мы же, как три мушкетера, были неразлучными друзьями в семинарии.

— Были, так вот судьба разлучила, — печально сказал митрополит.

— Ну что ж, а теперь радуйся, что опять соединает.

Митрополит ничего не ответил, лишь как-то засопел и ускорил шаг, так что Палладий, едва поспевая за ним, взмолился:

— Куда ты так припустил?! Мы не студенты, давно за шестой десяток перевалило, я так задохнусь.

Митрополит замедлил шаг. Вдруг, остановившись, он схватился за левый бок, повернул к Палладию побледневшее лицо, произнес почти шепотом:

— Ваня, мне чего-то нехорошо, и голова кружится.

Палладия давно уже никто не называл его мирским именем, и, услышав его, он вдруг увидел не грозного митрополита, постоянного члена Синода, а своего близкого и теперь такого родного друга — Мишку Короткова. Слезы по-

катились из его глаз и, подхватывая падающего Мелитона, он воскликнул:

— Миша, друг, что с тобой, милый? Я сейчас...

Ухватив под мышками обессиленного митрополита, он стал волоочь его к стоящему у дороги стogu свежескошенного сена. Привалив друга к стogu и упав рядом с ним, Палладий стал лихорадочно шарить в глубоких карманах подрясника. Наконец достал металлическую колбочку:

— Вот, Миша, валидол, я его всегда с собой ношу, на, положи под язык.

Митрополит молча лежал на сене, устремив взгляд, затуманенный слезой, в бездонное синее небо, по которому бежали редкие пушистые белые облачка. Он вдруг вспомнил, как в далеком детстве любил лежать на траве и наблюдать движение облаков, представляя, что на этих облаках живут ангелы и святые. Много прошло с того времени лет, и сейчас он поймал себя на мысли, что ни разу с тех пор не смотрел вот так на небо — как-то было не до того. А теперь понял: надо было чаще смотреть на небо. Вся

жизнь — в какой-то постоянной суете. Вот она прошла, эта жизнь, а он и не заметил.

— Ваня, ты заметил, как жизнь прошла?

— О чем ты говоришь, почему прошла, что за пессимизм? Ты всегда оптимистом был.

— Да я не о том, Ваня.

— А о чем? Ну как, тебе лучше?

Палладий не сводил тревожного взгляда с лица своего друга, на щеке которого застыла слеза.

— Я всегда боялся умереть без покаяния, — сказал митрополит, — хорошо, что ты здесь, прими мою исповедь и разреши меня от греха моего.

— У меня епитрахили с собой нет, — растерялся Палладий.

— Эх, Ваня, на старости лет ты совсем в детство впал, дружище. Для чего же тебе дана благодать такого высокого сана? Или забыл уроки по литургике профессора Георгиевского? Да любую веревку или полотенце благослови, на шею надень — вот тебе и епитрахиль.

— Да где же я веревку возьму? — оправдывался архиепископ.

Митрополит стащил поясок со своего подрысника:

— Вот тебе епитрахиль, извини, что омофора нет, — он не удержался, чтобы не съязвить.

Видя растерянность друга, закричал:

— Господи, тебе еще святую воду принести, так я ее своими слезами окроплю! — и, утерев пояском глаза, накинул его на шею Палладия.

Архиепископ стал произносить молитвы, а митрополит повторял их вслед за ним, глядя в небо и часто осеняя себя широким крестным знаменем.

Так, глядя в небо, он и заговорил, как будто сам для себя:

— Кроме многочисленных моих грехов, в которых я исповедуюсь регулярно перед своим духовником, есть один грех, который меня тяготит уже много лет. Кратко его можно назвать: малодушие и предательство друга. Когда рукоположили меня во епископы, вскоре приехал в Москву Николай Терентьев. Приехал за помощью и поддержкой. Его тогда уполномоченный регистрации лишил, и он приехал ко мне, чтобы я посодействовал ему устроиться на приходское служение. Я увидел его во время всенощной в патриаршем соборе. Он подошел ко мне под елеепомазание. В старом плаще, в сапогах, весь мокрый от дождя, и вид у него был какой-то жалкий. Я его даже сразу не узнал. А как узнал, обрадовался, спрашиваю: «Николай, ты ли это, каким ветром?» Он объясняет: «Надо, Владыка, встретиться, поговорить, я сейчас без места, может, чем поможешь?» Я в ответ: «Конечно, какой разговор, мы ведь друзья. Сегодня, — говорю, — не могу, ужин в Нидерландском посольстве, а завтра приходи к 14 часам в ОВЦС». На следующий день жду его у себя в кабинете, вдруг заходит ко мне архимандрит Фотий и говорит: «Там, Владыка, вас дожидается священник Николай Терентьев, так вот, я не рекомендую вам его принимать». «Почему это?» — удивился я. А Фотий говорит: «Я навел о нем справки через совет по делам религии — его уволили за антисоветскую деятельность». «Какую антисоветскую деятельность?» — совсем опешил я. «Он занимался с молодежью, вел, так сказать, подпольный кружок по изучению Священного Писания». «Не понимаю, — говорю, — Священное Писание — это что, антисоветская литература?» «Да все вы понимаете, Владыка, я же вам благо желаю. Вас

собираются командировать в Америку служить, а это вам может сильно подпортить, но поступайте, как хотите». Я, конечно, подумал, все взвесил и не стал принимать Николая. Ему сказали, что я уехал по вызову Патриарха. Он не глупый, все понял и больше ко мне не приходил. Вот такой мой тяжкий грех... Немного помолчав, Мелитон добавил:

— А ведь тем, что митрополит, я ему, Николаю, обязан.

— Как так? — не понял Палладий.

— Так ведь я жениться собирался, влюбился в Ольгу Агапову, а Николай ее у меня отбил. Я вначале обижался на него, а потом думаю: хорошо, что не женился, семейная жизнь не для меня — и стал монахом, потому и митрополит сейчас. Как она теперь, кстати, матушка Ольга?

— Да уже лет пять, как померла от рака, — сказал Палладий и вдруг зарыдал во весь голос.

— Царство ей Небесное, — перекрестился митрополит.

— Теперь ее душа у Бога. Ты-то чего убиваешься?

— Да я над своими грехами тяжкими плачу. Исповедуй и ты меня, брат, — он дрожащими руками снял с шеи поясик и, сотрясаясь от рыданий, подал его Мелитону.

— Ну-ну, успокойся, друг мой, и облегчи свою душу покаянием.

— Кроме вас с Николаем, был еще и третий, кто полюбил Ольгу.

— Неужто и ты? — удивился митрополит.

— Да, я, только когда ей признался, она тоже мне призналась, что любит Николая, а ко мне относится как к брату. Я хоть и опечалился, но в то же время порадовался, что у них такая взаимная любовь, а сам стал готовиться к монаше-

ству. Меня ведь после тебя через пять лет в архиереи рукоположили. Все это время отец Николай с матушкой Ольгой где-то скитались, он работал то сторожем, то кочегаром. А как я стал архиереем, они ко мне в епархию приехали. Я тогда лично пошел к уполномоченному хлопотать за Николая, взял с собой здоровенный конверт одними сотенными. Конверт-то уполномоченный принял с радостью, да на следующий день говорит: «Ничем не могу помочь, комитетчики не пропускают. Правда, есть выход. Обком предлагает собор отдать под нужды города, а вам дадут другой храм, где сейчас государственный архив, размером он почти такой же, да не в центре». Я, конечно, с негодованием отверг это предложение. Вечером ко мне пришла матушка вся в слезах. Говорит: «У меня, Владыка, рак врачи обнаружили, не знаю, сколько проживу, а вот Николай без службы у престола Божия еще раньше от тоски помрет, совсем плох последнее время стал». Упала на колени, плачет, я тоже на колени встал, плачу. Отпустил ее, обнадежив обещанием что-то сделать. Всю ночь молился, а наутро пришел к уполномоченному и дал согласие на закрытие собора и переход в другой храм. Отца Николая отправил служить в Благодатовку. А потом меня такая досада за свой поступок взяла, что прямо как-то неприязнь к отцу Николаю появилась. За все время ни разу к нему на приход не приезжал служить, да и к себе в гости не звал. Вот какие грехи мои тяжкие. Простит ли Господь?

— Господь милостив. Может быть, Он нас сюда для этого прощения и привел. Ты знаешь, удивительно на меня твой валидол подействовал. Вставай, старина, пойдём к Кольке: он простит, и Бог нас тогда простит...

Напротив стога остановилась лошадь, запряженная в телегу. Соскочив с повозки, к ним подошел мужик и, поздоровавшись, спросил:

— Вы, отцы честные, отколь и куда идете?

— Да вот, направляемся в Благодатовку, к отцу Николаю.

— Ой, да и я ведь туда же, договориться с батюшкой хлеб освятить, а то скотинка часто болеть начала. Садитесь, подвезу.

Он подбросил на телегу сена и помог усесться владыкам. Затем, звонко причмокнув, встряхнул вожжами:

— Н-но, родимая! — и лошадка покорно зашагала, пофыркивая на ходу.

Мужичок оказался словоохотливый. Рассказал, какой хороший у них батюшка Николай и как все его любят не только в Благодатовке, но и у них в Черновке.

— Матушка у него больно хорошая была, такая добрая, ласковая со всеми. Только шибко хворала, да Господь смилостивился над нею: на Пасху причастилась, сердешная, и померла. Говорят, коли после Причастия, да и на Светлой помер, то напрямик в рай. Так ли это?

— Так, так, — подтвердил Палладий. За перелеском открылся вид на Благодатовку. Посреди деревни стоял однокопальный деревянный храм с колокольней. Вокруг него, как сиротинушки, жались около пятидесяти крестьянских дворов. За околицей пробегала небольшая речка, а сразу за ней начиналась березовая роща.

— Красота-то какая! — восхитился митрополит.

— Да, красота, — поддакнул возничий. — Только все равно молодежь бежит в город. Тут ведь у нас развлечений никаких нет, а работа

крестьянская тяжелая. В городе-то что, отработал смену — и ноги на диван.

Мужик довез их до самой церкви. Архиереи поблагодарили его и, открыв калитку, вошли в церковную ограду, крестясь на храм. В глубине двора около сарая они увидели парня, коловшего дрова. Священник в коротком стареньком подряснике собирал поленья и носил их в сарай. Набрав очередную охапку, он обернулся на скрип калитки и замер в удивлении, воззрившись на двух идущих к нему архиереев. Потом дрова посыпались из его рук на землю, и отец Николай почти бегом устремился навстречу владыкам. Оба архиерея при его приближении повалились на колени. Отец Николай, оторопев, остановился, пробормотав:

— Господи, что это со мной творится, — и осенил себя крестным знамением: — «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...».

— Ну вот, Ваня, мы теперь не друзья ему, а врази. Мы к тебе, Николай, с покаянием. Прости нас Христа ради. Отец Николай подбежал к ним, бухнулся на колени:

— Благословите, владыки, меня, грешного, я уж было подумал — наваждение бесовское.

Он обнял их обоих. Три поседевшие головы соединились вместе. Так, прижавшись друг к другу, они простояли минут пять молча. Затем отец Николай вскочил и помог подняться архиереям. Все стали смеяться, хлопать друг друга по плечам, что-то говорить в радостном волнении. Говорили все разом, никто никого не слышал, но все были счастливы. Потом вместе пошли на сельское кладбище и отслужили литию на могиле матушки Ольги. Когда пришли в дом, там был накрыт ужин. К этому времени по распоряжению отца Николая на буксире прита-

щили «УАЗик». За столом сидели долго, вспоминая былое и радуясь, что они теперь все вместе, как когда-то в студенческой юности. Трое друзей помолодели не только душой — глаза горели молодым блеском и морщины расправились.

Спохватившись, отец Николай сказал:

— Я ведь сегодня собирался служить службу полиелейную, завтра празднуем память равноапостольной княгини Ольги, матушкин день Ангела. Каждый год службу в этот день правлю, сегодня-то мало кто будет, а завтра к литургии народу много придет и из соседних деревень.

— Ну вот что, — сказал митрополит, — мы будем с тобой служить.

— Архиерейских облачений у меня нет.

— А мы с Палладием и иерейским чином послужим с удовольствием, две ризы-то у тебя еще найдутся?

— Конечно, Владыка, как благословите, — и отец Николай мечтательно добавил: — Вот бы архиерейское богослужение! Народ здешний такого еще ни разу не видывал.

— Будет тебе завтра архиерейская служба, — заверил Палладий. — Где у тебя тут телефон? Дозволившись до секретаря, он распорядился:

— Завтра к половине девятого утра с протодиаконом и иподиаконами — в деревню Благодатовку. Будем литургию служить. Да не забудьте и для митрополита облачение взять.

Утром, еще не было восьми часов, а уж иподиаконы суетились в храме, расстилали ковры и раскладывая облачения. Слух о прибытии ар-

хиереев быстро разошелся по народу, и в храм пришли даже те, кто туда никогда не ходил.

На малом входе архиепископ Палладий склонился к митрополиту и спросил:

— Если я надену на отца Николая крест с камнями, ты у Святейшего подпишешь ходатайство?

— Не мелочись, я и митру подпишу.

Палладий снял с себя крест, надел его на отца Николая, а митрополит снял свою митру и, провозгласив «аксиос», водрузил на голову совсем ошарашенного настоятеля.

После службы и обеда Палладий засобирался домой, а Мелитон сказал:

— Ты уж не обижайся, но чего я поеду в город, и так надыхался в Москве всякой гари. Поживу здесь с недельку как человек.

Но недельку митрополиту как человеку пожить не удалось. Назавтра позвонили из Патриархии и сказали, что вместо заболевшего Никанора ему надо срочно лететь в Африку на международную конференцию «Мир без ядерного оружия».

Прощаясь с отцом Николаем, он грустно спросил:

— Ты ни разу не видел танец эфиопских епископов под барабан?

— Нет, — ответил озадаченный отец Николай.

— Счастливый ты человек, хотя, впрочем, зрелище это прелюбопытное.

Село Нероновка Самарской области, октябрь 2002 г.

РОБЕРТ (РОМАН) БАЛАКШИН

БИОГРАФИЯ

Балакшин Роберт (Роман) Александрович — член Союза писателей России, прозаик, публицист.

Родился 25 декабря 1944 в селе Коротыгино Грязовецкого района, Вологодской области. Отец — судоводитель, капитан 3-го ранга речного флота, еще до войны по партийной линии был назначен директором совхоза. Мать — медработник. Заболев клещевым энцефалитом и став инвалидом 1-й группы, отец с семьей переехал в Вологду. Поэтому Балакшин считает себя человеком городским. Свое детство писатель называет счастливым. Отец с матерью прививали ему интерес к отечественной литературе, читали ему русские народные сказки, книги Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Гоголя.

После окончания в 1952 году школы-восьмилетки Балакшин поступил в строительный техникум. В 1964 году был призван в ряды Советской армии, служил в Латвийской ССР. В воинской части в Риге была хорошая библиотека, и Балакшин всерьез приохотился к чтению. К этому времени относятся первые его попытки писать рассказы. Отслужив в армии, в 1967 году вернулся в Вологду, где поменял несколько рабочих профессий.

В 1969 году по рекомендации областной писательской организации своеобразное «шефство» над молодым писателем взял В. П. Астафьев, которому Балакшин благодарен за бесценные уроки мастерства. В 1974 году по рекомендации Астафьева в журнале «Север» был напечатан рассказ Балакшина «Две недели». В 1984 году под тем же названием в местном издательстве вышла первая книга писателя. В это же время Балакшин принял участие во Всероссийском совещании молодых прозаиков (в семинаре Вадима Дементьева). Совещание прошло в местечке Лемью под Сыктывкарком.

В 1985 году Балакшин был принят в Союз писателей СССР. В 1992 году в переводе Балакшина в Вологде вышла книга немецкого писателя Рихарда фон Фолькманна «Сказки». С 1999 по 2002 годы Р. А. Балакшин являлся ответственным секретарем Вологодской писательской организации, активно участвовал в литературной жизни России, выезжал в Москву, в Республику Саха (Якутия), в Тирасполь и в другие места. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «О, русская земля» в 2005 году, Государственной премии Вологодской области по литературе в 2006 году. Награжден медалью благоверного князя Даниила Московского.

По предложению архимандрита Московского Сретенского монастыря Тихона (Шевкунова) переложил для детей 60 житий православ-

ных святых, а также написал исторический роман о святом благоверном князе Дмитрии Донском.

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ

- Две недели. Повесть. Рассказы. — Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1984.
- Обычные дни. Повести, рассказы. — М.: «Современник», 1986.
- Светоч. Сборник статей. — М.: «Молодая гвардия», 1988.
- Брат отца. Повести. — Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1989.
- Фолькманн, Рихард фон. Сказки (перевод с немецкого). — Вологда, 1992.
- Александр Благословенный в Вологде. — Вологда, 1993.
- Александр Освободитель в Вологде. — Вологда, 1993.
- Легкие следы. Стихи. — Вологда, 1994.
- Именослов. Знаменитые люди в Вологде. — Вологда, 1994.
- Человек — река. Рассказы. — Вологда, 1998.
- Россия — это сама жизнь. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004.
- Церковь Покрова Богородицы, что в Козлёне. Историко-церковный путеводитель. — Вологда, 2000.
- Избранное. — Вологда, 2005.
- Прокопий. — Вологда, 2003, 2005.
- Добрый дедушка. — Вологда, 2002, 2003, 2005.
- Святитель Николай. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2005.
- Святая Мария Египетская. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2005.
- Святые Борис и Глеб. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2005.
- Святые Кирилл и Мефодий. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2006.
- Равноапостольная Нина. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2006.
- Блаженная Ксения. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2005.
- Мученица Татиана. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2005.
- Сорок мучеников. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2005.
- Равноапостольная Ольга. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2006.
- Почетные граждане Вологды. — Вологда: «Книжное наследие», 2005.
- Мой город милый. — Вологда, 2007. — 150 с.: ил.
- И в жизнь вечную. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007.
- Жития святых для детей. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007.
- Сабля брата. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008.
- Святой благоверный князь Дмитрий Донской. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010.

ПОВОРОТ К ЖИТИЙНОЙ ПРОЗЕ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ ЕСТЕСТВЕНЕН

ИНТЕРВЬЮ

— Читательская аудитория во многом воспринимает Вас как продолжателя литературной традиции писателей-деревенщиков. Об этом же, отчасти, свидетельствует и Ваша писательская биография. Что Вы хотели бы сейчас сказать о Ваших старших наставниках, среди которых упоминают В. П. Астафьева?

— Я продолжатель традиции русской реалистической литературы. Писателем-деревенщиком меня назвать нельзя. Родился я в деревне, но родители мои переехали в Вологду, когда я был еще младенцем. По рождению я — деревенский, а по образу жизни — житель городской. Впервые в деревню я попал, когда мне было 14 лет. Деревенской жизни я не знаю и никогда о ней не писал. В. И. Белов удивлялся, что я не знаю, как запрягать лошадь и говорил, как это просто. Действие большинства моих литературных произведений разворачивается именно в Вологде (за исключением повести «Венчание», там все происходит в Латвии).

О Викторе Петровиче Астафьеве я храню самые добрые и сердечные воспоминания. В течение 11 лет, что он прожил в Вологде, я много раз встречался с ним, он читал все мои первые рукописи. Как писатель, я глубоко благодарен ему, что он научил меня смотреть на литературу серьезно, видеть в ней не предмет забавы и развлечения, а относиться к ней как к

работе, которая требует от человека отдавать ей всю свою душу, если хочешь научиться писать по-настоящему. Виктор Петрович сыграл громадную роль в становлении меня как писателя. За это ему низкий поклон и вечная память.

До сих пор я прохожу мимо дома, где он жил, с волнением. Перед моим мысленным взглядом он по-прежнему живой, так же, как и его верная помощница и супруга Мария Семеновна.

Это, скорей всего, выходит за рамки интервью, но, несмотря на мое уважение к памяти учителя-наставника, я категорически не приемлю его высказывания последних лет жизни, его суждения о И. В. Сталине, Г. К. Жукове и др. Но это особый вопрос.

— Последние годы Вы заняты созданием уже почти что полностью церковных книг, среди которых переложения житий святых для детей, книга о святом благоверном князе Димитрии Донском. Как Вам лично, как писателю, дался этот поворот от чисто художественной прозы? Ведь в церковной литературе несколько другие законы творчества.

— К тому моменту, когда архимандрит Тихон (Шевкунов) благословил меня на создание житий для детей, у меня уже вышло около двадцати книг прозы, писатель я был опытный, прихожанин Церкви с более чем десятилетним

стажем, поэтому я не испытал особых затруднений. Я понимал, что в данном случае требуется иной подход к материалу, иной душевный настрой, чем при написании повести или рассказа, другой подход к языку, нельзя прибегать к стилизации, чтоб из житий не получились расписные тульские пряники, но нельзя прибегать и к просторечию, нельзя, чтобы в жития проникли сказочные мотивы. Важно было настроить свою душу на должный лад. Поэтому поворот от художественной прозы был для меня прост и естественен.

— *Для многих людей в их обретении веры важную роль сыграли книги. Вы можете сейчас назвать самую первую книгу, которая сделала Ваш жизненный путь христианским?*

— Возможно, ответ на этот вопрос покажется неожиданным, но что было, то было. В Советском Союзе одним из немногих писателей, в произведениях которого можно было прочесть о Боге, о вопросах связанных с духовностью, был Л. Н. Толстой. Это общепризнанный факт. Немало советских людей узнавали о Боге, о религии без атеистической, зачастую глумливой, подливки по Толстому. Человеку думающему была видна атеистическая ложь в важных вопросах бытия, отечественной истории, отечественной мысли, хотелось знать другую точку зрения. Но прочесть это можно было только в статьях Л. Н. Толстого. Потом, приняв Крещение, молясь в храме, ты видел заблуждение, неправоту писателя, уж не говорю о кощунственных описаниях служб в «Воскресении». Правды ради, нужно признать, что рассказ Льва Толстого «Хозяин и работник», по-

мимо того, что это литературный шедевр, весь пронизан христианским чувством. Кроме того, как писатель, интересующийся историей своего края, я брал в областной библиотеке «Вологодские епархиальные ведомости». Я пролистал их все за 60 лет издания. Чтение «Ведомостей» открывало передо мной иную Россию, иную жизнь, которую от нас скрывали. Их чтение просвещало душу и ум, двигало их в нужном направлении.

Так что какую-то одну книгу я назвать не могу. Мой приход к вере был обусловлен не одним каким-то фактом, а огромным комплексом (еще с раннего детства) прочитанных книг, поступков, размышлений, встреч с людьми, сцеплений, как любил говорить Лев Толстой. Большое значение для меня имела моя работа в управлении культуры Вологодского облисполкома, встречи с художником-реставратором древнерусской живописи Н. В. Перцевым, реставратором-архитектором Г. П. Беловым, музейными работниками. Это тема для интереснейшего социологического исследования; из музейных работников, как говорили тогда, бойцов идеологического фронта, вышло много иереев, именно в годы начала возрождения церковной жизни в России. Видимо, русская культура, православная по сути своей, оказывала незримое, но действенное воздействие на души людей.

По словам Ф. И. Тютчева «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», людям не дано знать как они воздействуют на других людей. Для меня было приятной неожиданностью прочитать на книге, подаренной мне в 2002-м году В. И. Беловым, такие слова: «Дорогой Роман. Я под твоим влиянием поверил в Бога нашего Иисуса Христа».

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Племя сарацин-кочевников в пятом веке было настоящим бичом Божиим для христиан Палестины. Их летучие отряды внезапно налетали на селения, грабили, жгли, убивали и так же быстро исчезали в пустыне, словно это были привидения, а не люди. Сторож на дозорной вышке большого селения заметил вдалеке облачко пыли. Пока он размышлял, что бы это могло быть, облачко росло. Когда сторож увидел в облачке мелькавшие, как короткие молнии, сабли, он забил тревогу, но было поздно. Разбойники влетели в село, врываются в дома, поджигали кровли и полосовали саблями направо и налево. Вскоре там, где недавно было цветущее селение, дымились пепелища и всюду валялись трупы мужчин, пытавшихся защитить свои семьи. На пороге одного дома плакал мальчик Зосима. Злодеи убили его родителей. Соседи, сами еле сводившие концы с концами, не могли взять мальчика к себе и отвели его в монастырь. Сострадательный отец настоятель с любовью принял сироту и через какое-то время постриг в монахи. В молитвенных подвигах прошло пятьдесят лет. Мальчик превратился в седовласого старца, постника и молитвенника. Из близлежащих сел и из дальних городов приходили к нему люди за духовным советом. Лукавый дух долгие годы искушал старца помыслами и соблазнами, пытаясь свести его с молитвенного пути, но отбегал, побежденный. Вкушал ли Зосима пищу, трудился ли на монастырском послушании, в сердце его не умолкала Иисусова молитва, не-

изменно он пребывал кротким и смиренным. Но дух зла настойчив и хитер, всевозможные уловки изобретает он, чтобы проникнуть в человеческую душу. Использует малейшую промашку, чтобы свить в душе человека гнездо. Не отступал дух от Зосимы и чуть не добился успеха. Завершив иноческое правило, Зосима задумался о себе ночью в келье. — Есть ли на земле инок, — неосторожно размечтался он, — подобный мне, такой же молитвенник и постник? Същется ли человек, который превзошел бы меня в иноческих подвигах? Сам того не чуя, Зосима искушался грехом гордыни.

На помощь Своему избраннику пришел Господь. Еще не окончили Зосима своих горделивых мечтаний, как явился к нему посланный Господом Ангел. — Зосима, — сказал Ангел затрепетавшему иноку, — ты усердно и доблестно исполняешь свой подвиг. Но есть подвиги гораздо труднее пройденных тобой. Ступай в монастырь, лежащий при реке Иордан, там ты убедишься в справедливости моих слов. Не смея ослушаться Ангела, Зосима простился с братией родного ему монастыря, и через четыре дня пути перед ним заблестели воды святой реки. Игумен Иорданского монастыря радушно встретил славного Зосиму, отвел ему светлую келью, часто приходил к нему побеседовать о спасении души, о молитвенном подвиге. В этом монастыре был примечательный обычай. В первую неделю Великого поста за литургией все иноки причащались Святых Христовых Тайн,

вкусали немного пищи, затем снова собирались в церкви и после продолжительной колелопреклоненной молитвы выходили за ворота обители с небольшим запасом хлеба и воды. Переправившись за Иордан, они расходились в разные стороны, чтобы в пустынном одиночестве провести Великий пост. Возвратившись в монастырь за неделю до Воскресения Христова, никто из иноков не расспрашивал друг друга, как он провел время в пустыне и чем занимался. Старец Зосима, как и все иноки, блуждал по пустыне, молясь и предаваясь богомыслию. К концу третьей недели одиноких странствий Зосима утомился. В прежней обители у него была крыша над головой, а здесь днем палит солнце, ночью где-то вблизи рычит лев и заливисто, пронзительно хохочут шакалы. А то, случается, налетит песчаная буря, ветер швырнет в лицо сухую горсть песка, точно тысячи мелких иголок вопьются в кожу. Томительные часы лежишь на земле, закутавшись до макушки в плащ, пока не уймется буря. Над головой свистит и завывает ветер, а на зубах скрипит песок. Тягостен с непривычки показался Зосиме этот молитвенный подвиг. Стал он считать дни, оставшиеся до возвращения в монастырь, и даже подумывал, не вернуться ли туда прежде срока. Одно происшествие образумило его. Чтобы отогнать малодушные помыслы, Зосима пел молитвы шестого часа. Вдруг он вздрогнул: на песке рядом с его тенью четко отпечатались еще одна человеческая тень. «Должно быть, бесовское наваждение», — подумал старец, еще громче читая молитвы. Но тень не исчезала. Зосима обернулся и невольно попятился. Перед ним стоял человек. Вернее, существо, похожее на человека. Кожа его была темно-коричневого,

даже черного, как подгоревший пирог, цвета. Седые, косматые волосы длинными прядями закрывали его грудь и плечи. Человек был голый, ни клочка одежды не было на нем. И все же это был человек. Глаза, живые человеческие глаза внимательно и чутко смотрели на Зосиму. Не встретив за много дней скитаний по пустыне ни одной человеческой души, Зосима радостно шагнул к диковинному незнакомцу. Но тот проворно отбежал от него подальше. — Постой, — крикнул Зосима, — не убегай от меня. Остановись. Подойди ближе и скажи: кто ты? — Я не могу подойти к тебе, — отвечал незнакомец, — ведь я женщина. Дай мне что-нибудь из твоей одежды. Зосима бросил ей свой заплатанный плащ, женщина закуталась в него и подошла к старцу. — Благослови меня, — попросил он ее. — Нет, авва Зосима, — сказала женщина, — благословлять можешь только ты, ведь ты священник, а не я. Преподобный Зосима не верил своим ушам: как эта женщина, которую он видит впервые, знает его имя и сан. Должно быть, она прозорливая, святая. — Нет, духовная мать, — возразил Зосима, — я должен смиренно просить у тебя благословения, ибо вижу, что ты человек праведный, на тебе почитает благодать Божия. Уступая просьбам Зосимы, женщина благословила его и спросила: — Скажи, как нынче живут христиане и святая Церковь? — Молитвами святых угодников, — отвечал Зосима, — Церковь благополучна, и слово Божие проповедуется по всей земле невозбранно. А теперь давай помолимся Господу за весь мир и за нас, грешных.

Женщина повернулась на восток, беззвучно шепча слова молитвы. Молился и Зосима. Вдруг колени его подкосились, и он упал на песок: пу-

стынная праведница оторвалась от земли на целый локоть и стояла на воздухе, словно на каком-то твердом возвышении. Боже мой, ужаснулся Зосима, ведь это дух, призрак, а я просил у него благословения. — Напрасно ты смущаешься, отче, — закончив молиться, сказала женщина и подала старцу руку, помогая ему подняться. — Я не призрак. Ты чувствуешь, что рука моя подобна твоей, она из плоти и крови. Зосима долго молчал, ошеломленный увиденным, и стал настойчиво умолять женщину рассказать ему о себе: кто она, откуда, как оказалась здесь? — Я не сойду с места, пока не узнаю о твоей жизни. Поверь, мать, я гордился своими подвигами, но они — ничто в сравнении с твоими трудами. Расскажи, поведай мне о себе. — Что же я могу рассказать тебе? — вздохнула женщина. — Я большая грешница. Я столько зла принесла в мир, посеяла так много семян порока, что и двух жизней не хватит, чтобы отмолить их. Нет, не о чем мне рассказать тебе. Зосима видел, что в душе женщины живет чувство неподдельного смирения, и продолжал умолять ее. Наконец, женщина согласилась. — Мне больно рассказывать про свою прошлую, постыдную жизнь, — начала она. — Но я обнажу перед тобой свою душу. Когда ты все узнаешь обо мне, не погнушайся мною, помолись, чтобы я смогла получить милость в день Страшного Суда. Слушая бесхитростный рассказ пустынницы, скорбел и печалился старец Зосима. Как рано, оказывается, грех может поработить человека и так опутать его тенетами пагубных привычек, что человек поистине находится у греха в плену. Зосима, ребенком помещенный в монастырь, не знал многих соблазнов мирской жизни, а его собеседница родилась в Египте в

небольшом селении и жила там до совершеннолетия. Родители обожали дочурку, мечтали воспитать из нее добронравную, достойную женщину. От проходивших через селение купцов девочка услышала о богатом и красивом городе Александрии. Он так велик, что его не обойти за неделю; он так богат, что купцы со всего света съезжаются в него, а жить в нем настолько легко, что любой человек, если он не последний тупица, запросто найдет там себе занятие по душе. Слова купцов запали в сердце девочки. — Неужели я родилась для того, — подумала она, — чтобы красота моя увяла в деревенском захолустье, в этой скучной, глухой дыре? Разве справедливо, когда одни люди получают наслаждения в Александрии, а я осуждена прозябать в неизвестности, всю жизнь возиться с овцами, курами, да пряхть шерсть? С того дня все мысли ее были связаны с Александрией. В воображении город представлял перед ней прекрасным, сказочным замком, и она любила хвастаться перед подружками, что имя ее прогремит в Александрии. Поучения отца и матери мечтательница пропускала мимо ушей, стала огрызаться, грубить родителям, и в двенадцать лет она ночью сбежала из дома. Александрия и в самом деле была велика, богата и красива, и абсолютно равнодушна к провинциалке. Проголодавшись, девочка просила поесть, но пирожники и хлебопеки оплеухами прогоняли ее от своих лотков. Чтобы не помереть с голоду, она предалась пороку и быстро полюбила такую жизнь: днем спать, а ночью прожигать свою жизнь на пирах. Имя ее действительно стало известно всей Александрии, но это была не добрая, а позорная слава распутницы и блудницы. — Когда мне исполнилось семна-

дцать лет, — рассказывала подвижница Зосиме, — на набережной, возле знаменитого маяка я встретила толпу народа. «Куда вы идете?» — спросила я. — «На корабль, отправляющийся в Иерусалим на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста», ответили мне. Отправилась с ними и я. На корабле я нашла разгульную компанию. Ничуть не задумываясь, в какой город плывет судно, мы, упиваясь вином и возбуждая себя непристойными песнями, беззаботно проводили время. И даже, прибыв в святой город, все дни до Воздвижения я провела не в посте и молитве, а в самом грязном разгуле. В день праздника я вместе со всеми богомольцами, как ни в чем не бывало, пошла в церковь и... не смогла переступить порога. Я сердилась, злилась, но передо мной стояла невидимая преграда, не позволявшая мне войти в храм. Прячась за людей, пригнувшись, я хотела тайком прошмыгнуть в дом молитвы, но незримая стена отсекала меня от шагнувшего впереди меня богомольца. Понапрасну измучав себя, я вышла на паперть и в изнеможении прислонилась к стене. А мимо меня в церковные врата шли и шли люди.

— До чего же ты дожила, — сказала я себе самой. — В день Страшного Суда отделият от зерна мякину, чтоб сжечь ее, а ты уже сейчас отделена от всех, ты уже сейчас никому не годный сор. Ты изменила обетам святого крещения, своими грехами ты каждый день распинаешь Христа. Ты уподобилась псам, которым запрещено входить в храм. На стене паперти висела икона Богородицы. — Пресвятая Владычица, — вспомнив себя невинной, чистой девочкой, молилась я. — Поведи, чтобы я могла войти в церковь и увидеть Честное Древо, на котором

был распят Твой Сын. Я более не оскверню мое тело блудом и пойду туда, куда Ты укажешь! В тот же миг я почувствовала необычайную легкость во всем теле и свободно вошла в храм. Когда я приблизилась к Честному Кресту, слезы раскаяния и умиления хлынули из моих глаз. Покидая храм, я вновь остановилась перед иконой Богородицы. — Благодарю тебя, всемиловитая Владычица, — сказала я, — что Ты сжалилась надо мной. Теперь наставь меня на путь покаяния. — Мария, — источился от иконы струящийся голос, — ступай за Иордан, там ты найдешь свое полное успокоение. Я вышла из храма. На дороге кто-то сунул мне в руку три медных монетки, на которые я в ближайшей лавке купила три хлебца. Достигнув на другой день реки Иордан, я омылась в ней, причастилась в церкви Иоанна Предтечи Святых Христовых Тайн и удалилась в пустыню, где и обитаю до сего дня. Сорок семь лет назад я оставила Иерусалим. — Что же ты ела в эти годы? — Хлебы, которые я купила, понемногу высохли и обратились в камень, их я и вкушала семнадцать лет, а потом питалась травами. Но чаще всего словом Божиим, ибо не хлебом единым будет жив человек (Мф. 4, 4). Одежда на мне истлела, летом я жестоко страдала от зноя, а зимой тряслась от холода. Не раз я падала, словно бездыханная, на землю, претерпевая муки. Но страшней мук голода, страданий телесных были муки душевные. Воспоминания о прежней распутной жизни так истязали меня, что я боролась с ними, как с лютыми зверями. Собираясь съесть несколько крох окаменевшего хлеба, я вспоминала фрукты, мясные блюда, всевозможные лакомства, которыми я насыщала свое чрево. Раздобыв где-нибудь воды, я

думала о вине, которого некогда пила вдоволь. Эти воспоминания сводили меня с ума. В памяти моей вставали картины моих греховных походов, сцены распутства восставали передо мной, как живые. В прежние годы я улаживалась этими воспоминаниями, но теперь они ранили мою душу, как шипы терновника. Вновь и вновь я взывала к Господу, дабы простил Он меня, принял мое покаяние. А сейчас мы должны расстаться. Никому не рассказывай обо мне, пока Господь не призовет меня к Себе. Мы встретимся с тобой снова через год. Принеси с собой Святых Христовых Тайн. А теперь иди с миром. Святая подвижница на прощание поклонилась Зосиме. Долго старец смотрел ей вслед, затем поцеловал то место, где она стояла, и отправился в свою обитель. По дороге он со стыдом припомнил свои былые, горделивые мысли о себе. «Ты превозносился перед самим собой, неведь что мнил о себе, — думал Зосима. — А Господь преподавал тебе урок, показав смиренную святую подвижницу, которая не гордится собой и ничуть не сожалеет, что никто в мире не знает о ней».

Год пролетел, как один день. Снова приблизилось Светлое Христово Воскресение. В Великий Четверг Зосима, взяв малую чашу со Святыми Тайнами, отправился знакомым путем к Иордану. Поджидая святую угодницу, Зосима смотрел на разлившийся Иордан и думал, как же она переправится через реку. На берегу нет ни лодки, ни плота. Наступила ночь, на небо вышла яркая луна. В ее свете Зосима увидел пустынь, подошедшую к берегу. Она осенила реку крестным знаменем, ступила на серебристую лунную дорожку, пересекавшую водную гладь, и как по земле, перешла по ней Иордан. Созерцая это чудо, Зосима в молчаливой молитве вос-

торженно благодарил Господа, еще раз показавшего ему, насколько он далек от совершенства. Святая пустыньница попросила Зосиму прочесть Символ веры, после чего причастилась Христовых Тайн, и со слезами воскликнула: — Ныне отпускаеши рабу твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром... — Отче, — сказала святая Зосиме, — исполни еще одно мое желание. Нынче ступай в монастырь, а на следующий год приходи, чтобы снова увидеть меня, — так хочет Бог. — Как бы я хотел, — сказал старец, вздохнув, — видеть тебя не через год, а каждый день. Видеть и слушать слова, которыми через тебя поистине вещает Святой Дух. Прошел еще год. Зосима торопливо шагнул по пустыне — так ему хотелось скорее увидеть святую угодницу. Вот ручей, у которого беседовали они. Еще издали он заметил лежащее на песке тело. Это была пустыньница. Руки усопшей были сложены крестообразно на груди, глаза закрыты, но лицо светло и красиво той красотой, какой Господь удостаивает только святых. Припав к ногам усопшей, Зосима оросил их слезами. В изголовье умершей старец прочел сделанную на песке надпись: «Погреби здесь, авва Зосима, тело смиренной Марии». Так завершила свой земной путь великая святая Православной Церкви — преподобная Мария Египетская. Со слезами и молитвой похоронил ее старец и возвратился в монастырь. Там рассказал он братии о ее подвигах. Из жития преподобной Марии мы видим, что нет такого греха, который нельзя было бы искупить чистосердечным покаянием. Если мы сумеем одолеть наши порочные наклонности, то этим духовным подвигом мы так же верно угодим Богу, как угодила Ему святая Мария Египетская.

АЛЕКСАНДР БОГАТЫРЕВ

БИОГРАФИЯ

Александр Владимирович Богатырев родился в 1948 году в Сочи. В 1959 году переехал в Ленинград, поступил в Суворовское училище. В 1966 году поступил в Ленинградский государственный университет на филологический факультет. Закончил его по специальности «переводчик с английского языка». Преподавал английский язык в библиотечном техникуме и институте сельского хозяйства. Занимался литературным переводом с английского и таджикского (по подстрочникам). Печатался в журналах «Дружба Народов», «Памир», «Родина», «Москва», «Звезда». Книги переводов Сатора Турсуна и Абдурафе Рабиева изданы отдельными книгами в издательствах «Советский писатель» и «Ирфон». С 1982 года работал на киностудиях «Леннаучфильм» и «Лендокфильм». По сценариям

А. Богатырева снято около тридцати фильмов. С 1992 года работал в качестве сценариста и режисера. Неоднократно был лауреатом премий на кинофестивалях «Радонеж», «Невский ангел», «Вечевой колокол», «Семья России». Фильм «Сибирь», снятый по сценарию А. Богатырева, был куплен 37-ю странами. Темы фильмов: путь к Богу современного человека, история и жизнь Церкви, экология. С 1988 года пишет публицистические статьи церковной и общественной тематики. Регулярно печатается на сайтах «Православие.ру», «Радонеж», во многих областных газетах и журналах. Сборники статей и рассказов изданы в Санкт-Петербурге («Рассказы», 2011) и Москве («Ведро незабудок» и другие рассказы», 2013). В 1988 году был пострижен в Тобольске во чтеца и иподиакона.

МИТРА-УКРОТИТЕЛЬНИЦА

РАССКАЗ

В те незабвенные времена, когда епархии были большими, а Новосибирская простерлась на пол-Сибири, включая в себя помимо Новосибирской области еще и Красноярскую, Том-

скую, Новокузнецкую и Кемеровскую, а так же Алтай, Хакассию и Туву... (Если что-то упустил, прошу простить великодушно). Так, вот, в этой Новосибирской епархии, возглавляемой влады-

кой Гедеоном, служил отец Лев. (Имя владыки подлинное, а имя нашего героя пришлось изменить). Но он и вправду чем-то походил на льва: коренастый, широкоплечий, с густыми волосами до плеч, но главное — удивительно сильный. Этот батюшка славился своим взрывным характером (при быстрой отходчивости) и неправдоподобной добротой. Воистину, мог просить рубашку, отдать и исподнее. Был он к тому же хорошо образован, поскольку закончил два советских вуза и в прежней, доцерковной, жизни занимал большой пост по энергетической части. Жил он тогда в закрытом номенклатурном поселке в отдельном двухэтажном коттедже на берегу широкой сибирской реки. И зарплата его была аж целых 350 рублей (не считая регулярных премий). Тогда это были большие деньги. И вдруг, в один не очень хороший для его сослуживцев и начальства день, Лев Алексеевич (это его мирское имя) оставляет работу с окладом в 350 рублей, двухэтажный коттедж и перебирается на колокольню ремонтируемого храма за триста верст от родного дома. Определили его сторожем и рабочим по всяким нуждам с окладом в 80 рублей. Этому непонятному для семьи и коллег поступку предшествовало небывалое событие. Оно могло быть оставленным без должного внимания и прещения со стороны начальства. Но произошло все скандално, конфузно и даже, по общему определению руководства партийной организации, «до неприличия преступно». А преступил Лев Алексеевич вот что. Ему было поручено подготовить доклад о последнем съезде коммунистической партии и о том, как в свете его решений советская энергетика достигла заоблачных вершин. С этим докладом нужно было выступить сна-

чала в областном центре, а потом и в Москве на всесоюзной конференции. Лев Алексеевич отказался. Стали его спрашивать о причине отказа. Сначала он не хотел ничего объяснять, но когда ему пообещали объявить выговор по партийной части, он всплил и заявил, что устал врать. Если ему позволят сделать объективный доклад и освободят от необходимости цитировать Ленина и петь здравичу Брежневу, то он выполнит приказание, а если нет, то доклад готовить не станет. Тогда ему напомнили о партийной дисциплине и недопустимости подобных речей. За это его могут и из партии выгнать. На это он отреагировал бурно и заявил, что нет нужды его изгонять. Он и сам уйдет. Время было строгое. Подобных демаршей не допускали. Выгнали его не только из партии, но и с работы. Куда бы он потом не пытался поступить, повсюду получал отказ. Устроился простым электриком на завод — через неделю его вызвали в отдел кадров и вернули ему трудовую книжку без всяких объяснений. Он уже дошел до того, что готов был идти в грузчики. И пошел. И снова через несколько дней получил трудовую книжку. И снова работники отдела кадров не стали объяснять ему причину увольнения. Однажды он, новоявленный безработный, проходил мимо церкви Николая Угодника и увидел, как за оградой две согбенные старушки разгружали машину. Пожилой шофер подавал им какие-то коробки, и они перетаскивали их в храм. Они с великим трудом преодолевали 6 ступеней довольно высокого крыльца. Лев Алексеевич зашел в открытую калитку и, ни слова не говоря, взял сразу 4 коробки, и понес их в храм. Одна из старушек принялась его благодарить, а вторая, глядя на него с недоверием и беспокой-

ством, стала объяснять, что ему ничего не заплатят. Тогда первая, перебивая напарницу, проговорила: «Вы ведь решили потрудиться во славу Божию?» — В Петю, — проворчал Лев Алексеевич. — Какого Петю? — А какого Славу? Старушки опешили. — Вот сразу видно, что вы не церковный человек. Во славу Божию, значит без денег. — А вы, церковные, уже и не верите, что человек может бескорыстно захотеть помочь пожилым женщинам. Причем здесь слава Божия? Я, может быть, бомж. И о Боге вообще не думаю. И какая слава для Бога оттого, что я занесу в храм коробки? — А вот такая. Всякое доброе движение сердца говорит о том, что Бог в вас живет. Это его ангел подвинул вас на доброе дело. А мера делания разная. Одни за Бога душу кладут — идут на мучения и смерть. Другие делают незаметные добрые дела. Но они в очах Божиих дорогого стоят, — старушка посмотрела на Льва Алексеевича ласково. Он хотел было продолжить рассуждения о ненужности высокопарного слога, когда речь идет о простых вещах, но, поглядев на доброе лицо старушки, расхотел ей перечить. Он улыбнулся и сказал: «Вас бы, бабуля, на наше партийное собрание поговорить о добрых делах». — На собрание ваше я не пойду, а вот вам надо бы с нашим батюшкой поговорить. — Собрание уже не наше. Выгнали меня из партии, а с батюшкой говорить мне не о чем. В этот момент старушки как-то разом охнули и семена поспешили ко входу. Навстречу им шел пожилой священник. Старушки одна за другой сделали земной поклон и сложили ладошки лодочкой одна на другую. Батюшка перекрестил их, кладя руку в сложенные ладошки. Старушки поцеловали благословляющую руку и повернулись в сто-

рону Льва Алексеевича, делая ему малопонятные знаки. Он подошел к священнику, поздоровался и замер, не зная, что делать. — А благославление почему не берете? — спросил священник, хитро посмотрев на незнакомца. — Звать-то как? Лев Алексеевич представился. Батюшка взял левой рукой его обе руки и медленно перекрестил, проговорив: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!». Сначала он коснулся лба, потом живота и поочередно правого и левого плеча. Потом он положил правую руку на голову Льва Алексеевича и, слегка сдавив ее, произнес: «Вразуми Господи раба Твоего Льва, помози ему, и спаси его!» Лев Алексеевич хотел было пошутить насчет удержания его рук: дескать, нет нужды меня так крепко держать, не сбегу. Но вдруг почувствовал какую-то тяжесть в языке. Язык, что называется, не ворочался, словно отказывался проговорить возникшую в уме шутку. И тело как-то обмякло, да и в голове как-то затуманилось, будто стал проваливаться в сон. Старушки что-то щебетали про его добровольную помощь. Подошла еще одна женщина из церковной лавки с какими-то бумагами. Батюшка что-то отвечал ей, не выпуская правой руки гостя из своей левая, а правой подписывал принесенные ему бумаги. А потом повел его, держа за руку, как маленького, через церковный двор. Они долго пили чай и беседовали. Лев Алексеевич рассказал ему о своей жизни, о том, что произошло после его демарша, о том, что его даже в грузчики теперь не берут, о проблемах с женой. Ей пришлось написать в обком заявление о том, что она не разделяет политические взгляды мужа — иначе бы их выселили из коттеджа. Он не может простить ей ее невольного предательства, а она горюет из-за того,

что он «из-за своего длинного языка и психованного характера» потерял работу. Теперь старые друзья обходят их стороной. А он в семье не находит понимания и поддержки. Батюшка слушал его внимательно, иногда задавая вопросы. Потом предложил ему уехать хотя бы на время из города. Предложил поработать у своего брата — священника на восстановлении храма. Ему, как энергетика, работы много: и проект составит и в качестве электрика может потрудиться, да еще и сторожем, чтобы постоянно при храме быть. А поживет в церковной ограде, походит на службы, потрудится на Господа и Тот все устроит. И смысл жизни ему откроется, и истинная иерархия ценностей, и как жить дальше. Лев Алексеевич согласился сразу же, будто всю жизнь мечтал о подобном пред-

ложении. Батюшка оказался прав, но не совсем. Еще до переезда в другой город после нескольких бесед со священником Лев Алексеевич обрел веру в Бога. Да такую твердую, что ему самому казалось, что никакого атеистического прошлого у него вовсе не было. «Ведь все так просто. Как же я до сих пор не видел этого!?! И мои коллеги не видят очевидной работы Божией во всем. А еще инженеры! Есть машина — значит, есть тот, кто ее придумал, кто запустил ее в производство. А насколько мир совершеннее всех механизмов. Один человеческий организм — это же чудо! Миллиарды клеток, система пищеварения, обмена. А глаз человеческий! А печень, а почки! Искусственная почка — агрегат с целую комнату. А Господь в такой маленькой человеческой уложил всяких протоколов и сосудов — сотни километров. Поди, сделай. Без капитального ремонта по сто лет служит. А весь человек! Робота за миллионы долларов делают, чтобы он совершал несколько функций. А тут безо всяких миллионов — с женой пообщался и такой совершенный механизм выходит. Он же еще и чувствует, и страдает, и музыку, и стихи пишет. Нет, велик Господь, создавший нас! И никакая космическая пыль после всяких первовзрывов за миллиарды лет сама по себе ни во что кроме пыли не превратится. Это все равно, что вытряхнуть пыль из пылесоса и путем изменения температур ждать миллиард лет, когда из нее образуется все то, что создано на земле. Экие чудачки! Это же вера у них такая. Верят в НИЧТО! Ничто само собой организуется в прекрасный мир, наполненный красотой и сложнейшими организмами. Как можно верить в то, что есть создание без Создателя. Абсурд! И все, как загнипнотизированные верят в

этот абсурд». Так рассуждал новообращенный. Пытался он об этом говорить с бывшими сослуживцами, но они шарахались от него, как от зачумленного. С ними теперь не то, что о Боге, о рыбаке было невозможно поговорить. Никто его никуда не приглашал. Звонки прекратились. С ним теперь даже не всегда здоровались. А ведь без малого 20 лет он был душой компании, в которую входило большинство товарищей по работе. И вот он исчез из коттеджного поселка. Исчезновение его заметили. Почему-то решили, что он поехал в Москву жаловаться. Начальство, чтобы его упредить, отослало в министерство такую «телегу», что она могла бы раздавить кого угодно. Из этой клязусы следовало, что во всем свете не было более опасного врага советской власти. Случись это раньше, не при Брежневе, а при его предшественнике Хрущеве, Льву Алексеевичу не миновать бы посадки. Но из министерства никакого грома не прогремело, а пришла стандартная отписка, рекомендовавшая начальству поступать с преступником по своему — местному усмотрению. Вскоре узнали, что Лев Алексеевич подался в церковные сторожа. Все дружно решили, что он просто сошел с ума, и постарались поскорее о нем забыть. Но одно всеильное ведомство сделало оргвыводы. И на всех предприятиях области было велено усилить атеистическую работу. Это ни к чему не привело. А вот жены бывших сослуживцев Льва Алексеевича почему-то стали частенько захакивать к жене опального коллеги. Она довольно скоро успокоилась, перестала осуждать мужа и под воздействием бесед с батюшкой, устроившего судьбу ее благоверного, стала потихоньку ходить в храм. У нее появились Евангелие учебники по катехизации, мо-

литвословы, церковные календари. Она дарила их своим соседкам. И что самое удивительное — никто на нее не донес. Жены оказались намного порядочнее и мужественнее своих мужей. А потом и горбачевская вольница наступила. О Церкви заговорили с интересом и уважением. И те, кто несколько лет шарахались от Льва Алексеевича, старались залучить его в гости, как только он приезжал домой. Он не помнил обиды и рассказывал «как инженер инженерам» о том, как премудро Господь устроил мир. Говорил он просто, доходчиво и «со властью»: энергично, тоном, не допускавшим возражений. Да и возражений особых не было. То, что его сослуживцы восприняли, как сумасшествие, теперь виделось мужественным жертвенным поступком, свидетельствующим о его правоте. Но в карьере священника у отца Льва проблемы были серьезные. Его постоянно переводили с прихода на приход. Только он начнет ремонт церкви — его тут же за двести верст, в глухой угол. Начнет на новом месте наводить порядок, собирать приход — опять перевод. Это было делом уполномоченного. Священники были бесправны. Особенно, если органы произвели их в неблагонадежные. Они по всякому поводу, да и без повода могли лишить священника, так называемой, регистрации — справки о разрешении совершать священнодействие. А без такой справки иерею делать нечего. С приходом к власти Горбачева жизнь Церкви стала полегче. Но не всякий архиерей, не говоря о рядовом священстве, верил в то, что дарованные послабления искренние и, что их не отменят в любое время. Отца Льва к этому времени перевели в большое село и позволили ему строить церковь. Это был первый в области вновь

созидаемый храм. До этого только ломали. Сам батюшка никак не мог поверить в то, что ему позволят довершить дело. Он торопился и совершал немислимые подвиги. Приехав домой, он собрал бывших сослуживцев. — Ну что, иуды, будем каяться? — начал он шутивно, но грозно. — У вас появился шанс загладить вину предательства. Жертвуйте деньги на строительство храма. И пожертвовали. После первого сбора кто-то предложил каждый месяц отдавать «десятину» — десятую часть зарплаты. Жене отца Льва удалось подвигнуть женскую половину поселка на мораторий на новые наряды и траты на развлечения пока отец Лев не закончит стройку. Конечно, далеко не все были в восторге от этой затеи. Некоторые отказались давать деньги. И с десятиной не очень-то получилось. Но жизнь в небольшом закрытом поселке зачастую обязывает делать то, чего не хочешь. Тут даже отъявленным скупердяям трудно было маскировать жадность под «принципиальный атеизм». Особенно, когда жены постоянно твердят: «А что люди скажут!?!». Церковь отцу Льву удалось построить невероятно быстро. Через два года оставались штукатурные работы и небольшие доделки в электропроводке. Батюшка собирался закончить один из трех престолов, и на Пасху служить в новом храме. А до Пасхи оставалось три недели. Пригласил на первую службу жертвователей. Несмотря на дальнейшее расстояние многие собрались приехать. Но тут случилась незадача. Прежде, чем приступить к отделочным работам, нужно было представить комиссии выполненные работы. Все были довольны, но районный специалист по электрике — дама, очевидно, иной веры, наотрез отказалась подписывать акт приемки.

Формально она была права. Электропроводка в нескольких местах была не закончена. Доделка заняла бы день-другой. Но она с такой ненавистью смотрела на отца Льва и на церковные стены, что было ясно: ее принципиальность объясняется далеко не производственными резонами. Напрасно отец Лев объяснял ей, что он ее коллега с тридцатилетним стажем работы. Он сам готов за ночь все доделать. Ведь если она не подпишет акт приемки, то следующую комиссию можно будет собрать очень нескоро. А через 3 недели Пасха, на которую он уже пригласил сотню гостей. Будет сорвана Пасхальная служба. — Ну и прекрасно! — засмеялась ему в лицо электроначальница. Отец Лев почувствовал, как кровь ударила ему в голову. Он задрожал и еле сдержался — так ему захотелось плюнуть в этот смеющийся рот. Не над ним смеялась эта дамочка, а над Господом. Он не мог этого вынести и гневно пообещал «сатанистке и христоненавистнице» страшную кару. Дамочка перестала смеяться, долго с ненавистью смотрела на отца Льва: — Не знаю, кто меня наказывает, а вот ты, поп, получишь. На следующее утро возле строки остановилась черная «Волга». Из нее вышел двухметровый товарищ в дорогом костюме. — Где тут ваш поп? — обратился он к рабочим, вышедшим из вагончика бытовки. — Да вон, на крыльце. Отца Льва можно было узнать только по бороде. Он был в заляпанном бетоном халате и пилотке, сделанной из газеты. Гость быстро подошел к отцу Льву и схватил его обеими руками «за грудки». Он сжал халат у самого горла и закричал на всю стройплощадку: — Ты как с моей женой разговаривал, толоконный лоб? Отец Лев прокашлялся и тихо проговорил: «Отпустите. Со

священником так себя не ведут». — Ишь, ты. Какие нежности. Забыл, как вас пачками к стенке ставили и в нужниках топили!? Забыл? Так я тебе сейчас напомяну. — Рабочие смотрят. Не унижайте себя, — еще тише проговорил отец Лев. — Я шас тебя унижу. И не только перед рабочими, — прошипел незванный гость. Он был выше отца Льва на целую голову. Еще секунда, и здоровенный кулак сломал бы священнику нос. Отец Лев не помнил, как уклонился от удара и вырвался из крепкой хватки. Через какое-то мгновение обидчик оказался в в ванне с остатками раствора. Рабочие одобрительно кивали головами и показывали батюшке большой палец. Никто не поспешил помочь гостю выбраться из ванны. Отец Лев постоял немного, глядя на то, как дорогие туфли выписывают в воздухе над ванной замысловатые курбеты, усмехнулся и, взяв незадачливого мстителя за шиворот, сильным рывком вырвал его из грязевого плена. Нужно было видеть, как его без особого успеха отмывали из шланга. Чтобы не испачкать машину гостя облачили в какую-то рваную спецовку. Дорогой костюм он все же приказал шоферу завернуть в полиэтилен и положить в багажник. Извергая Ниагару брани и угроз, он укатил, а через день за отцом Львом прислали машину из епархии. На епархиальном собрании тон задавал уполномоченный. Владыка был печален. Таким его еще не видели. Он грустно объявил о причине внеочередного собрания и попросил отца Льва рассказать о том, что произошло. «Мститель за жену» оказался большим начальником. Отец Лев поднялся и кратко рассказал о том, как вела себя жена этого товарища, о том, что он обещал ей кару Господню за богохульство. Ну и подробно историю

того, как ее муж приехал наказать его. Отцы слушали молча. Многие сидели, опустив головы. Когда Отец Лев закончил, секретарь епархии принялся витиевато рассуждать о христианской любви и о том, что всегда можно найти способ полюбовно решить любую проблему. А вот этого-то дара у провинившегося батюшки и не наблюдается. И в то время, когда государство перестало враждовать с Церковью, он своей несдержанностью сотворил двух ее врагов. Это ли должен делать пастырь?! Уполномоченный торжествовал. Появилась возможность без особого труда покончить с неудобным иереем. Он, не скрывая радости, заявил о необходимости строго соблюдать постановления Вселенских Соборов и даже назвал правило, по которому священник извергается из сана за рукоприкладство. Все были поражены. Раньше он подобных знаний не демонстрировал. Однако, все знали, кто его консультировал и стучал на отцов. Наступило долгое молчание. Неожиданно духовник епархии восьмидесятилетний отец Дмитрий поднялся и обратился к уполномоченному: «А вы, часом, не помните, что писал Иоанн Златоуст о мирянах, поднявших руку на священника?» Уполномоченный обалдело смотрел на старца, не находя, что ответить. Духовник сел, а батюшка загудела, спрашивая друг друга, «что такое изрек Златоустый Иоанн?» Уполномоченный строго оглядел зал: «Меня партия поставила на эту должность не для того, чтобы я вел с вами богословские разговоры. Мне нужно следить за тем, чтобы вы не нарушали социалистическую законность. Это в первую очередь»... Он запнулся, не находя подходящих слов. Да и непросто было их найти, когда первый секретарь партии Горбачев выдавал с высоких трибун тирады,

противоречившие внутренним установкам его организации. Он и сам не мог толком понять, что он нынче должен делать, а чего делать на всякий случай не стоит. Но он твердо знал, что самый ненавистный во всей епархии поп должен быть уничтожен. И непременно сегодня. Он снова грозно оглядел присутствовавших. — Я, конечно, должен лишить за такое безобразие Льва Алексеевича регистрации, а если пострадавший подаст в суд, то дам соответствующую характеристику. (Уполномоченные никогда не называли священников «отцами», а только мирскими именами. Особенно это было нелепо, когда они обращались к монахам и архиереям.) Уполномоченный снова замолчал, победоносно глядя на отца Льва. Тот медленно поднялся и, обратившись к владыке, громко сказал: «Вины моей нет. Я этого артиста не бил, а только увернулся от его удара. А что касается регистрации, так я так скажу: пройдет несколько лет — и духу вашего не будет. Будете у себя на даче колорадских жуков регистрировать. А когда помрете, то я вас отпевать не стану. Даже если ваша жена будет слезно просить». Сказал и сел. В зале поднялась невыносимая кутерьма. Все заговорили сразу. Но громче всех был слышен бас соборного протоиерея Кузьмы: «Да как же ты, отец Лев, откажешься отпевать? Ну, ты даешь». — Да он, ведь некрещеный, наверное, — раздался чей-то голос из задних рядов. — Надо спросить, крещеный он или нет, пока он тут. Уполномоченный от такого поворота словно окаменел. Пока священники обсуждали проблему того, что с ним делать после его неминуемой кончины, он сидел, тяжело дыша, и вдруг срывающимся голосом закричал: «Прекратите этот поповский базар!» Он хотел добавить что-ни-

будь оскорбительное, но внезапный кашель не позволил ему. Он зашеялся в кашле и никак не мог успокоиться. Собрание умолкло. В наступившей тишине хриплый кашель стал походить на собачий лай. Уполномоченный вскочил и, смеяно семеня заплетающимися ногами, не переставая кашлять, бросился вон из зала. — Эх, его бесыра скрутил, — сказал кто-то в заднем ряду. Владыка поднялся с места. Все затихли. — Давайте, пока уполномоченный не вернулся решать, что делать с отцом Львом. Либо запрет, либо за штат... Уполномоченный настаивает на лишении сана. Снова поднялся шум. Владыка поднял руку, стараясь успокоить отцов. — Вы, отец Лев, в который раз ставите меня в подобное положение. Сколько лет уже в сане. Пора бы научиться сдержанности. — Какая сдержанность с врагами Церкви, — проворчал отец Лев. — Ну, вот. Вижу, что ничего не поняли. Это из партии можно было уйти, хлопнув дверью. А ведь вы иерей Бога живаго. От Бога не уйдешь. — А я и не собираюсь. И Вас прошу не лишать меня сана. Я, Ваше преосвященство, тогда погибну. Он помолчал немного и, упрямо потряхнув головой, произнес: «Да не слушайте вы клеветников. Они вынудили меня»... — Опять они. Да скажи хоть что-нибудь о своей вине. — Виноват в том, что доставил Вам неприятности, а в том, что не уступил врагам Господа нашего, вины не нахожу, — отец Лев оглядел притихших отцов. — Простите, Ваше высокопреосвященство. И вы, отцы, простите. Я, наверно, что-то не понимаю. Не достиг меры мудрости вашей. Не разумею политеса и всякой политики. Простите. Владыка едва заметно улыбнулся и сел: «Так что же нам, отцы, делать?» С минуту стояла тишина. Духовник епархии отец Димитрий громко

скрипел стулом. Он тяжело поднялся и вздохнул. — Благословите, владыка! Вы все знаете о моем преступном прошлом. Десять лет лагерей и семь лет ссылки. Старый лагерник. А кто меня туда упек? Да такой же товарищ, как и тот, что повелел собрать нас здесь. Вон он в сених кашляет. Сажать они нас могут. А вот решать, кому быть в сане, а кому нет — позволять им нельзя. Да и кого он приказывает лишить священства! Отца Льва! Простите отцы за правду, но он, может быть, более всех нас достоин сана. Вспомните, как он пришел в Церковь. На какие жертвы пошел. А как он исполняет свои обязанности! Сколько храмов отремонтировал! Церковь новую построил! Сколько безбожников к Богу привел! А как он к нам на престольные праздники приезжает. Никого не забудет: ни матушек, ни детушек. Всех по именам помнит, всех одарит. Для всякого слово доброе найдет. А что не сдержан... Так я ему даже завидую. Не всякий из нас имеет дерзновение с врагами Церкви воевать. Мы ведь боимся. Начальства, место потерять, регистрации лишиться. А он не боится. Молодец! Достойный пастырь. Его не сана лишать, а за великие его труды предлагаю наградить митрой. Архиерей даже крикнул от неожиданности. — Как наградить!? Мы должны решить вопрос о наказании отца Льва... — Митра, владыка, его смирит. Попомните мое слово. Вы же его после моей смерти еще и духовником епархии назначите. Пока владыка нервно перебирал какие-то бумаги, несколько раз открывал и закрывал кожаную папку, священники дали волю эмоциям. Кто-то смеялся, кто-то недовольно гудел. Несколько человек наперебой рассказывали о том, как отец Лев по-

мог им. Отец Димитрий повернулся к виновнику собрания и громко стал давать совет, что делать, когда гнев начнет обуревать его: — Ты, отче, что б тебе ни говорили, молчи и читай Иисусову молитву, а потом и скажи про себя: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажиши мене». Так говори всегда, когда начнешь гневаться. Постепенно в уме и сердце созреет понимание, что гнев тебе не по чину. Не имеешь на него права. Я так от гневливости излечился. Даст Бог — и тебе поможет. Видя, что отцы все больше воодушевляются и все громче галдят, владыка закрыл собрание. Уполномоченный так и не вернулся. Через три недели отец Лев служил Пасхальную службу в приделе Святого Георгия Победоносца. Он не стал дожидаться позволения, сам закончил проводку и отштукатурил стены. Народу было — полный храм. Бывшие сослуживцы приехали на двух автобусах. На Антипасху отец Лев был награжден митрой. Через три года стал духовником епархии. Он, действительно, стал удивительно кротким. Говорил немного, взвешенно и мудро. Прежде, чем дать ответ минуту-другую молчал. Скончался он прямо на амвоне от разрыва сердца, давая после службы прихожанам крест. В суд тогда на отца Льва любящий муж не подал. Его подруга неожиданно для него воспользовалась горбачевской свободой и покинула Россию. Уполномоченный после того епархиального собрания потерял прыть. В дела правящего архиерея перестал вмешиваться. На приходах вообще не появлялся. Он долго болел и через год умер. Уполномоченный оказался крещеным, и вдова отпела его. Правда, заочно и вдали от областного центра.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

БИОГРАФИЯ

Председатель Союза писателей России, заслуженный работник культуры РСФСР, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии, академик Международной академии творчества, Академии словесности, Петровской академии, доктор исторических наук, профессор.

Родился 3 июля 1933 года на станции Пестово Ленинградской области (ныне город Пестово Новгородской области). В юности жил в Сибири, затем в Полтавской области. В 1956 году окончил Киевский государственный университет по специальности — историк.

Литературной деятельностью В. Ганичев стал заниматься в 1963 году. В 1970-х годах вышли его первые книги: «Наследники», «Чистые ключи», «С открытым сердцем», «У огня» и другие. В 1980-е годы вышли исторические романы и повести: «Росс непобедимый», «Тульский энциклопедист», «Флотовождь», «Державница», книги о XVIII веке, где он художественно исследовал место России, Европы и Азии в мировой истории, роль русских героев и подвижников в жизни страны.

В 1964-1965 годах занимал должность заместителя главного редактора журнала «Молодая

гвардия». С 1966 года — руководитель одного из крупнейших издательств Советского Союза — «Молодая гвардия», выпускавшего 25 журналов и 40 миллионов экземпляров книг в год. С 1978 года В. Н. Ганичев — главный редактор газеты «Комсомольская правда», затем — главный редактор литературных журналов «Роман-газета», «Роман-журнал XXI век».

В 1994 году Валерий Ганичев становится председателем Союза писателей России. По его инициативе деятельность Союза писателей расширилась, состоялись выездные пленумы Союза в Орле, Краснодаре, Якутске, Омске, Чечне, Санкт-Петербурге, пленум «на колесах» «Москва — Владивосток». При его участии осуществилось свыше 50 писательских, культурологических, патриотических проектов — программа «Малые города», литературно-патриотические чтения «Прохоровское поле», свыше 30 общероссийских премий — Твардовского, Бунина, Фета, Ф. Абрамова, П. Васильева, Лермонтова, Александра Невского, Прокофьева, «Сталинград», «Прохоровское поле», Большой литературной премии России и т. д.

В. Н. Ганичев явился одним из создателей Всероссийского общества охраны памятников, Фонда милосердия и согласия и других. Он уча-

ствовал также в создании Фонда «Русская национальная школа» и Всемирного русского народного собора. Он — активный участник и докладчик на заседаниях Всемирного русского народного собора, Союза писателей России при обсуждении тем: «Россия и русские на пороге XXI века», «Духовное возрождение и обновление общества», «Вера и знание», «Духовное и физическое состояние нации», «Русская культура и ее нравственная основа». Им организованы конференции: «Русские ценности», «Защитим русский язык», «Русская духовность и культура», «Русская школа», «Русские исторические писатели». При его участии выпущены книги и материалы по темам: «Русская цивилизация», «Русская история», «Русское зарубежье», «Русская дума», «Русская душа»; учебные пособия по отечественной истории и литературе. Многие годы В. Н. Ганичев активно занимается изучением и объяснением роли России, русского народа в мировой цивилизации и культуре (книги «Русские версты», «Они выиграли войну. А вы?» и др.). Опубликованы эссе В. Н. Ганичева «Русские ценности», «Русский смех», «Русская кухня». За публикации материалов по истории русских железных дорог, в том числе повесть-эссе «Дорожник», ему присвоено звание «Почетный железнодорожник».

Валерий Николаевич неоднократно выступал с докладами и статьями на темы, связанные с историей, развитием исторической романистики в России, провел исследование — «Духовно-историческая и православная тема в художественной литературе». Его перу принадлежат исследования по истории России XVIII века, истории Черноморского флота, Новороссии, в ко-

торых автор использовал материалы архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Рыбинска, Саранска, Николаева, Херсона, греческих архивов острова Корфу. На основе этих и других работ им написаны исторические романы и повести по истории России XVIII века.

Свыше 25 лет В. Н. Ганичев собирал материалы об адмирале Федоре Ушакове, выпустил ряд книг, посвященных ему, и в 1995 году обратился к Святейшему Патриарху с просьбой рассмотреть эти материалы на предмет канонизации адмирала Ушакова в лике святого Русской Православной Церкви. В 2001 году непобедимый адмирал Федор Ушаков канонизирован как православный святой.

В книге «У писателей России», трехтомном собрании сочинений В. Н. Ганичев изучает духовное и социальное состояние российского общества последних лет, развитие литературного процесса.

Валерий Ганичев — поборник единой, великой России, исповедующей традиционную христианскую религию, устремленной к высшим достижениям мировой цивилизации и культуры. Выступает за воссоединение 25 миллионов соотечественников, оказавшихся за пределами России после распада СССР, за единение славянских народов. Активно участвует в работе различных общественных организаций: Всемирном русском народном соборе, Московском интеллектуально-деловом клубе, Международном славянском фонде, Благотворительном фонде «Спасение национальных культурно-исторических ценностей» и др.

Известна приверженность В. Н. Ганичева Русской Православной Церкви и его связи с мусульманскими духовными и светскими лиде-

рами. Он удостоен Всероссийской литературной премии имени С. Т. Аксакова за широкую просветительскую работу от президента Башкортостана, Тургеневской премии «Бежин луг» за возрождение Центра России, Большой литературной премии России, патриотической премии «Прохоровское поле» (Белгород). Он — автор доклада «Пушкин и Восток» в Каире, инициатор проведения встреч писателей России и их коллег за рубежом на тему православных и мусульманских духовных ценностей (Сирия, Ирак, Ливан, Иордания). Выступил на Всетуниссской встрече работников культуры, где вручил юбилейную медаль А. С. Пушкина.

В. Н. Ганичев посетил более 60 стран мира, где выступал в ряде научных и культурных центров, в аудиториях писателей и научных работников в США (Джорджтаунский университет), в Египте (Каирский и Хелуанский университеты), в Индии (Университет штата Кералы), в Китае (Институт иностранной литературы), Японии (Хоккайдо-центр профсоюзов), Гане (Президентский культурный центр), Кубе (Университет), Португалии (Лиссабонский университет), СФРЮ (Международный семинар в Дубровнике), Польше (Славянский центр), Палестине (конференция писателей), ЮАР (Союз журналистов), Лаосе (Военный центр), Чехословакии (ряд издательств), Пакистане (Молодежный центр), Швейцарии (Союз молодежи), Ливане (Трипольский центр ЮНЕСКО), Германии (Берлинский университет), Венгрии (Союз писателей), Греции (Корфу — архив, Союз переводчиков), Ираке (Союз писателей), Канаде (Союз соотечественников), Франции (Международная конферен-

ция), Норвегии (в ряде студенческих и рабочих аудиторий), Монголии (Университет в Улан-Баторе) и т. д.

В. Н. Ганичев — автор ряда научных исследований по вопросам молодежи, психологии восприятия текстов, печати. Защитил докторскую диссертацию по истории и практике печати для молодежи в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова на факультете журналистики.

Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1978). Автор более 100 научных статей и монографий. Академик Международной академии творчества, Международной академии информатизации при ООН, Академии словесности, Петровской академии (Санкт-Петербург), академик и вице-президент Международной славянской академии. Заместитель главы Всемирного русского народного собора, заместитель председателя Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Был избран членом Общественной палаты Российской Федерации (2005). Заслуженный работник культуры РСФСР, награжден орденами Почета, Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», многими медалями и другими наградами.

Отмечен наградами Русской Православной Церкви: орденом Преподобного Сергия Радонежского II степени (1999), орденом Святого благоверного князя Даниила Московского II степени (2003), орденом Святого равноапостольного великого князя Владимира II степени (2006) и другими.

Живет и работает в Москве.

 БИБЛИОГРАФИЯ

- Чистые ключи: сборник / М.: Правда, 1981. — 63 с.
- Устремление вперед: Лит.-критич. статьи / М.: Современник, 1981. — 432 с.
- У огня...: сборник / М.: Мол. гвардия, 1982. — 287 с.: ил.
- Во имя потомков: статьи / М.: Правда, 1982. — 47 с.; 16 см — (Б-ка «Огонек», № 12).
- Росс непобедимый: Историческое повествование, были и легенды о южном «окне» России, создании Черноморского флота, о городах и селах, воздвигнутых трудом и разумом наших людей в Причерноморье в веке XVIII-м / худож. Н. А. Абакумов; М.: Воениздат, 1985. — 192 с.: ил.
- Тульский энциклопедист: Историческое повествование со взглядом в день нынешний, о писателе, ученом, мыслителе, поэте, исследователе, врачевателе, садов насаждателе Андрее Тимофеевиче Болотове, жившем в XVIII-XIX вв. / Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. — 157 с.
- Росс непобедимый: Исторические повествования / худож. А. Дудин. — М.: Современник, 1987. — 556 с.: ил.
- Росс непобедимый: Историческое повествование: [Для сред. и ст. шк. возраста] / вступ. ст. В. И. Буганова; худож. В. Тогобицкий. — М.: Дет. лит., 1989. — 414 с.: ил.
- Ушаков / Мол. гвардия, 1990. — 462 с.: ил.
- Росс непобедимый: Ист. повествования / худож. В. М. Аладьев. — М.: Сов. писатель, 1990. — 591 с.: ил.
- Росс непобедимый; Тульский энциклопедист: [О А. Т. Болотове]: Ист. повести / ил. Ю. Игнатъева, С. Кузьминой. — М.: Роман-газета, 1993. — 396 с.: цв. ил.
- Флотовождь: [О Ф. Ф. Ушакове] / М.: Патриот, 1994. — 462 с.: ил. (Библиотека «Отчизны верные сыны»).
- Русские версты: сборник / М.: Рус. духов. центр: Роман-газета, 1994. — 332 с.
- Полководцы: [Сборник / Вступ. ст. В. Ганичева] М.: Роман-газета, 1995. — 412 с. Содерж.: О Сталине, Жукове, Рокоссовском, Коневе, Шапошникове, Василевском, Кузнецове, Малиновском. — Посвящается 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.
- У писателей России: Мысли, раздумья, выступления на писательских встречах, пленумах, юбилеях: Заметки о кн. и событиях 1994-1999 гг. / Союз писателей России (СПР) М.: Роман-газета XXI век, 1999.
- Державница: Они выиграли войну... А вы? / Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- Адмирал Ушаков: Флотовождь / М.: ИТРК, 2001. — 511 с. (Библиотека исторического романа).
- Православный дорожник: сборник / вступ. ст. М. Лобанова. — М.: Воениздат, 2003. — 559 с.: ил.
- Собрание сочинений 2003 / ФГУИПП Янтарный сказ. — 719 с.
- Святой праведный Феодор Ушаков / 2-е изд., испр. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 556 с., [24] л. ил., факс., портр. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр. вып. 1145 (945)). — Библиогр. в конце кн.
- Святой праведный Феодор Ушаков / Москва: Молодая гвардия, 2006 (М.: Типография

АО «Молодая гвардия» — 557 с.: ил., портр., факс., цв. ил., портр. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр. Вып. 1231 (1031)). — Библиогр. в конце кн.

- Россия и слово: беседы главного редактора газеты «Российский писатель» Николая Дорошенко с председателем Союза писателей России Валерием Ганичевым / Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2008. — 63 с.

- Средиземноморский узел / Валерий Ганичев. Охота на гения / Валерий Нечипоренко: романы. — М.: Подвиг, 2008. — 280 с. — (Подвиг. Героика. Приключения. Детектив 1/2008).

- Пространство литературы — путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами сборник научных трудов: по материалам Второй международной научно-практической конференции, 14 декабря 2007 года / М-во образования и науки Украины, Национальный технический ун-т «Харьковский политехнический ин-т»; под ред. В. Н. Ганичева, А. Г. Романовского Харьков: НТУ «ХПИ», 2008. — 415 с.: ил. — Текст рус., укр.

- Святой праведный Феодор Ушаков / Изд. 4-е. — Москва: Молодая гвардия, 2008. — 556 с., [24] л. ил., портр.; (Жизнь замечательных людей: серия биографий вып. 1334 (1134)). — Библиогр. в конце кн.

- Адмирал Ушаков: флотоводец и святой / Москва: ИТРК, 2008. — 511 с. — (Библиотека исторического романа).

- Росс непобедимый / Москва: Вече, 2008.

- Ушаков / Москва: Аксиом Кардс, 2010. — 471 с. — (Библиотека патриотической литературы).

- Росс непобедимый: исторический роман / Москва: М-во обороны: Вече, 2009. — 414 с. (Библиотека патриотической литературы: БПЛ).

- Святой праведный Феодор Ушаков / Изд. 5-е. — Москва: Молодая гвардия, 2010. — 556 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. 1469 (1269)). — Библиогр. в конце кн.

- Святой воин адмирал Ушаков: жизнеописание, прославление, чудеса, документы, служба / Изд. 2-е, испр. — Москва: Синтаγμα, 2010. — 686 с.

ПОКРАСА ГОРОДА

РАССКАЗ

Сашенька Козодоев решил для себя твердо всю жизнь посвятить «архитектуре гражданской», формула которой: «польза, прочность и красота» постигалась им с жадностью и воодушевлением.

Начинал он учебу в «архитекторской команде» самого Саввы Чевакинского, зарекомендовав студентом «удобным к сией науке». Чевакинский дал возможность поучить теорию зодчества великих итальянцев, потребовал, чтобы прилежно относились к арифметике, геометрии и иноземным языкам. Из российского же письма велел штудировать труд князя Долгорукого «Архитектура гражданская выбрана из Паладиуса славного архитекта и из иных многих архитекторов славных... писана в Венеции, лета 1699 году месяца сентября учением и тщением будучи господина князя Долгорукова, а по русскому календару 7206 году» и более новую «Должность архитектурной экспедиции», объединяющую архитектурный трактат со строительным кодексом. День и ночь просиживал Сашенька над книгами, любил перерисовывать с гравюры памятники и другие куншты, а потом обучался делать планы и фасады, ордеры чертить.

Однако учиться дальше не пришлось, заболела матушка, и три с лишним года не учился, а занимался делами хоть и небольшого, но хлопотливого имения.

Но слава Богу! Маменьке стало легче, и он снова приехал за «умением» в этот славный

Петербург, на этот раз в архитектурный класс Академии художеств.

В небольшой комнате, которую снимал на Васильевском острове, повесил он на стене «Наставление для студентов архитектуры», по которому в первом году обучался ранее. В оном значилось, что перед полуднем арифметике и геометрии теоретической и практической обучаться должен, а также упражняться в рисовании планов, профилей и фасадов. По полудни чертить по Виниоловым и другим правилам столбы. По вечерам вменялось читать то, что днем учили, и читать книги, до сих наук касающиеся. В некоторые дни добавлялось «рисовать с гипсу», моделировать у разных мастеров. А сверх того изучать французский и итальянский языки, читая по вечерам дома авторов на оных языках. Во все свободные часы рекомендовалось ходить в мастерские палаты к художникам всякого звания, а также где палаты строятся для познания всяких материалов.

На другой стенке так, что всегда свет из окна падал как и положено, на мууровой ленте лазоревого цвету в простой раме прикрепил Сашенька знаменитую «Панораму Петербурга» гравера Зубова. Подолгу стоял перед ней будущий архитектор, всматриваясь в диковинный, с многопрофильной крышей дом Голицыной, большой, с трехэтажным центром и боковыми одноэтажными крыльями дворец младшей сестры Петра Натальи Алексеевны, одноэтажный с мезонином, высокий, с изломом крыши и вы-

соким карнизом по центру дворец непутевого сына императора Алексея Петровича, и похожий на этот — дворец вдовствующей царицы Марфы Матвеевны, в котором позднее Растрелли учил своих учеников. Далее видна была часть Фонтанки с Летним садом, в самом центре пышная усадьба Меншикова, одевающаяся в камень Петропавловская крепость с колокольной, здание Сената, дома Гагарина и Шафирова. Да много еще любопытных домов, точных деталей вырезал сей искусный гравёр Зубов. Многие уже перестроено, делалась гравюра в 1716 году, но величественный вид гармонии города будоражил Сашеньку, будил в нем высокие думы и воображение, посеянные еще в «архитектурной команде» Чевакинским.

На всю жизнь запомнилась ему короткая, но возвышенная речь сурового Чевакинского, сказанная перед учениками в первые дни занятия.

«Мои друзья по искусному ремеслу!

Вот вы, наклонные к учению в архитектуре и строительстве, решили стать зодчими России.

Земля наша всегда была славна умельцами в градостроительстве, как отечественными, так и иностранными, сообразующимися с сутью нашей жизни и природы. Стародавний Киев-град, Новгород, Владимир, Тверь — чудо-дворцы, древние кремни, крепости, палаты и святые храмы имели, и кои бусурманы не порушили, до сих пор стоят. От оных строений вам в голову и душу планы и ордеры взять многие, ибо они величавы и благолепны. Особливо же наша архитектура цивилизная при Великом Петре выросла. Первый русский архитектор Земцов, звание сие заслуживший в канцелярии от строений в Петербурге, его получил в 1724 году. С ним же петровские пенсионеры: Мичурин — московскую школу основавший, Коробов — свою команду создавший при Адмиралтейств-коллегии, а также Еропкин были. Все они и последующую школу российской архитектуры положили, вместе с замечательными итальянцами Растрелли и Трезини.

Зодчий-архитектор, во-первых, свою идею знать должен, ибо строительство он ведет во

славу Божью, государя, отечества и народа нашего.

Во-вторых, дело зодческое разуметь досконально должен, ибо в архитектуре законов точных немало, ордера свой принцип имеют и мерой обладают. Так, знак доброй архитектуры: ряд, симметрия, евритмия, размер. То есть все здание должно быть сделано по доброй пропорции. А если она будет разрушена, то все распадется.

В-третьих, он покрасе служить должен. И эта красота здания есть двоякая, одна окраса от места, то есть что такое здание есть сделано, на таком месте, на котором кажется хорошо, а другая окраса бывает от дела архитектуры, то есть что такое здание есть сделано по мере надлежащей».

Чевакинский задумался, тень пробежала по обличью, и продолжал тише:

«Тот, кто думает зодчеством высоких званий достигнуть, или богатство великое накопить, тот зело ошибается. Ибо достойный архитектор за его великую любовь к отчизне нередко гонениям и хуле подвержен. Так, при Бироне, в конце царствования Анны Иоанновны замучили Еропкина, Бланк был сослан в Сибирь. Умер в 1743 году Земцев от тяжелой работы, а Коробов от “всесильного двора” уехал из Петербурга.

Вот какво тем отечественным архитекам, кто идею петровскую в строительстве хотел продолжить, кто традиции российские продолжал и защищал, кто собственное достоинство соблюдал и мнение имел».

«Я — сторонник, — загремел дальше Чевакинский, — “архитектуру цивилис” с “архитектурой навалис”, то есть корабельной, соединить, ибо и там и здесь все сотворение разума и мастерства, зодчего и строителя.

Россия — страна морская, и вам еще не раз придется строить корабли и города, верфи и причалы, набережные и пристани. А для сего изучайте архитектуру Петербургского порта, Кронштадта, а также основанный при Петре и разрушенный тогда же зело красивый город и порт на Таганьем Рогу.

Многие считают, что Отечество наше, помимо воли Божьей и императорской власти, воином и землепашщем держится, а я бы к сему присовокупил: и зодчего-строителя. Вам же следует укрепить свой разум и сердце трудом, наукой и вечным бдением о благе Отечества нашего. А посему за дела, за дела каждодневно полезные для будущей работы. На пользу всей нашей России».

Сашеньке та речь запомнилась. Вспоминалось, как медленно ходил Чевакинский перед ними и, когда заканчивал фразу, останавливался и рубил указкой для чертежей, как бы отсекая сказанное. С тех пор юный и часто краснеющий студент, за что его друзья и звали не Александром, а на женский манер Сашенькой, загорелся корабельным, портовым, морским строительством. В залах академической архитектурной библиотеки, где хранились чертежи, альбомы, книги, он искал все, что рассказывало о морских городах. И старый библиотекарь из недоучившихся из-за здоровья студентов, видя его интерес, повел его в дальний закуток и вынул какие-то начертанные на листах александрийских чертежи и пояснения.

Сашенька замер: «Исправный чертеж и размер нового города, что на Таган Роге на Азовском море строят, тут же пристанище корабельное, на котором великий государь царь 29 числа июня (1696) сам изволил указать и размерять и

для того я далее первого числа сентября нынешнего году (1701) в пребывании при великом государе зачал с молебным пением тот же чертеж или размер».

Перед взором понятливого архитектора, видимо, вставала центральная часть города с генеральной площадью, ратушей — приказом, царским и воеводским дворами, дворами офицеров. Тут же недалеко торг, житный двор, и без кабака не обошлось. На соборной площади — церковь. За стенами крепости отмечены посадские слободы пехотных полков и подворье для конницы. Обозначены места военных сооружений, порохового погреба, корпуса складов и дворы инженеров. В удалении отмечены каменоломни и места для печей, обжигающих извесь.

— А я вам могу добавить, молодой человек, — удовлетворенно наблюдая за радостной искрой воображения в глазах студента, сказал библиотекар, — что возглавлял магазинное строение и иные каменные дела Осип Старцев, мастер весьма изобретательный, к полудню и степи российскую архитектуру приспособивший, бесчисленное количество разных по виду и стилю изб поставивший и очень зорко к южной степи, Дону, морю приглядывающийся. Лесу он бездумно не употреблял, многие бревна заменял досками.

Тут, в городе и рядом в донских станицах, а мне довелось, там быть в 1705 году, многое объединилось: курени и мазанки с Украины малороссийской, изба с севера, а галерея с Кавказа, и брусчатые дома, и камышовые кровли. Поэтому Старцев и строил дома на столбах, сру-

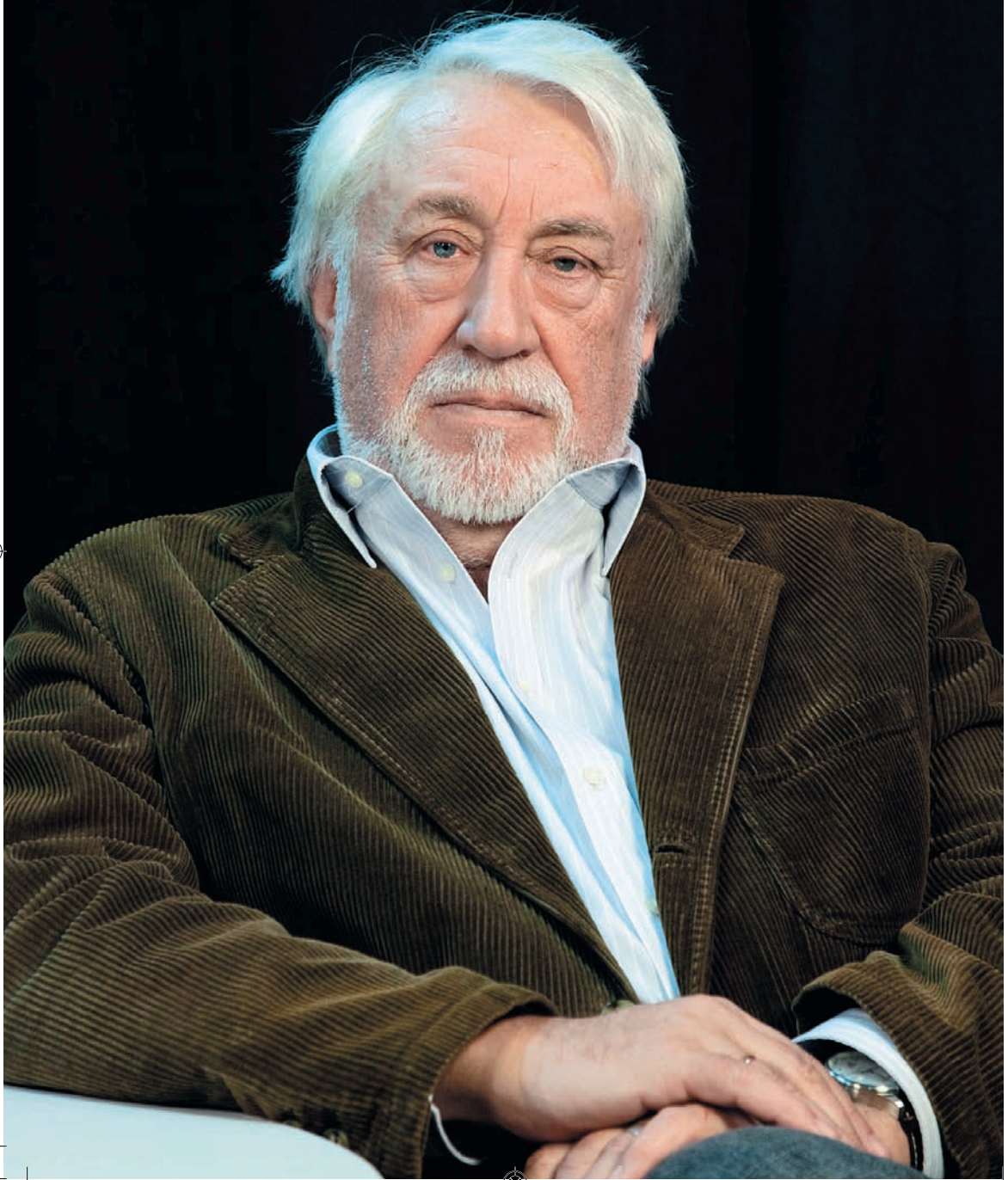
бах, а со всех сторон пускал сплошные крылечки с перилами, лестницы же пустил снаружи, на острых крышах петушки, флажки и солнышки пристроил.

А что касается вашей специальности, то на каждую слободу при строительстве составили чертежи и подробное описаниестроек и размеров и оные в Москву на утверждение посылали. Губернатор Толстой сам следил за благоустройством, твердую дорогу сделали, скважины били. Но особую красу дубовые рощи и сады, кои посадили, ему придавали.

Вокруг же города бахчи, виноградники и даже табак из Индии произрастал. Отменный город и порт получались. Но вот исчез, как древние Помпеи. В 1711 году все, по Прутскому миру туркам проиграв, стали рушить. Хотя Петр тайно приказал фундаменты оставить, турки, как донес адмиралтеец Апраксин, сию хитрость разгадали, и крепость, гавань и цитадель до основания рушили. Был город и нету...

Сашенька долго рассматривал чертежи, читал пояснения, и в его голове вырастали новые красивые города на Таганьем Рогу у теплого моря, где у причала стоят многочисленные корабли с развевающими и хлопающими на ветру флагами, на набережной их приветствуют ликующие толпы, с крепостных стен салютуют канониры, а иноземные и отечественные гости ходят по улицам и спрашивают: кто же сие так мудро и красиво придумал, а он бы молча раскланивался и почти не краснел...

— Молодой человек, — тихо тронул за плечо служитель. — Уже все разошлись. Залу закрываю...

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

БИОГРАФИЯ

Поэт, эссеист, публицист и литературный критик Юрий Михайлович Кублановский родился 30 апреля 1947 года в Рыбинске в семье провинциальных интеллигентов. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ в 1970 году. Работал экскурсоводом и научным сотрудником на Соловках, в Кирилло-Белозерском монастыре, в Муранове и других музеех.

В 1976 году он обнаружил открытое письмо в поддержку А. И. Солженицына, после чего был лишен возможности работать по профессии, и служил сторожем, дворником, истопником в храмах Москвы и Подмосковья. В 1982 году, после выхода за границу поэтического сборника, под-

готовленного к печати Иосифом Бродским, был вынужден эмигрировать. Через восемь лет первым из политических эмигрантов вернулся в Россию.

Заведовал отделом публицистики, а затем поэзии — в журнале «Новый мир».

Автор многих поэтических сборников, вышедших в США, Франции, России. Кублановский — лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2012 год, Почетный гражданин города Рыбинска, отмечен многими литературными наградами, в том числе Литературной премией Александра Солженицына, Новой Пушкинской премией.

Живет в Переделкине (Подмосковье).

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ

- Избранное. — Энн Арбор: «Ардис», 1981.
- С последним солнцем. — Париж: La Presse Libre, 1983.
- Оттиск. — Париж: YMCA-Press, 1985.
- Затмение. — Париж, YMCA-Press, 1989.
- Возвращение. — М.: «Правда», 1990.
- Оттиск. — М., 1990.
- Чужбинное. — М.: «Московский рабочий», 1993.
- Число. — М.: Изд-во Московского клуба, 1994.
- Памяти Петрограда. — СПб: Пушкинский фонд, 1994.
- Голос из хора. — Париж-М.-Нью-Йорк, 1995.
- Заколдованный дом. — М.: «Русский путь», 1998.
- Дольше календаря. — М.: «Русский путь», 2001.

- В световом году. — М.: «Русский путь», 2001.
- На обратном пути. — М.: «Русский миръ», 2006.
- Дольше календаря. — М.: «Время», 2006.
- Переключка. — М.: «Время», 2009.
- Посвящается Волге. — Рыбинск: «Медиа-рост», 2010.
- Изборник. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2011.
- Чтение в непогоду: Избранное. — М.: «Викмо-М»; «Русский путь», 2012.

ПОД УГЛОМ ВЕЧНЫХ БЕСПОКОЙСТВ

ИНТЕРВЬЮ

— *Быть поэтом, как это? Что это?*

Постараюсь пояснить свой вопрос. Русские поэты писали об этом стихи. Есенин написал «Быть поэтом — это значит то же...», Блок в стихотворении «Поэты» предложил другую «трактовку» проблемы. Косвенно отметил эту тему и Ходасевич в стихотворении «Я». Думаю, если задаться целью, то почти у любого русского поэта можно найти какой-то стихотворный ответ на этот вопрос.

Что теперь скажете Вы, как русский поэт?

— Поэт — это тот, кто живет, как выразился Василий Розанов, «под углом вечных беспокойств». Кто думает не о преуспевании и играх со стилем, но о судьбах Родины и Мира. Это Иов, если на Бога и ропщущий, то все равно не сомневающийся, что Творец существует, и ищущий у Него справедливости.

— *Вы сравнили поэта с Иовом, человеком чья вера и праведность была подвергнута тяжкому испытанию, но не поколебалась. На Ваш взгляд*

творчество невозможно вне стремления к вере и праведности? Вы отказываете секуляризованному светскому искусству в праве на существование, не признаете, отрицаете его?

— Вы слишком прямолинейны. Секуляризованное искусство, как Вы выразились, дало особенно на Западе очень много плодов. Это и тамошняя литература двадцатого века, и умеренный авангардизм в музыке и живописи. Но у русской культуры свой путь, и религиозное сознание должно играть в ней, на мой взгляд, большую роль. Даже значительные произведения нашей литературы, лишённые, однако, религиозной подоплеки, оставляют у меня ощущение дурновкусия. Разумеется, религиозность — не алиби от бездарности, но она споспешествует литературной и культурной значительности.

— *Судя по Вашему ответу Вы не большой любитель творчества, например, Андрея Платонова (как я могу предположить). Это интересно,*

это решительный выбор и внутренняя позиция. А что Вы скажете, например, о целенаправленно религиозном творчестве Гоголя: «Выбранные места...», «Размышления о Божественной Литургии»? Проблематика религиозного, христианского поворота Гоголя не так проста. Не так ли? Так где же этот традиционный для русской литературы узкий христианский путь — неоспоримый и убедительный? Значение практического и творческого решения этого вопроса трудно переоценить. Как Вы лично для себя его решаете?

— Трагедия Гоголя в том, что у него было великое дарование сатирика, а он стремился к проповедническо-учительскому началу. По-

смотрите, например, на нынешнее киевское руководство — ведь это чисто Гоголевские персонажи! Кстати, на этом пути много и ему удалось. Подобно Плетневу, Жуковскому, я высоко ценю и люблю перечитывать «Избранные места».

Что же касается Андрея Платонова, то я более всего люблю его рассказы «Возвращение», «Фро» и т. д. «Возвращение» — пропитанный христианским смыслом рассказ. Недаром он привел в такое бешенство Иосифа Сталина.

Для себя я решаю проблему религиозности в творчестве просто: Православие — имманентное мое мироощущение и мне тут не надо в чем-либо себя пересиливать.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Спросится с нас сторицей:
смерть, где твое жало?
Небо над всей столицей,
как молоко, сбегало.

Лишь золотые тени
осени — Божья скрепа
в гаснущей ойкумене
гибнущего совдепа.

По облетевшей куще,
хлопьям ее кулисы,
не обойти бегущей
по тротуару крысы.

Теплются наши страхи
знобкие в гетто блочных.
Тоже и страсти-птахи
требуют жертв оброчных.

Все мы — тельцы и
девы, овны и скорпионы,
пившие для сугреву по
подворотням зоны,

перед вторым потопом
ныне жезлом железным,
чую, гонимы скопом
в новый эон над бездной.

В черные дни, на ошупь
узнанные отныне,
жертвеннее и проще
милостыня — Святыне.

* * *

За поруганной поймой Мологи
надо брать с журавлями — правой.
Но замешкался вдруг по дороге
из варягов домой соловей
и тоскует, забыв о ночлеге
и колдуя, — пока не исчез
над тропинкой из Вологды в греки
полумесяца свежий надрез.
Расскажи нам о каменной львице
на доспехе, надетом на храм,
о просфоре, хранимой в божнице,
как проводит борей рукавицей
по покорной копны волосам.
Но спеши, ибо скоро над топью
беззащитно разденется лес
и отделятся первые хлопья
от заранье всклубленных небес.
Но еще и до хроник ненастных
по садам не осталось сейчас
георгинов в подпалинах красных,
ослеплявших величием нас.

Полустанок

На старом фронтонце убогом
вокзала заметно едва
название места: Берлога,
хоть значится Коноша-2.
Как будто тут, в скрюченных клеммах
цигарок раздув огоньки,
прошли с пентаграммой на шлемах

на мокрое дело ваньки.
И с веток снесенное хрипло
шумит вразнобой воронье:
погибла Россия, погибла,
а все остальное — вранье.
Плеяда любезных державе
багровых и синих огней
блестит в темноте — над ужами
сужающихся путей.
...Но если минуто, не дольше,
стоит тут состав испокон,
с три Франции, если не больше,
до Коноши-3 перегон,
считайте, что сослепу, спяну
прибившись к чужому огню,
отстану, останусь, отстану,
отстану — и не догоню.
Чтоб жизнь мельтешить перестала,
последние сроки дробя,
довольно тянуть одеяло
пространства опять на себя.

* * *

Раскалена амальгама рассвета
вовсе не вдруг наступившего лета.

Судя по ранам сонной подкорки,
кровопротитней стали разборки.

Яблонный кипень с черемухой, вишней
в этом содружестве третьей, не лишней

над подмосковной цвелью откосов
с физиологией хищной отбросов.

Крепости гопников и прошмандовок
с прежним душком гальюнов и кладовок.

В нашей убойной жизни топорной
к суке породистой и беспризорной

кто прикипит потеплевшей душою?
Всё беспорядочней с каждой верстою

уж перестрелка слышится близко
группы захвата с группой риска:

дин-дин-дин, дин-дин-дин. Примечаешь,
сынрок,
на редутах родных батя твой одинок.

***

Смолоду нырнешь, пересчитаешь
понову все ребрышки водице,
то ли братом, то ли сватом станешь
в стороне невестящейся птице.
Смолоду ведь всё определяет
бытие — твердили ортодоксы.
На обломе лета побеждает
энтропия розовые флоксы.
Годы промелькнули с той разлуки.
В два последних — что-то похудали
так фаланги пальцев у подруги,
что гулять свободно кольца стали.
И всё чаще, четче вспоминаю
малую свою, как говорится,
родину, которую не знаю,
словно помер, не успев родиться.
Я из жизни всю ее и вычел
и не хлопочу о дубликате.
Но как прежде тянет плыть без вычур
при похолоданье на закате.

Кинешма
3.VIII.1997

Я давно гошу не вдали, а дома,
словно жду у блестящей воды парома.
И несут, с зимовий вернувшись, птицы
про границы родины небылицы.
Расторопно выхватить смысл из строчки
потрудней бывает, чем сельдь из бочки:
в каждом слоге солоно, грозно, кисло,
и за всем этим — самостоянье смысла.
Но давно изъятый из обращения,
тем не менее я ищу общения.
Перекатная пусть подскажет голь мне,
чем кормить лебедей в Стокгольме.
А уж мы поделемся без утаек,
чем в Венеции — сизарей и чаек;
что теперь к отечеству — тест на вшивость —
побеждает: ревность или брезгливость.
Ночью звезды в фокусе, то бишь в силе,
пусть расскажут про бытие в могиле,
а когда не в фокусе, как помажут
по губам сиянием — пусть расскажут.
...Пусть крутой с настигшею пулей в брюхе
отойдет не с мыслью о потаскухе,
а припомнит сбитого им когда-то
моего кота — и дыхнет сипато.

11.V.1999

Фрагмент

Раз снег такой долгий и падкий
до лампочки в нашем окне,
придется саперной лопаткой
наутро откапывать мне
смиранный жигуль у отеля
и — тронемся в путь налегке,
ну, разве, с остатками хмеля
в моем и твоём котелке.

Похожи холмы, перелески
немеряных наших широт
на ставшие тусклыми фрески.
И вновь перекрыть кислород
способны стежки оторочки
проглаженной блузы твоей,
с подвесками мочки
и шелк поветшавшей сорочки,
в которой едва ли теплей...

СОЛОВЬИ

В безвольных щупальцах с непотемневшей

дымкой

усадебных берез
взялись соперничать солисты-невидимки,
видать, всерьез.
Я не обученный, а понимаю
о чем они:
акафист знобкому с черемухою маю
в длиннеющие дни;
как ранним летом
пук в воду ставишь ты
раскидистый с летучим цветом
куриной слепоты;
о заседаниях за рюмкой до зари и
достоинстве потерь;
о сердоликовых запасах Киммерии,
утраченных теперь;
соревнование в определеньи тактик,
как выделить в анклав
скорей Отечество, его среди галактик
не сразу отыскав.
В родных преданиях всего дороже
нам искони

вдруг пробегающий мороз по коже —
вот же
о чем они!
...И Фет, вместо того чтобы всхрипнуть всерьез,
набился к ним в единоверцы
и письменный стилет, как римлянин, занес
на заматавшееся сердце.

КИШМИШ

11.01.1999

За соснами в алых лианах
осенняя волглая тишь.
Туда с пустотою в карманах
приедешь, верней, прилетишь.

В присутствии бунинской тени
его героине опять
начнешь, задыхаясь, колени
сквозь толстую ткань целовать.

И шепчешь, попреков не слыша,
одними губами: «Прости,
подвяленной кистью кишмиша
потом в темноте уости».

Пусть таинство нашего брака
с моей неизбежной виной
счастливцу поможет, однако,
в окопах войны мировой.

И в смуту, когда изменили
нам хляби родимой земли,
прости, что в поту отступили,
живыми за море уши.

В сивашском предательском иле,
в степи под сожженной травой

и в сент-женевьевской могиле
я больше, чем кажется, — твоей.

17.X.1999

Ящерка

У губчатой соты заглохшей кавказской осы
над сонной артерией береговой полосы
лукавый глазок, а под ним допотопный оскал
сверкнули, мелькнули и юркнули в скальный
прогал.

В пещере сочатся прозрачные кварца сосцы.
Халвою крошатся слоистого камня резцы.
...Напомнила ящерка нам про грядущие дни,
когда по теснинам зависнут скрипучие пни,
когда ее мышцы оденутся плотью сполна
и хищные лапы смиренно омоет волна.

В сторону Вия

Помнишь панну в открытом гробу,
освещаемом тускло свечами,
искушавшую нашу судьбу
на высоком помосте ночами
непоблекшей лавиной волос?
Ранний Гоголь с румянцем хохлушки
в саквояже на север привез
рецептуру летучей галушки
прямо с праздничной кухни бурсы.
Но потом заострились с устатку
легендарные нос и усы
в назидание миропорядку.
И от тех приснопамятных дней
оставалось прибавить лишь ходу
под идущим сильнее и сильнее
звездопадом честному народу.

А на склонах карпатской гряды,
отделенной к тому же таможенной,
статься, пеннее стали сады
и могилы еще ненадежней.

Одиночество

В то и дело затемняемом тучами кабинете
ветхой дачи прежнее вспоминаю,
будто загребаю веслом по Лете,
не шумя, поверхность ее сминою.
Были в нашем отрочестве чернила
в чашечках и с оттенком ила.
Там герой войны под базарной аркой,
подвязав под локоть рукав тельняшки,
побирался летней порою жаркой
и, боясь облавы, паслись дворянжки.
А старухи в застиранном и немарком
Продавали ягоды и ромашки.
Разобраться с нищим, видать, мешали
лень и водка лбам из комендатуры.
А собаки лаяли и визжали,
попадая в короб вонючей фуры.
Всех, кто жил тогда, всё, что прежде было,
по-хозяйски время употребило.
Без вины, как водится, виноватых
где потом я только не повидал —
мужиков небритых, дедов поддатых,
да и сам порядочный аксакал.
Так что вроде скалиться не пристало
на пространство, будто пространства мало.
Негодую, стало быть, существую.
Третий день за окном листву
треплет ветер, зеленую и седую,
а она всё держится на плаву.

23.VI. 2013

Источник

...Чем листья зыбистей, слоистой
и вовсе занесли крыльцо,
тем интенсивней, золотистой
становится твое лицо.
Хоть на запястье бледен все же,
когда ты в куцем свитерке,
со свастикой немного схожий,
едва заметный след пирке.
И нестеровская с цветными
вкраплениями серизна
навек с родными
возвышенностями и иными
пространствами сопряжена.

...Когда в приделе полутемном
вдруг поднял батюшка седой
казавшееся неподъемным
Евангелie над головой,
мне вдруг припомнился витии
ядоточивого навет:
заемный, мол, из Византии
фаворский ваш и горний свет.
Пока, однако, клен и ясень
пылают тут со всех сторон
в соседстве сосен,
источник ясен,
откуда он.

На малой родине

Уж сыплет поднебесье мглистое
снежок на наши палестины,
но в рощи втерто золотистое
упорно, как раствор в руины.
Еще речная зыбь ребристая

струится между берегами
и пальх листьев толщ слоистая
чуть-чуть пружинит под ногами.
Кто прожил жизнь неукоснительно
командующего парадом,
тому, возможно, извинительно
всплакнуть на склоне дней покатом.
А я прощаюсь необученным
и остаюсь, туша окурков,
одним из так и не раскрученных
послевоенных коль и юрок.
Тут прошлым станет настоящее,
как только матерком украсят
его хозяева ледащие,
что курят натошак и квасят.
...Где я когда-то околпаченный
подружку тискал торопливо,
на голых ветках много схвачено
морозом белого налива.

Сны

Зимою — впадиной каждой, полостью
пренебрегавшие до сих пор
льды заполняют едва ль не полностью
речные русла, объем озер.
Лишь луч, нащупавший прорубь черную
там, где излучки в снегах изгиб,
работу видит локомоторную
мускулатуры придонных рыб.

Россия! Прежде военнопленную
тебя считал я и как умел
всю убеленную, прикровенную
до горловых тебя спазм жалел.
И ныне тоже, как листья пальые
иль щука снулая блеск блесны,

я вижу изредка запоздалые
неразличимые те же сны.

Париж, который всегда с тобой
Над Сенной ива клонила гриву.
Дождь начинался раз сто на дню.
Народ стоял на ретроспективу
Дега: бега, балерины, ню,
оттенки от голубого к пиву
и дальше — к рыжему и огню.

По-катапультовски раскрывался
мой зонт раскидистый, в меру стар,
и плащ двубортный пообтрепался.
А за углом — сохранился бар,
где к Эренбургу завербовался
в товарищи Элюар.

***

В полузабытой империи
что нашей юностью двигало?
Улица и кинозал.
Набриалиненный жигало
у онемевшей Кабирии
сумочку там отнимал.

Долгой зимою цинготную
в ленте с печальным концом
как не оплакать залетную
птицу с белёным лицом?

Как она с миной болезною
вдруг поняла наконец,
что на плато перед бездною
с нею не друг, а подлец.

В эту минуту готовое
броситься на острие
в тощей груди бестолоковое
сердце мужало мое.

И неизвестные дивные
там громоздились вдали
снежные края обрывные —
кардиограммы земли.

Март 2007

***

Много рябины, солоду,
ив — на обрывах Леты.
Делавший в книгах смолоду,
как дурачок, пометы,
запер я ближе к холоду
рамы на шпингалеты.

2005

Это не то что средние
годы мои прошли,
это, считай, последние
годы меня нашли.

Днем всё пыгались в целое
тучи сложиться, но
чаще клубилось белое,
темным подпалено,
и колтуны несжатые
ветер трепал хлебов,
вызвавшись в провожатые...

Я же вместо снов
в ночь раскаленно-тусклую
вижу, как смотрит на
нашу пучину русскую
с трупным пятном луна.

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

БИОГРАФИЯ

Валентин Яковлевич Курбатов родился в 1939 году в городе Салаван Ульяновской области в семье рабочих. После войны семья переезжает в город Чусовой. После окончания школы в 1957 году Курбатов работает столяром на производственном комбинате. В 1959 году призван на службу во флот. Во время морской службы на Севере работает радиотелеграфистом, типографским наборщиком, библиотекарем корабельной библиотеки.

В 1962 год приезжает во Псков, где живет по настоящий момент. Работает сначала грузчиком на чулочной фабрике, потом корректором районной газеты «Ленинская Искра», литературным сотрудником газеты «Молодой Ленинец». В это же время поступает на факультет киноведения ВГИКа. Оканчивает его с отличием в

1972 году. С этого времени начинает писать рецензии и статьи, вести литературную деятельность и участвовать в литературных мероприятиях.

В 1978 году принят в Союз писателей. Академик Академии российской словесности (с 1997). Секретарь Союза писателей России (1994-1999), член правления Союза писателей России (с 1999). Член редколлегии журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Русская провинция», «Роман-газета», редсовета журнала «Роман-газета XXI век», общественного совета журнала «Москва».

Входил в жюри премии им. Аполлона Григорьева, Большое жюри премии «Национальный бестселлер» (2001, 2002). Член жюри Премии «Ясная поляна».

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ

- Виктор Астафьев: Литературный портрет. — Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1977.
- Агин А. А. — М.: «Художник РСФСР», 1979.
- Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева. — Красноярск: Книжное издательство, 1983.
- Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи. — М.: «Советский писатель», 1986.
- Евгений Широков: Портрет на фоне портрета. — Пермь: Книжное издательство, 1987.
- Хранители памяти. — М.: Роман-газета для юношества, 1992.

- Валентин Распутин: Личность и творчество. — М.: «Советский писатель», 1992.
- Домовой: Семен Степанович Гейченко: письма и рассказы. — Псков: «Курсив», 1996.
- Юрий Селиверстов: судьба мысли и мысль судьбы. — Псков: «Отчина», 1998.
- Перед вечером, или Жизнь на полях. — Псков, 2003.
- Крест бесконечный (переписка с В.П. Астафьевым.) — Иркутск: Издатель Сапронов, 2003.
- Уходящие острова (переписка с А.М. Борщаговским) — Иркутск: Издатель Сапронов, 2005.
- Подорожник. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2006.
- Александр Пушкин. Продолжение следует... — М.: «Пушкинские горы», 2006.
- Наше небесное Отечество: записки православного путешественника. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
- Долги наши. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
- Юрий Селиверстов: портрет на фоне времени. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2008.
- Нечаянный портрет. Время в зеркале одного дневника. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2009.
- Турция. Записки русского путешественника. — СПб: «Амфора», 2009.
- Бегущая строка: дневник провинциального литературного критика. — Псков: «Дом печати», 2012.
- Батюшки мои: («Вниду в дом Твой»). — Псков: Псковская областная типография, 2013.

С ДРЕВА ПОЗНАНИЯ ЖИЗНИ

СТО ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ВЫШЛО ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА О Л. Н. ТОЛСТОМ

Это не устает поражать рационалистическое сердце, хотя верующий человек обычно в таких случаях только снисходительно улыбается, как улыбаются взрослые удивлению детей простым чудесам мира.

...День за днем я читаю Толстого, его «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «В чем моя вера?». Надо понять, над чем мы бьемся десять лет во время «Писательских встреч» в Ясной Поляне, когда непременно то один, то другой из нас выговаривает Церкви за

то, что могила Льва Николаевича ранит глаз своей «обезглавленностью», что там ни креста, ни памятника. Ровный холмик в свежей молодой траве, такой молодой, что кажется с похорон идет первое лето.

Нетерпеливые писатели сразу требуют креста, обращения в Патриархию, ищут справедливости, зовут к милосердию. Церковь от встреч уклоняется. И все снова и снова кончается словами. До следующих «Встреч», до новых стихов, до новых жестких или бережных обраще-

ний... Настойчиво, однообразно, с регулярностью приливов и отливов.

Значит, надо снова садиться за «Исповедь», снова думать, отчего эта могила не дает нам покоя и что нам делать с нашей тревогой, нашей болью, нашей любовью.

А начинаю я с улыбки над рационалистическим сердцем вот почему. Читал я, читал ясную, жесткую, честную книгу «В чем моя вера?» да и устал. Как хотите, а это ведь и слушать трудно обыкновенному сознанию. По Льву Николаевичу выходит, что и судов никаких не надо (коли помнить заповедь «не судите и не судимы будете»), и армии никакой не надо («не убий»), и присяги не надо («не клянись»). Поневоле захочешь представить, как читают такие книги государственные чиновники. И не сможешь. Никакого воображения не хватит заставить таким чтением президента, штабного генерала, обычного судебного чиновника. Остается предположить, что раз никто из них полномочий с себя не сложил, значит, не читают. Или читают только до вот этих утверждений, что их институтов не надо — и бросают, уверенные, что тут и возражать странно, что за них жизнь возразит.

И вот от усталости-то и включаю телевизор, а там фильм Владимира Хотиненко «Мусульманин». И включается он как раз на сцене, где бывший политрук разговаривает с бывшим рядовым афганцем о «битвах, где вместе рубились они». И политрук-то, будто через плечо в моего Толстого на столе заглянул, и говорит, что прочитал «Новый Завет» и не понимает, как это «не клянись!», если армия на присяге стоит, и как это «подставь щеку»? («Влепят тебе из калибра 7,62, ты и повернуться другой щекой не успеешь»). И даже про заповедь «не разво-

дись», о которой Толстой тоже много говорит, политрук найдет случай сказать. Что была у него жена — совершенная стерва, а вот развелись, переженились и оба счастливы. Так что генералам и президентам можно не утруждаться — есть кому за них Толстому ответить. Да ведь, вспомните, как еще сто лет назад Борис Вышеславцев смеялся, что каждый студент юридического факультета в минуту опровергнет сопротивление злу насильем.

И тут же я вспоминаю, как был потрясен когда-то одной страницей в дневнике рано ушедшего польского поэта Э. Стахуры, где он без всякой оглядки на Толстого, из одного Евангелия выводил, что «победить нельзя только безоружного человека». Я торопился тогда пересказать эту мысль Виктору Петровичу Астафьеву, который в то время как раз писал «Прокляты и убиты». Виктор Петрович только кривился: «Умники! Вас бы на Днепровский плацдарм!» И очевидно для вящей убедительности вспоминал вычитанную где-то историю о найденном таджикскими археологами селе, чьи жители отказались от оружия, поставив на красоту и любовь. А были вырезаны в одну ночь со всеми чудесами своих искусств и со всеми своими заветами милосердия. Я напрасно пытался убедить Виктора Петровича, что в человеческой памяти сохранились не убийцы, а именно эти святые люди. Он только рукой махал.

Случалось мне и самому, еще до чтения этих толстовских работ, тоже как-то убеждать своих товарищей, что мы напрасно зовемся христианами, пока отгораживаемся от мира силой оружия. Что, коли уж приняли Христа, то сложите все оружие к ногам этого мира и выйдите из од-

В ЯСНОЙ Поляне. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1908 год

нообразно топчущейся в этом вооруженном кругу истории. Так ведь завоюют в первый же день — немедленно следовал ответ. А вы не просто сложите, а скажите миру: на! Только если завоюешь, то может, сам-то и порадуешься, но уже внуки твои запомнят твоё зло перед светом беззащитности, и уйдут за побежденными. Как ведь и мы ушли за Христом, который так же встал против здравого смысла и закона своего времени.

Потом я увижу, что все это (и возражения политуков, и «наивные» утопические утверждения поэтов) уже у Толстого было. Что возраже-

ния его противников не многим отличались от наших — здравый смысл во все времена ходит в одних одеждах. А вот он все-таки Христа не уступил.

А тут и батюшка знакомый из умной семьи, чей отец предварял одно из изданий толстовского «Пути жизни», вдруг говорит: «Прочитал с опаской. Но вижу, что действительно «Путь жизни». Нет ли у вас его «Исповеди» и переложений Евангелия?»

И возвращая, долго молчит, а потом жалеет, что это не было в свой час выслушано им в се-

минарии с той внимательностью, с которой надо выслушивать такие возражения. Что, выслушав, может быть, он стоял бы выше и тверже.

Значит, эти десять лет мы говорим не о могиле, не о внешнем ее виде. Мы говорим о Христе и Церкви. Не о «предании» и «исторической справедливости», а о состоянии своего духа и сердца. О мужестве или уклончивости своей веры. А значит, не о вчерашнем, а о сегодняшнем и даже завтрашнем дне. Эта могила нам покоя не даст. Каждому поколению на ее вопрос надо отвечать самому. Теперь пришла наша очередь.

***

Время на многое успело ответить. И как-то странно повторять прежнюю аргументацию. Положим, Толстой умно и резко разбивает «Догматическое богословие» митрополита Макария (Булгакова), нарочно везде называя владыку «писателем» и, как «коллегу», ловя его на слабостях стиля и мысли. Так к нему и сама Церковь относилась не одинаково. И высокоавторитетный историк Церкви и богослов архиепископ Филарет (Гумилевский) про это макариево «Догматическое богословие» тоже восклицал: «Что за вздорная путаница! Ни логического порядка, ни силы в доказательствах».

Вспомним ли толстовскую неприязнь к обрядовому равнодушию Церкви. Так Церковь и до него сама говорила о себе устами святителя Игнатия Брянчанинова изнутри и оттого с особенной болью: «Ключи разумения у книжников и фарисеев (что и Толстого раздражало, заставляя предпочитать немую веру мужиков — В. К.). Сами не входят и возбраняют вход другим. Христианство и монашество при последнем издыхании. Надо плакать и молчать».

О кризисе говорили и самые любящие дети церкви — славянофилы. И чиновная церковь заграждала им уста. Умнейшему, прямому ратователю за чистоту православия А. С. Хомякову (которого потрясенно читал толстовский Левин в «Анне Карениной») запрещали не то, что печатать, а и просто вслух читать его статьи о Церкви, а И. В. Киреевскому, закрыв журнал «Европеец», грозили чуть не высылкой из столицы. Это им, оптинцам, столпам веры, которые, по слову Герцена, как рыцари, хранившие Дом Богородицы, спали вооруженные. И вооружением их было покаяние и молитва. И свет Истины. И. С. Аксаков вон до того доходил, что говорил почти путающие не одних смиренных батюшек, а и чиновников Синода слова, что ему и Христос не авторитет, потому что Он для него — Истина. И понимал слова Христа «если Я не уйду от вас, то Дух Истины не придет к вам», как призыв к свободе. Иначе ученики вместо веры в Истину будут верить в Него, как в армии верят в командира.

Так что в чем, в чем, а в искании Истины Толстой был прямое дитя славянофилов, их любви и свободы. Да Церковь-то предпочитала авторитет, а не Истину. И если уж при святителе Игнатии Брянчанинове надо было «плакать и молчать», то что говорить о более позднем, собственно толстовском времени, когда Ренан заменил интеллигенции Евангелие, а из семинаристов выходили разных калибров чернышевские и добролюбовы.

Вышедший из школы Толстого, а впоследствии ставший мучеником и исповедником Христа М. А. Новоселов с ужасом писал тогда, что «постепенная утрата живого боговедения привела к полному богозабвению». Школьное

семинарское богословие, «затыкавшее от сомнения уши догматическим заклинанием», первое шатало в живых умах дело Истины. Так что Толстой для общества и Церкви был просто неизбежен. Чтобы и через его мужественное, не прячущееся сомнение, его отважное возвращение к началу христианства, выросло вскоре замечательное явление, именующееся русской религиозной мыслью. И ведь тогда на заседаниях религиозно-философского общества они уже обсуждали Определение Синода — только горячее и точнее, потому что были дети Церкви и потому, что событие еще было газетно сегодняшним. Спорили Д. С. Мережковский и Н. М. Минский, В. В. Розанов и В. А. Тернавцев, А. В. Карташев и М. О. Меньшиков, епископ Сергей и протопресвитер Иоанн Янышев, архимандрит Антонин и священник Иоанн Егоров. Да и сама эта школа мыслителей класса Бердяева и Федотова, Шестова и Франка — не следствие ли отчасти и этих вопросов? Как, верно, не без их влияния явился и отряд горячих молодых ученых, которые, пройдя через «абсолютное сомнение», неизбежно станут священниками, как отцы Валентин Свентицкий, Павел Флоренский и Сергей Булгаков.

Они придут сказать о Церкви как раз то, чего не вмещало слишком рационалистическое толстовское сознание, сделавшее из разума единственный инструмент познания Бога, сказать о Церкви «невидимой», которая благодатно являла себя отцам Церкви и собору святых в пору, когда небеса были ближе, а ангелы естественнее заезжего иностранца. Именно глубина точного знания и страдание «абсолютного сомнения» откроют им, как отцу Павлу Флоренскому, что «лазурь вечности виднее именно в трещины

рассудка», что более всего смущавшая Толстого невмещаемая тайна Троицы для них есть совершенная естественность и более того — «исходный пункт всякого ведения». Их как раз, кажется, особенно восхищает, что Троица «на смерть поразила рассудок», потому что сам разум никогда не принял бы возможности осознания Троицы в Единице и Единицы в Троице.

Они не отрицали рассудка. Они были его дети. Они знали, что ему есть место в Церкви, но что он становится опасен, как писал С. И. Фудель, когда «им заполняется пустое место, оставленное благодатью». Это место, увы, часто пусто и в нас. Мы на писательских «Встречах» стараемся пореже вспоминать даже и само слово «благодать», словно оно между разумными людьми неловко. Ну, а коли благодати стыдятся, она и уходит вместе с содержащимся в ней светом, оставляя наш дом выметенным и готовым для гостей рассудка. Нам странно читать о любви как условии познания. Но ведь Христос зачем-то настойчиво повторял: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга». Что нового в любви? А Он, кажется, учеников, прямо за руки держал и, требовательно глядя в глаза, настаивал с великой силой убеждения, что заповедь это — новая. И что она трудна и что приведет на Голгофу, что она есть основание Голгофы и только через нее — основание нового мира. Ведь и другое было сказано непреложно: «Царство Мое не от мира сего».

А Лев Николаевич искал его здесь, горячо убеждая себя и читателя, что только здесь оно и ценно. И что иго Христово подлинно благо и время Его легко — надо только исполнить Его призыв не судить, любить врагов, не клясться и не сопротивляться злу силою. И вечная жизнь,

как молодой сад, вырастет на милой земле. И не надо будет воскресения, которому Лев Николаевич не верил, потому что вечность останется и пребудет в самом светлом согласии людей, в их любящем единстве. И сбывшаяся здесь, она не будет вызывать тоски по вечности вне земного мира.

Он писал об этом со счастливыми слезами, словами радостного гимна, потому что в этот час был уверен, что вернул на землю Христа, «восстановил» Его (он предпочитал воскресению этот термин) и ему было странно, что люди не услышали этой ликующей песни победы.

***

Теперь со знанием русской религиозной мысли, вернувшей нам отцов в молодой новизне и силе, внешне легко ответить Льву Николаевичу. И Церковь уже и после Определения Синода находила прекрасные и убедительные слова. И он еще мог прочесть их. И принять, и переменить сердце. Но только если бы это было в чистой лаборатории, в монастырском покое, внутри великой всегда той же незабываемой «невидимой» Церкви, из которой писали ему некоторые из собеседников и корреспондентов. Но что он мог сделать со своим зрением, с очевидностью видимой Церкви, над которой плакал Игнатий Брянчанинов и которой ужасался Новоселов. Его сердце не могло принять «лаборатории». И не потому ли он все-таки бежал из Оптиной дальше, хотя радовался ее покою, и ему было там хорошо.

Мир ловит всех нас. Его он ловил с удвоенной жадностью, гнал его для какого-то урока нам. Может быть, для урока великой искренности и великой неуспокоенности. Легко нам с заемным

благодатным знанием корить его в умозрении и своеволии, а некоторым даже и в гордыне. А только выстрадал ли кто из нас так свое знание, как выстрадал он, пройдя свою Голгофу даже до смерти?

Когда мы сегодня зовем у толстовской могилы к милосердию, к отмене Определения Синода, Церковь может напомнить нам слова отца Павла Флоренского, сказанные по другому поводу, но так близко: «Любовь не может не простить. Но, если свобода человека есть подлинная свобода самоопределения, то невозможно прощение злой воли, потому что она есть творческий продукт этой свободы. Тех, которые по своему произволению отступают от Него, Он подвергает отлучению от Себя, которое они сами избрали». Тут только слова «злой воли» покажутся несправедливыми и на место Христа попросится слово «Церковь», от которой он отказался и которая, в свою очередь (именно в ответ), отлучила его от себя.

Но только ведь и это будет не чистой правдой. Вспомните, как его читали после выхода книги «В чем моя вера?». Что писал цензор Федоров? — «читается с большим интересом и возбуждает полное внимание. По существу же должно быть признано крайне вредной книгой, так как подрывает основы государственных и общественных учреждений и вконец рушит учение Церкви». Ах, это вечное наше «подрывание основ»! и как хорошо это слово «вконец». Значит, уж много было разрушено другими? Но при этом, слава Богу, хоть оговаривается, что «судебное преследование по такому сочинению невозможно». Может, и жалеет, что невозможно, но понимает, что рядом с Толстым слишком очевидно встанет Христос, и остере-

гается. И как это легко у нас: Чаадаева в сумасшедшие, Киреевского — вон из столицы. Государство защищает свою Церковь. Хорошо хоть не так, как с Максимом Исповедником — вырезать язык и отрубить правую руку — лишит инструмента сопротивления, чтобы не говорил, не писал против государева понимания Церкви, не шатал народ.

Ну, это цензор. Бог ему судья. А Церковь-то? Архимандрит Амфилохий, председатель духовной цензуры, судя по письму Софьи Андреевны, написал, что в книге много высоких истин и нельзя не признать их. Но, признав, не пустил. А протоиерей М. Боголюбский попрямее определил причину запрещения — «разрушает устройство и тишину Церкви и государства». Вот оно главное-то слово — «тишина». И Хомякову запрещают читать вслух, чтобы тишина была. И Толстому. И отчего-то мне кажется, что запрещенный, но не сожженный тираж растащили по домам и переплели у модного петербургского Жюля Мейера не одни высокие чиновники, а и сами цензор Федоров и протоиерей М. Боголюбский, чтобы потом отпускать толстовские знания в иронических цитатах.

А, может быть, начини разговор без страха прямо тогда, решишь нарушить «тишину», так и Истина бы окрепла и Церковь утвердилась. Ведь все уже знали, что он прав, когда пишет «церковь не правит, и легко лгать. И мы далеко уплыли. Мы плывем, не зная куда». Ведь тут не самодовольство. Тут боль говорит и попечение о человеке. Не мог Лев Николаевич примириться с тем, что человек по его разумению «не съел, а выплюнул яблоко познания», чтобы пожить по одной животной природе. Осудить его ни тогда, ни сейчас ничего не стоит. Действи-

тельно — не ребенок ведь: государство вокруг, враждебный мир, а ему, видите ли, ни армии не надо, ни присяги, ни судов, ни (тут уж мир хором закричит) ни разводов.

А он вот не боялся и говорил, что, «если бы и один среди всех не исполняющих закон Христов остался, то исполнял бы его», потому что он увидел и поверил, что Христос победил мир. Именно в широком понимании мир с его армиями, присягами, судами и разводами. И Толстой-то поверил, а мы — нет. Мы предпочли не идти за Христом, а остаться с тишиной и историей. И он действительно остался один. Не обуздал ум, не понял, как те, кто наследовал ему позднее, что обуздание ума сродни обузданию плоти (это бы он понял и принял). Не увидел, что, не смилив ум, не познаешь главного, самого сущностного, небесного, неназываемого, незримого. И мы почти со злорадством корим его, что вот не доказал своей правды, не обрел света, только всех дома измучил и сам остался один. Словно это прибавляет нам права и правды.

А вспомните, что особенно-то его сломало: вражда православия и иноверия. И вот, оглянувшись на себя, спросим, как на духу: мы-то в Церкви тверды ли? Слышим ли сами-то в ней незримое? Преодолели ли вражду церквей? Не спросим ли мы, когда придет Спаситель, как спрашивал Великий инквизитор у Достоевского: «Зачем Ты пришел нам мешать?». Или как торопился узнать у Христа герой Шпенглера, к какой Он конфессии принадлежит: православный ли Он, католик, или протестант?

Все кажется, что мы больше отвечаем Толстому, чем себе. А другому всегда отвечать легче. А сами-то себе так и не ответили: победил ли Христос мир, и знаем ли мы, куда плывем в

нашем слишком легком, не вопрошающем плавании? И кому это говорил Христос: «А Я говорю вам: не противься злому». И почему именно в такой противительной форме: «А Я говорю»? Если Он пришел только исполнить Закон, а не противостоять ему.

Вопросы не ушли. Мы их только заговорили. И как прежде затыкали уши догматами, так теперь готовы закрыть «трещинами рассудка», хотя он у нас целехонек и покрепче толстовского. Всё брата в нем почувствовать не можем. Самого близкого, потому что самого доверчивого и бесстрашного, который за нас свои вопросы задает и ограждает нас. Ереси побаиваемся, хотя отец Георгий Флоровский без шутки говорил, что их у всякого отца същещь, кроме, может быть, очень осмотрительного Григория Богослова. А Г.-К.Честертон шутил, что если вам не хочется нарушить хоть одну заповедь, значит, с вами что-то неладно.

И я вспоминаю, как на самом исходе лет митрополит Антоний (Блум) все звал к бесстрашию, все остерегал нас от испуганного желанья повторять чужое и неусвоенное, все напоминал нам, что древние не страшились задавать вопросы и потому находили ответы. А мы слишком долго живем на готовом и окаменяем его своим нечувствием и равнодушием, страшась Восьмого собора, как антихристовая, хотя он, может быть, был бы свидетельством нашей любви к Истине и понимания нашей ответственности перед Богом.

Придет новая толстовская годовщина, новые писательские «Встречи» и опять кто-то с го-

рячностью первооткрывателя спросит: почему на могиле Льва Николаевича нет креста? И не пора ли разрешить этот «вопрос». И ему не придет в голову, как не приходит никому из нас, что крест ставится на церкви и отмечает душу, которая была церковью, невестой Христовой. Ведь если правильно-то, по Христову закону смотреть, то под каждым крестом наших кладбищ — храм. Может быть, разрушенный, поруганный, но храм. А мы уж с вами кого-кого ни перехоронили и, поди, и сами часто думали: сколько же раз мы надругались над крестом, воздвигая его не то, что над пустыней, но прямо над злом, над врагом Христовым.

А тут лежит без креста человек, искавший Христа до последнего часа, отдавший поиску Истины жизнь, человек со своей Гефсиманией и своей Голгофой.

Это могила высокой честности, выбора, мужества. Могила — вопрос. К нам, к Церкви, к человечеству. Самая русская могила, потому что вера всегда давалась нам страданием. Это наше вечное «Верую, Господи, помоги моему неверию».

Я думаю, когда мы начнем отвечать с настоящей любовью и состраданием, крест из семени нашей любви и нашей веры, покаяния и молитвы, из семени яблока с древа познания однажды вырастет на этой могиле сам.

И мы поймем самое непостижимое, что древо познания и древо жизни в вечности одно. А все дело в том, кто подает тебе яблоко.

Псков

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

БИОГРАФИЯ

Александр Андреевич Проханов родился в 1938 году в Тбилиси. Главный редактор газеты «Завтра» и журнала «Изборский клуб».

В 1960 году окончил Московский авиационный институт, работал инженером в НИИ. На последнем курсе вуза стал писать стихи и прозу. В 1962-1964 годах работал лесником в Карелии, водил туристов в Хибины, принимал участие в геологической партии в Туве. В эти годы Проханов открыл для себя А. П. Платонова, увлекся В. В. Набоковым.

В 1968 году начал работать в «Литературной газете». С 1970 года работал корреспондентом «Литературной газеты» в Афганистане, Никарагуа, Камбодже, Анголе и в других местах. Проханов одним из первых в 1969 году описал в своем репортаже события на острове Даманский во время советско-китайского пограничного конфликта.

В 1972 году Проханов становится членом СП СССР. С 1986 года активно публикуется в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», а также в «Литературной газете». С 1989 по 1991 год Проханов работает главным редактором журнала «Советская литература».

В декабре 1990 он создает свою газету «День», где также становится главным редактором. 15

июля 1991 года газета опубликовала «антирестроечное» обращение «Слово к народу». Газета стала одним из самых радикальных оппозиционных изданий России начала 1990-х годов и регулярно выходила до октябрьских событий 1993 года, после чего была закрыта властями.

В 1991 году, во время выборов президента РСФСР, Проханов был доверенным лицом кандидата генерала Альберта Макашова. Во время августовского путча Проханов поддерживает ГКЧП.

В сентябре 1993 года выступил в своей газете против антиконституционных действий Президента Бориса Ельцина, называя их государственным переворотом, и поддержал ВС РФ. После танкового расстрела парламента газета «День» была запрещена Министерством юстиции. Редакция газеты подверглась разгрому силами ОМОНа, ее сотрудники были избиты, имущество и архивы уничтожены. Два номера уже запрещенной к тому моменту газеты были подпольно напечатаны в Минске как специальные выпуски коммунистической газеты «Мы и время».

5 ноября 1993 года была учреждена и зарегистрирована газета «Завтра», главным редактором которой стал Проханов. На президентских

выборах 1996 года Проханов поддерживает кандидатуру кандидата от КПРФ Геннадия Зюганова. В 1997 году становится соучредителем Агентства патриотической информации.

В 2002 году роман Проханова «Господин Гексоген» получил премию «Национальный бест-

селлер». Увлекается живописью в стиле примитивизма. Коллекционирует бабочек (в коллекции более 3 тысяч экземпляров).

Вдовец, имеет двух сыновей и дочь. Один из сыновей — публицист Андрей Фефелов.

О КНИГАХ ПИСАТЕЛЯ

Ранняя проза

Первые рассказы и очерки публиковались в «Литературной России», «Кругозоре», «Олене», «Семье и школе», «Сельской молодежи». Особо успешным стал рассказ «Свадьба» (1967). Во второй половине 1960-х годов очерки и репортажи Проханова привлекают внимание читателей в СССР. Первая книга Проханова «Иду в путь мой» (1971) вышла с предисловием Юрия Трифонова.

В начале 1970-х годов Проханов опубликовал ряд рассказов: «Жестяная птица», «Красный сок на снегу», «Двое», «Стан 1220», «Машинист транссибирской», «Огненная купель» и др. В 1974 вышел сборник повестей и рассказов «Желтеет трава».

Основой первого романа «Кочующая роза» (1975), имеющего получерковый характер, стали впечатления писателя от поездок по Сибири, Дальнему Востоку и Средней Азии. В этом и в трех последующих романах — «Время полдень» (1977), «Место действия» (1979) и «Вечный город» (1981) Проханов обращается к актуальным проблемам советского общества.

Малая проза

В 1970-90-х годах он создает несколько заметных рассказов и новелл: «Полина» (1976), «Незримая пшеница», «По лунному лучу», «Снег и уголь» (все — 1977), «Седой солдат» (1985), «Оружейник» (1986), «Караван», «Родненький», «Мусульманская свадьба», «Кандагарская застава» (все — 1989) и повестей: «Адмирал» (1983), «Светлей лазури» (1986), «Знак Девы» (1990) и др. Рассказ «Мусульманская свадьба» отмечен премией им. А. П. Чехова.

«Горящие Сады»

С начала 1980-х годов писатель начинает работать в жанре военно-политического романа, материалом для новых произведений служат его многочисленные командировки. Романы-путешествия «Дерево в центре Кабула», «В островах охотник...», «Африканист», «И вот приходит ветер» образуют тетралогию «Горящие сады».

Афганская тема

Позднее Проханов вновь обращается к афганской теме. Главным героем романа «Ри-

сунки баталиста» (1986) является художник Веретенев, который по заданию редакции отправляется в Афганистан с тем, чтобы сделать серию рисунков из жизни советских солдат. В романе «Шестьсот лет после битвы» (1988) рассказывается о ветеранах Афганской войны.

«Семикнижие»

«Семикнижие» Александра Проханова — серия романов, главный герой которых — ге-

нерал Белосельцев, обладающий уникальным даром видения и созерцания. В «Семикнижие» входят романы:

«Сон о Кабуле»

«И вот приходит ветер»

«В островах охотник»

«Африканист»

«Последний солдат империи»

«Красно-коричневый»

«Господин Гексоген»

ДОРОГИ ЖИЗНИ

ИНТЕРВЬЮ

— Александр Андреевич, один русский поэт сказал еще не так давно в своей песне «Не бывает атеистов в окопах под огнем». Что Вы скажете об этом, как человек написавший несколько крупных прозаических произведений об участниках боевых действий? Эти слова однозначно правильные или, все же, могут быть другие мнения?

— Не только в окопах под огнем не бывает атеистов и не только не бывает людей-атеистов. Но и не зря, наверное, мы встречаем в Священном Писании призвание в свидетели против неверующих людей самой природы. Например, Господь, входя в Иерусалим, говорит, что если бы смолчали и не прославили Его люди, то тогда не смолчали бы камни.

Атеизм сам по себе не существует, я в него не верю, это продукт искривленного, больного сознания.

— Вы, как писатель и военный журналист, чувствуете себя больше гражданским человеком или военным?

— Я прежде всего чувствую себя рабом Божиим и я иду по тем дорогам, на которые ставит меня жизнь. Если это тропа войны, то я иду по ней как воин, если это путь паломников, то я иду по нему как паломник.

— Трудно переоценить значение проблемы воцерковления творчества для сохранения традиции русской художественной литературы. Как Вы видите пути ее решения из-за своего письменного стола?

— Действительно, за письменным столом я пережил главные моменты своей жизни. Именно наедине с чистым листом бумаги огромный

эмпирический массив знаний и впечатлений, накопленный в странствиях, превращался для меня в понимание происшедшего и опыт. Давайте представим себе роман, главный герой которого сначала где-то на горизонте своей жизни видит православный храм, идет к нему, молится, кается, потом все это завершается воцерковлением... Все это хорошо и правильно, но навряд ли создание таких романов и есть воцерковление творчества. Это больше похоже на показную фарисейскую молитву, когда молятся напоказ на углах улиц. На мой взгляд, чем меньше герои художественного произведения молятся, тем лучше. Даже Достоевский не позволял себе в своих романах ничего подобного, его героев можно видеть сомневающимися, спорящими, исповедающимися, даже проповедующими, но сама их молитва остается невидимой для чита-

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ

- Орден «Знак Почета»
- Орден Трудового Красного знамени
- Орден Дружбы народов
- Отличительный знак крест «За службу на Кавказе»

теля. Дело писателя — осмыслить человеческую жизнь и показать ее во всей ее праведности и красоте, но также в ее слабости, ошибках, грехе, когда человек стремится к Богу, цепляясь подчас за самый последний узкий краешек жизни. Итак, на мой взгляд, путь воцерковления творчества заключен в постижении христианской сути нашей жизни во всей ее непростой полноте.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ИДУЩИЕ В НОЧИ»

В глубине разгромленного дома, в обгорелой комнате, чьи окна, занавешенные одеялами, были обращены в тыл, в безопасную сторону, был постелен ковер. Прожженные дыры и обугленные узоры ковра были бережно застелены кусочками нарезанной ткани. На ковре, сделанные из консервных банок, горели коптилки, щедро освещали убранство стола. На тарелках дорогого сервиза, кое-где надтреснутого или надколотого, лежало солдатское сало, горы тушенки, грубо нарезанный хлеб. В хрустальных бокалах краснел ком-

пот, добытый из раскупоренной банки. Тут же, стопкой, поблескивали ножи и вилки, собранные по квартирам в разбитых и сгоревших буфетах. По углам комнаты, прислоненные к стенам, стояли автоматы, ручные гранатометы и тубусы огнеметов «шмель», все на виду, под рукой, освещенные коптилками. Стол был сервирован по случаю дня рождения сержанта Клычкова, носящего прозвище Клык, который величественно восседал на полу, на расшитой подушке, словно восточный хан в окружении приглашенных в юрту гостей.

— Товарищ лейтенант, ваше место! — пригласил Клык Пушкова, гостеприимным жестом указывая на вторую, расшитую цветными узорами подушку, усаживая командира напротив себя. — Прикажите начать!..

Пушков уселся, сдвигая грязные ботинки в сторону, подальше от тарелок. Усмехнулся одними зрачками фамильярности Клыка, золоченому сервизу с нарезанным луком и салом, соседству пушечных гильз и хрустальных бокалов, солдатским лицам, на которых бегали тени и свет, нетерпеливо блестели глаза и лежало одинаковое для всех наивное, детское ожидание праздника, который они устроили себе среди минных полей и развалин.

— Ну что, Клык, хочу я тебе сказать в день твоего светлого праздника! — Пушков поднял хрустальный бокал с компотом, охватив его грязной исцарапанной пятерней. Держал над коптилкой, видя, как мерцает в глубине бокала рубиновая искра. — Ты знаешь, как все мы тебя любим и уважаем. Радуемся, что такой человек, как ты, воюет в нашем взводе. Смелый, справедливый, надежный, который, если что случится в бою с командиром, примет командование, не растеряется, доведет бой до конца. Желаем, чтобы все чеченские пули огибили тебя на сто метров и попадали в кирпич. Чтоб у снайперов, когда они тебя видят, сразу слипались глаза. Чтобы мины и растяжки ты нюхом чуял и обходил, как поисковая собака. Чтобы твой «акаэс» бил без промаха и тебе всегда хватало патронов. Чтобы ты с медалью за взятие Грозного вернулся к отцу и матери, которые расцелуют тебя на пороге родного дома. И следующим праздником была бы у тебя свадьба, куда ты нас всех пригласишь. Будь здоров, Коля!

Он протянул бокал, и Клык, довольный, серьезный и благодарный, чокнулся с командиром. Все тянули бокалы с компотом, сближая свои закопченные, поцарапанные, перебинтованные руки, наслаждаясь нежными звонами, красными отблесками, глубокими, искренними словами лейтенанта, столь не похожими на его командирские рыки, злые приказы, беспощадные разносы и понукания. Желали своему товарищу благополучного возвращения с войны.

— Клык сегодня в песочнице лежал кверху задницей. — Гранатометчик Ларионов, по кличке Ларчик, с наслаждением и чмоканьем отпивал сладкий компот. — Думаю, чего он не стреляет? Может, задело? Подползаю, а он из песка куличики лепит. Он ведь у нас маленький, Клык. Ему детское ведерочко и совочек подарить надо!

Солдаты загоготали, держа у губ бокалы с компотом. Ларчику, весельчаку и насмешнику, было позволено шутить над здоровенным и властным Клыком, чьих кулаков и сердитых взглядов побаивались остальные солдаты взвода.

Днем штурмовая группа была задержана пулеметчиком. Чеченец проткнул стволом оконное стекло, поливал очередями двор, через который двигался взвод. Солдаты залегли на детской площадке, среди качелей, грибков и лесенок. Клык плюхнулся в заснеженную песочницу, пережидая огонь, пока не ударил в дом долгожданный танковый выстрел. Подавил пулемет. И тогда Клык тяжело побежал, посылая в подъезд из подствольника звонкий короткий взрыв.

— Клык, хочу тебе сделать подарок. — Косой улыбался скуластым лицом, на котором темнел мазок копоти и блестели коричневые глаза. —

Ты заслужил, Клык. Я тебя уважаю. — Он сунулся в сторону, в тень и вынес оттуда большую стеклянную вазу, прижимая ее к животу. Эту вазу, уцелевшую от пуль и осколков, он нашел в одной из соседних квартир, одарял ею сержанта, выказывая благоволение. — Цветы пусть другой подарит! — он кивнул на занавешенное одеялом окно, за которым ледяной черный город искрился автоматными трассами, ухал ударами бомб.

— Спасибо, Косой. Лучше бы ты этот подарок мне домой переслал! — Клык принял стеклянное изделие, поставил его рядом с измызганным сапогом, свет коптилок замерцал в драгоценных узорах. — Отнесешь ее в «бээмпэшчу», будем в ней лук держать.

— Клык, от меня прими! — Снайпер Флакошин, по кличке Флакон, румяный, с золотистым пушком над губами, протянул имениннику розовый махровый халат. — Поверх бронезиelta носи. Чечен увидит, не станет стрелять. Подумает: «Ах, какая молодая симпатичная женщина! Только из сауны!»

Все гоготали, глядя, как Клык пытается просунуть в розовые рукава свои мускулистые ручки. Не сумел, накинул халат на плечи. Восседал на цветастой подушке, еще больше походя на восточного богдыхана.

— Спасибо, брат. Никогда не забуду твой маскхалат. — Клык приподнял бокал, поводя им в разные стороны, и все отпили, обмывая до рогой подарок.

— А это тебе, Клык, чтобы счастье свое не проспал! — чернявый, краснотубый, похожий на цыгана Мызников, по прозвищу Мазило, поставил на ковер круглый будильник. Тронув кнопку. Будильник бодро, трескуче зазвенел. Все радостно слушали этот домашний звон, на-

клоняя голову, как делает ценитель музыки, наслаждаясь мастерской игрой. Будильник израсходовал запас шума и треска, умолк. Клык поглаживал его хромированную головку, улыбался блаженно толстыми, испачканными компотом губами.

— А это тебе, Клык, за боевые заслуги, не дожидаясь, пока тебя представят к медали. — Снайпер Митрохин, по кличке Метро, вынес на свет коптилок белую округлую подушечку, на которой были разложены ордена «Знак Почета», Дружбы народов, Трудового Красного Знамени. Их, разбросанных по полу, упавших из разбитого ящика, подобрал снайпер, любовно уложил на подушечку, чистосердечно преподнес сержанту. — Ты заслужил, Клык, носи!..

Все молча смотрели на шелковые тусклые ленты, красно-серебряные награды, оставшиеся от неведомого жильца, чей дом был разбит прямым попаданием снаряда, чья длинная жизнь, проведенная в мирных трудах, быть может, завершилась среди гибнущего города.

— Нет, — сказал Клык, — не заслужил... Не могу принять... Положи сюда аккуратно.

Не понимая до конца, в чем его ошибка и промах, Метро положил на ковер подушку, между двух горящих коптилок. Ордена светились на подушке, словно где-то рядом, бездыханный, лежал их хозяин.

— Третий тост, мужики, не чокаясь. Хотя вроде и не то, что надо, налито. — Пулеметчик Мочалкин, по кличке Мочило, встал с ковра на коротких кривоватых ногах, поднял хрустальный, с красным напитком бокал. Все встали, отбрасывая на стены и потолки ломаные тени. Держали бокалы, в краткие секунды молчания поминая погибших товарищей.

Пушков, наступив ботинками на мохнатую бахрому ковра, глядя исподлобья на светильники, на орден, на нетронутый красный бокал, прикрытый корочкой хлеба, вспомнил своих солдат, погибших во время штурма. Механика-водителя Савченко, чья веснушчатая рыжеволосая голова, похожая на лукавую лисью мордочку, высовывалась из люка машины. Санинструктора Молчанова, что сутуло бежал среди рытвин, придерживая санитарную сумку. Автоматчика Хрусталева, медлительного деревенского увальня, сидящего перед печкой, брызгающего струйки солярки на сырые чурки. Он вспомнил их не убитыми, не лежащими на железном днище в санитарном транспорте. Не их открытые оскаленные рты и недвижные глаза. А живые лица, которые улыбались, шевелили теплыми губами, моргали глазами. Взвод нес потери. Он, комзвода, идущий в бой в первой линии, видел гибель каждого.

— Буду мстить «чечам» за наших парней!.. Мстил и буду мстить!.. — Клык упер в колени костяные кулаки, напряг под розовым халатом могучие плечи. Лицо его отвердело, в нем обозначились грубые стыки, ребра и плоскости, как сварные швы на броне транспортера. Он стал шарить глазами по стенам, отыскивая свой автомат, словно собирался немедленно пустить его в дело. И во всем его облик, минуту назад благодушном и размягченном, обнаружилась жестокость и ярость. — Живыми не брать!.. В подвал гранату и очередь, а потом разговор!.. За ноги к «бэмпэ», по городу потаскать, а потом разговаривать!.. Бабы у них как змеи, и дети — змееныши! Зубами готовы кусать!.. Я бы войска назад отвел и атомную бомбу сбросил, чтобы от сучьего места яма осталась и русский солдат живой до дома дошел!.. Ненавижу!..

Клык, состоящий из желваков, побелевших костяных кулаков, набрякших белков, освещенный злыми светильниками, сидел на расшитой подушке. Пушков чувствовал его свирепую правоту. Эту правоту он подтверждал, когда бежал в атаку, уклоняясь от пуль, мягко кувыркаясь, пропуская над плечом пулеметную очередь, позвериному плавно полз, проминая снег, всаживал разящие очереди, осыпая оконные стекла, вламывался в подъезды, пробивая мускулами тонкие переборки, с косолапой верткостью бежал вдоль фасада, кидал гранаты в подвальные люки, ударами грязных подошв сталкивал с лестницы убитых бородачей, слушая костяные удары головы о ступени.

Теперь, в этой комнате, Клык в своей страстной ненависти был откровенен и прав. Выражал накопившееся у солдат угрюмое стремление подавить ненавистный город. Истребить несдающегося врага. Расквитаться не только за свои потери и муки, но и за всю унылую, годами дряхлеющую русскую жизнь, в которой чахли и страдали их родичи, беднели их деревеньки и городки, отовсюду, невидимые, не имеющие явных причин, сочились унижение и тоска. Здесь, в Грозном, люди терлись о шершавые фасады, ползали по колючей земле, обгорали в едких пожарах, и с них постепенно стачивалась тусклая короста уныния, пропадала неуверенность и печаль. Обнажалась глубинная, донная ненависть, до которой докопались в солдатах бородастые боевики, оставляющие на путях своего отступления трупы оскопленных десантников, тела изнасилованных русских женщин.

— Ты мне вазу подарил, Косой!.. А ты бы мне лучше чеченские уши подарил!.. Чтob я из них кошельков понаделал!.. Или на подошвы пу-

стил!.. Дома в чеченских ботинках на свадьбе сплясал!..

Все соглашались, не возражали сержанту. Пушкив чувствовал в себе угрюмую ожесточенность, которая здесь, в Грозном, была слепым ответом на постылую гражданскую жизнь.

— Нельзя уши резать... Озвереешь... Детей и женщин жалеть надо... У них от горя глаза провалились...

Это сказал в тишине негромким печальным голосом солдат Звонарев, по прозвищу Звонарь, бледный, с вытянутым нездоровым лицом, на котором от забот и усталости пролегли тонкие преждевременные морщинки.

Среди этих процарапанных линий, провалившихся щек, пороховых точек и мазков сажи сияли тихие голубые глаза, которыми он грустно и ясно обвел товарищей. Словно жалел их за ожесточение и очерствение душ, за единственную оставленную им свободу — убивать, умирать.

— Это что за каракатица слюнявая!.. — Клык изумленно посмотрел на Звонаря, посмеявшегося посягнуть на его превосходство. Замахнуться на его мудрость и первенство. Осудить перед товарищами в час его торжества. — Ты что, воюющих бородачей пожалел? Тех, кто пулю тебе в брюхо шлет? Кто твои кишки на кулак наматает? Выродков ихних жалеешь? Да они вырастут, к тебе в дом придут, твоих детей зарежут. Они кровной мезтью живут. Покуда их не выбьешь всех, до последнего грудного младенца, они тебя искать станут! И найдут, когда ты спать будешь!..

Клык был прав, солдаты с ним соглашались. С тех пор, как они оставили лагерь с брезентовыми шаграми, удобными землянками и вмести-

тельными окопами, с боевыми машинами, зарытыми в капониры, с банями, лазаретами и походными кухнями, с командирскими кунгами, над которыми поднимались штыри и сетки антенн, с тех пор, как ушли с черного, измятого колесами и гусеницами поля, похожего на пластик, и стали вгрызаться в город, — в них, с каждой потерей и раной, нарастала ненависть к неутомимым чеченским стрелкам.

Пушкова неприятно задела слова Звонаря. Их неуместность была подобна музыкальному звуку, случайно возникшему среди визга и скрежета, как если бы кто-нибудь в клепальном цехе или у циркулярной пилы невзначай коснулся рояля. Чистый звук, печальный и искренний, взгляд голубых сострадающих глаз были помехой. Нарушали грубую простоту их солдатского праздника, которым они хотели укрепить себя перед боем.

— Мне людей жалко, домов жалко. Столько красивых домов разрушено. Люди их строили, украшали, мебель себе покупали. Хотели жить, семьи свои берегли. Ордена получали за хорошую работу. А теперь все горит..

Звонарь был один против всех. Навлекал на себя всеобщее раздражение. Возбуждал гнев Клыка, который тянулся к нему через коптики, золоченые тарелки, объедки хлеба и сала. Хотел схватить за расстегнутый ворот, из которого тянулась худая длинная шея. Ударить в продолговатую голову с бледным лбом и чистыми голубыми глазами. Пушкова вдруг поразила их прозрачная чистота, незамутненная синева. Среди копоти, тусклой пыли, неверного колебания коптилок они одни сохранили цвет, похожий на тот, что бывает в вершинах мартовских голых берез.

— Ты что, с чеченами снюхался? У тебя родня — чечены? Может, перебежчиком станешь? В ихние банды наймешься? Может, ты ихнюю веру примешь!.. — Клык жарко дышал сквозь мокрые зубы, презирал, издевался. Его огромный кулак тянулся к Звонарю. Был готов толкнуть к стене с прислоненными гранатометами и «шмелями». — То-то я смотрю, ты воюешь, как таракан недомеренный!.. В небо стреляешь, в ямках отлеживаешься!.. Ты почему гранату не кинул, когда магазин брали? Я тебе крикнул: в подвал фанату! А ты, сука, не кинул! Может, чеченку с ребеночком угаядел?.. А оттуда очередь Хрусталева достало!.. Ты, гнида, виноват в его смерти!.. Поезжай теперь к нему в деревню с гробом, матери его расскажи, как ты другу своему пулю добыл!..

Неудержимое и безумное колотилось в огромном теле Клыка, подымало его с ковра, заносило над головой Звонаря стиснутый тяжелый кулак.

— Отставить!.. — командирским рыком Пушков закупорил бешеную, клокотавшую в Клыке ярость. Заставил его шмякнуться на подушку. Сержант схватил бокал, жадно, с хлопанием, выпил. И пока Клык пил, двигал жилами, кадыком, небритым подбородком, Звонарь смотрел на него сострадающими глазами. Не обижался, жалел. Пушков не умел разгадать причину этого сострадания, природу мартовского синего цвета.

Из комнаты был виден коридор, приоткрытая входная дверь, сквозь которую на лестничной площадке краснел костерок. Солдаты кипятили воду, подкармливали очаг обломками стульев, страницами разорванных книг, сухой трескущей фанерой от разбитых шкафов и комодов. Несколько рук с растопыренными пальцами гре-

лось над красным пламенем. На стене шевелились рогатые тени.

— Хрусталева знал, что погибнет, — сказал Метро, переживший вместе со всеми эту внезапную ссору. Радовался, что она миновала и их тесный круг сохранился. — Он мне сказал, что потерял свою защиту. Теперь, говорит, пуля меня найдет.

— Какая у него защита была? — спросил Мочило, трогая нагрудный карман, что-то нащупывая в нем сквозь жесткую ткань.

— Пуговица от материнского платья. Синяя, из стекла. Он ее в кармане носил. В баню пошел и, видно, выронил. Мы ее около бани искали. Должно, в грязь затоптали.

— А у тебя какая защита, Метро?

— Гребешок. Перед армией друг подарил. — Он вынул из кармана костяной гребешок с несколькими отломанными зубьями. Показал товарищам. Те внимательно, не прикасаясь, рассматривали амулет, сберегавший жизнь Метро, с которым тот не расставался ни во сне, ни в бою. Брал его вместе с тяжелой снайперской винтовкой на позицию, перебегал вместе с ним под очередями, хранил в кармане, когда тащил на кровавом брезенте раненых. Тех, у кого не нашлось столь надежного амулета, как у него самого.

— А у меня заяц, — сказал Мочило, растегивая карман, извлекая маленькую пластмассовую игрушку, — сестра подарила. Сказала: «Бегай, как заяц, и прыгай в разные стороны. Никто в тебя не попадет никогда».

Солдаты серьезно рассматривали пластмассового волшебного зверя, сберегавшего жизнь пулеметчику, в которого летели гранаты и мины, посыпая осколками землю вокруг заговоренного солдата.

— А у меня чайная ложка! — Ларчик вытащил из сапога алюминиевую чайную ложку с просверленной дырочкой, в которую был продет шпагат, прикрепленный к голенищу. — А у тебя какая защита, Клык?

Сержант еще сердился, сопел. Не смотрел на Звонаря, посмеявшего в день торжества перебить ему. Но гнев проходил, источался. Ларчик своим просящим вежливым взглядом выражал почтение, благоговейный интерес к его тайне.

Клык по-прежнему оставался во взводе первейшим. Самым ловким, сильным, везучим. Подождал, когда все глаза обратятся к нему. Медленно расстегнул на груди рубаху. Вытащил на ладонь скомканную, смятую пулю, укрепленную на цепочке.

— Когда в микрорайон входили, она меня цапнуть хотела. В кирпич саданула. Теперь она как собачка. Сидит на цепи и другие пули отпускает...

Все рассматривали смятую пулю, лежащую на скрюченной ладони Клыка. Словно кусочек металла был выхвачен из черного бездонного мира, где вращался по слепым орбитам. Солдаты рассматривали пулю, как астрономы изучают малый метеорит, несущий в своей плоти сведения о жестоком Космосе.

— Ну а ты, миротворец хренов? — Ларчик с грубоватой насмешкой обратился к Звонарю, подтрунивая над ним в угоду Клыку. — В чем твоя защита и оборона?

Звонарь стал растегивать рубаху, осторожно выворачивая из петель пуговицы заостренными пальцами, когда-то нежными, розовыми, а теперь тускло-серыми, цвета спускового крючка. Пошарил за пазухой, втягивая грудь. Вынес из-под рубахи на свет маленький крестик, слабо сверкнувший в свете коптилки.

— Мама дала... Перед армией в церковь пошла и купила...

Все смотрели на крестик, напоминавший малый резной листок. Ларчик удержался от шутки. Флакон протянул было руку, но не решился тронуть. Мазило одобрительно кивнул головой. И только Клык, пряча на груди пулю, сердито хмыкнул:

— Попик соломенный!..

Пушков вдруг испытал головокружение, подобное секунднему обмороку.

От усталости, от бессонных ночей, от теплого воздуха, прилетевшего с лестницы, где горел камелек, от дневного разрыва, ухнувшего перед самым лицом, он качнулся, переместился в иное время. Туда, где на светлой веранде гуляют полосы солнца, открыта большая книга, темнеют крупные буквы, нарядно пестреют картинки. И чей-то любимый голос читает знакомую сказку.

Солдатские амулеты, которыми сберегалась их молодая жизнь, были из этой сказки. Гребешок, если его кинуть через плечо, разрастался непроходимым бором. Синяя стеклянная пуговица разливалась широким озером. Убегавший заяц нес в себе утку, а та — заговоренную пулю. Все это волшебю прилетело из солнечной теплоты веранды сюда, в замороженные развалины. Промерцало крестиком на закопченной ладони.

У Пушкова не было охранного амулета. Он носил на груди металлический военный жетон, на случай, если его обгорелые кости найдут в подбитой машине. Но в бумажнике, который никогда не брал с собой в бой, он хранил фотографию. Молодые мать и отец и он, еще мальчик, в саду на даче, под осенними яблонями со множеством золотистых плодов. Мама называла сад «райскими кущами». Это и был их рай, где им чудесно жилось. Иногда, очень редко, когда возникало пространство в душе, не занятое лазаретами, выстрелами и истошными криками, Пушков доставал фотографию. Уносился в рай.

— Мужики, гляди, что нашел!.. — Флакон, покинувший было комнату, побродивший в по-

темках, вернулся, вынося на свет гитару, желтую, как дыня, слабо гудевшую в его цепких руках. — Может, кто сыграет, споет?

— Давай сюда!.. — приказал Клык. Принял гитару, положил на колени. Зарокотал, забренчал, подкручивая дребезжащие струны. Гитара, оглушенная бомбардировкой, расстроенная взрывной волной, хранила в своих хрупких перепонках удары танковых пушек, немощно постанывала. Клык сдувал с нее пыль, стряхивал с вялых струн большие неверные звоны, освобождал от окаменелого звука. Настроил, подбоченился, приподнял плечо в розовом махровом халате. Подмигнул всем сразу дико и весело. Погрузил толстую пятерню в струны, хватая их сильным грубым щипком, запел похабнейшую частушку.

Губы Клыка, выговаривающие срамные, веселые слова, были мокрые. Глаз дико и весело мерцал под нахмуренной бровью. Плечо ухарски поднималось под махровым халатом. В голосе звучали повизгивающие, непристойные, бабьи интонации. Солдаты хохотали, ударяли кулаками в ковер, заваливались на спину, поощряли Клыка. А тот, подергивая под розовым халатом могучими плечами, поерывал на подушке, подмигивал всем сразу и пел еще похабнее.

Мочило заливалась, тряс руками, крутил головой. Флакон делал страшные хохочущие рожи. Косой счастливо скалила зубы, колотил себя по животу.

Солдаты ахали, стонали, делали вид, что и у них в руках гитары, и они бьют по струнам, выговаривают с повизгиваниями дикие слова.

Пушков принимал эти срамные частушки, которые здесь, в разгромленном, отвоеанном доме имели смысл заклинания. Были проявля-

нием молодой, желающей уцелеть плоти, страшащейся рваного осколка, раскаленной пули, операционного скальпеля. Дикие, свирепые, разудалые слова отделяли живых от мертвых. Горячих, дышащих, поющих — от заледенелых и скрюченных на кровавых носилках, от задавленных бетонными перекрытиями, от обглоданных собаками, костенеющих в гнилых подвалах. Солдаты погружались в эти плотские, срамные слова, спасались в них от черной, веющей за окнами смерти.

Клык отложил гитару. Радостный, раздобрешший, всласть повеселивший товарищей, предлагал им продолжить потеху:

— Ну, кто сменит!.. У кого есть занозистей!..

— Дай мне, — попросил Звонарь.

Клык удивленно, неохотно передал гитару. Тот принял ее бережно, как ребенка. Сначала прижал к груди. Поток слабо дохнул в нее, будто вдувал свою жизнь.

Легонько, как живую, огладил, словно ждал, когда в ней пройдет испуг. Сбросил со струн несколько печально прозвеневших звуков. И вдруг всем показалось, что в гитаре, в ее темной глубине, затеплился мягкий огонь, просвечивая сквозь тонкое дерево, как светильник.

Пальцы Звонаря двигались осторожно и нежно, словно он перебирал не струны, а волосы ребенка. Звуки, которые влажно и сладко издавала гитара, прилетели в разгромленный дом из других пространств, где не было проломов в стенах, осветительных желтых ракет, окровавленной амуниции, ожидания смерти. Солдаты, сидящие на замызганном ковре, минуту назад готавшие, жадно внимавшие срамным несусветным частушкам, вдруг изумленно утихли. На лицах у них появилась одинаковая

печаль, будто они сожалели о чем-то несбыточном, что их миновало, случилось с кем-то иным в недоступной чудесной дали. Звонарев запел одну из песен иеромонаха Романа.

Пушков был ошеломлен и испуган первыми словами песни. В ледяном, гибнущем городе не существовало предметов и чувств, которым бы они соответствовали. Был поражен звуками голоса, ничем не напоминавшими хриплые приказы, остервенелые ругательства, вопли о помощи, сердитые переговоры по рации, истошные стоны. Пушков изумленно глядел на солдата. Слово то только что явился к ним во взвод, его не было во время недельных боев. Не было синих истовых глаз, высокого, взволнованно-чистого голоса. Он появился внезапно, сегодня. Был прислан к ним в штурмовую группу перед неведомым грозным свершением. Поет незнакомую дивную песню. Стараются им объяснить истину, с которой явился. Но они не могут понять. Изумленные, слушают. Тревожатся от непонимания слов.

Гранатометы, огнеметы, прислоненные к стене автоматы со двоянными рожками. Ракетница, штык-нож, оббитый о камень бинокль. Заложенный кирпичами оконный проем с амбразурой, в которую втиснут ствол пулемета с наборной латунной лентой. Гильзы с горячей соляркой, разломанный шкаф в углу. Это их монастырь, братская тесная келия. Их привела сюда таинственная безымянная сила. Позвало неизреченное Слово. Не взвод, штурмующий дом за домом, отупевший от залпов, озверевший от потерь и усталости, ненавидящий черный проклятый город. А молодые иноки, отрекшиеся от земной суеты, преобразенные, вставшие на вечернюю службу, ждущие чуда в молит-

венный час. Пушкив чувствовал это преображение, словно его нечистое потное тело под несвежей одеждой, с больными суставами, с синяком на плече, омылось прохладной водой, задышало и побелело, стало стройней и легче. А душа, как мумия, закутанная в брезентовые оболочки, промасленная, пропитанная горячей нефтью, ослепшая от гнева, оглохшая от рева орудий, выскользнула из утомленной плоти. Прозрачная, бестелесная, не касаясь босыми стопами земли, стоит на воздухе перед синими очами. Вопрошает, ждет обещанную ей благодать.

Долгожданное, как блеск небесного света, откровение. Острое, слезное прозрение в счастье, в любви. Русская красота, необоримость, таинственная сила, соединившая их всех в этом черном расколотом доме. Родина, ненаглядная, страдающая, собрала их по городкам, деревенькам. Посадила в длинный замороженный эшелон с притороченными к платформам боевыми машинами. Поселила среди голого чеченского поля в брезентовых островерхих шатрах. Направила в туманный город, куда с воем над их головами полетели снаряды «ураганов» и дальнобойных «гвоздик». И их первая потеря среди заводских окраин, бетонных заводов и складов. Механик-водитель Савченко, рыжий, остроносый, как лисичка, лежал на носилках, и в вывернутых кровавых карманах залипла конфета.

Россия, война, солдатские галеты, банка пролитого йода, пикирующий с высоты вертолет, вонзающий колючие стрелы в крышу горящего

дома, и этот бледный синеглазый солдат уверяет их, что Россия жива, что все они — ее сыны и солдаты, и каждая их жизнь или смерть у нее на устах, в ее чудных синих очах. Оплаканы ею и воспеты.

Пушков очнулся. Звонарь пел о себе. Готовил себя к чему-то, о чем уже знал. К тому, что витало над ним среди темных развалин. Сделало его избранником среди всех, здесь сидящих. Этот юноша с бледным лицом и тонкой торчащей шеей, смиренный, безропотный, был отмечен. Удаляясь от них в свой отдельный и грозный путь. Еще находился здесь, среди горящих коптилок. Но его уже уносило, удаляло, и не было сил удержать. Пушкив в своем прозрении, в своей внезапной догадке хотел обнять его узкие плечи, прижать к груди, нахлобучить на него каску, навьючить бронезилет, спрятать под броню в боевую машину, отправить в тыловой лазарет на краткое лечение и отдых. Вымалывала его у кого-то, неколебимого.

Звонарь умолк, отложил гитару. Она медленно затихала. В ней угасал светильник. Все сидели, слушали, как, расширяясь, подобно кругам на воде, расходится по комнате звук. Молча вставали, разбредались по углам, где были навалены матрасы, одеяла, занавески, подушки. Укладывались спать, навьючивая на себя сырую, плохо греющую ветошь. Звук гитары сквозь множество проломов и трещин вытекал из комнаты, таял в ночи. Далеко и гулко ухнула бомба, и близко, вслед за ней, рассыпалась злая очередь.

ПРОТОИЕРЕИ АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

БИОГРАФИЯ

Протоиерей Андрей Ткачев родился 30 декабря 1969 года во Львове. В 15 лет поступил в Московское суворовское училище, по окончании которого два года обучался в Военном красном знаменном институте министерства обороны на факультете спецпропаганды со специализацией по персидскому языку. Кадровым военным не стал, институт не окончил и ушел с формулировкой «по нежеланию учиться». Отслужил в армии.

В 1992-1994 годах учился в Киевской духовной семинарии. 6 мая 1993 года был рукоположен в сан диакона, а 5 ноября того же года — в сан священника. 12 лет был клириком Георгиевского храма во Львове. На это время пришлось начало его миссионерской деятельности. Был пригла-

шен работать на телевидение. Шесть лет был в разъездах между Львовом и Киевом. В 2005 году получил открепительную грамоту во Львовской епархии и переехал в Киев.

С 2006 года — настоятель Киевского храма преподобного Агапита Печерского, а с 2007 года — также настоятель каменного храма святителя Луки Крымского, строящегося рядом с деревянным храмом преподобного Агапита Печерского.

Руководитель миссионерского отдела Киевской епархии. Ведущий телепередач «На сон грядущим», «Сад божественных песен» (КРТ). Член редколлегии и постоянный автор журнала «Отрок.ua». Автор большого количества книг и статей.

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ

- Смотри, небо становится ближе... — М.: «Лепта-Книга», 2008. — 272 с.
- Мысли о покаянии. — М.: Издательство Средненского монастыря, 2009. — 32 с.
- Мы вечны! Даже если этого не хотим. — Симферополь: «Родное слово», «Нижняя Ореанда», 2009. — 304 с.
- Мы вечны! Даже если этого не хотим. Книга. 2. — Симферополь: «Родное слово», 2012. — 608 с.
- Письмо к Богу. — М.: «Даниловский благовестник», 2010. — 400 с.
- Тебе и мне Бог письмо написал. — Киев: «Послушник», 2010. — 256 с.

- Первое чудо. — Киев: «Послушник», 2010. — 224 с.
- Крылатый лев. — Львов: «ЛА Пирамида», 2010. — 116 с.
- Лоскутное одеяло. — Киев: «Послушник», 2011. — 288 с.
- Миссионерские записки. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011. — 144 с.
- Человеческое измерение. Статьи и беседы. — Киев: «Послушник», 2011. — 352 с.
- В присутствии Бога. Беседы о Ветхом Завете. — Киев: «Послушник», 2011. — 228 с.
- «Страна чудес» и другие рассказы. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. — 256 с.
- Земные ангелы, небесные человецы. — М.: «Даниловский благовестник», 2013. — 192 с.
- Пыль на соломенных погонах. — Киев: «Послушник», 2014. — 208 с.

ЛИТЕРАТУРА ЗАЖДАЛАСЬ ЧЕЛОВЕКА, МОЛЯЩЕГОСЯ БОГУ

ИНТЕРВЬЮ

— Современная русская художественная литература переживает своеобразный «десант» со стороны священства. Священники всегда были пишущими людьми, но раньше они избегали в своем творчестве жанров, устоявшихся в художественной литературе. Что Вы, как один из художественно мыслящих священников, думаете об этом новом литературном движении?

— В нашей традиции священники далеко не всегда были пишущими людьми. В допетровские времена кроме них особо писать было некому, но они писали в строго очерченных жанрах и совсем не так много. В послепетровскую эпоху количество всего написанного духовенством в соотношении к общей массе духовенства позволяет сказать, что «гора рождала мышь». Проповедовали газеты, журналы и проклама-

ции, а Церковь не успевала за ними, и кое-где попросту даже молчала. Мы вовсе не избалованы пишущими батюшками. У нас священник — служитель Таинств по преимуществу. Иначе у западных с их любовью к интеллекту. Там священник писал часто и много, и в разных жанрах, почти во всех, но это не значит, что мы должны теперь «наверстывать упущенное». Не все жанры священнику по плечу и по духу. Роман, к примеру, для иерея вряд ли возможен: уж слишком эта форма требует погружения и растворения, плюс времени и душевных затрат-растрат. И поэзия не жанр для многих батюшек — пописывать рифмованное нечто могут многие, но поэзия по сути — редкий дар и особое творчество. Требуется, чтобы священник работал в жанре своего служения — живое слово, беседа, омилия, диатриба... Он должен уметь выслуши-

вать и советовать, читать и подчеркивать значимое. Он должен быть мыслителем (каким бы громким не было это слово). А иначе откуда взяться писательству? Нужна культура умственного труда и возврата к книге.

Священнику подходят очерки, эссе, репортажи, критические заметки, статьи, рассказы и прочие малые формы — все для него. Очень было бы хорошо, если бы пишущие священники имели «колонку-кафедру» в различных газетах и журналах. Причем говорить надо не только о вере собственно, но обо всем через веру. Поскольку православное чтение — это не то, что о Православии, но то «о чем угодно», что написано православным человеком. В XIX веке у нас был Лесков, который об одних попах почти писал, и был Достоевский, редко выводивший рясу на страницы. Кто был более успешен в проповеди Христа?

Всего этого (умного, аналитичного, глубокого) очень не хватает. Священник пишущий — более публицист, чем литератор, и уж совсем не «сочинитель». Но это не зазорно, поскольку Пушкин и Достоевский издавали журналы, а львиная доля хорошей западной литературы вышколена журналистской школой, вплоть до недавно скончавшегося Маркеса. То есть, учиться писать вначале нужно «сегодня для сегодня», а уж потом «сегодня — на века». Что же до погони за полноценным литературным трудом, то боюсь он помешает многим священствовать. Да еще и связан в творчестве священник многими табу, которых нет у светских авторов.

Одним словом, задача — вперед к освоению малых форм во всей красоте и неисчерпаемости их интимности. Дневники, переписки, биографии, заметки, очерки, научные статьи... Эта ли-

тература просто заждалась человека, одетого в рясу, знающего изнанку людской души и молящегося Богу. И, чуть не забыв, священник прежде писательства должен быть профессиональным читателем. Только потом — проповедником и учителем, а еще потом, возможно, критиком и рецензентом, аналитиком и мыслителем. Ну а там, если Бог даст, самостоятельным писателем. Именно движения по ступеням от нас ждет время и Хозяин времени.

— Во время срочной службы в армии, а затем и в гражданской жизни, мне приходилось встречать офицеров-суворовцев. Они показались мне офицерами среди офицеров. Актуально ли для Вас сегодня ваше суворовское и незаконченное военное образование? Или, все же, оно осталось для Вас «на другой планете» Вашей юности?

— Суворовцы в офицерстве не Вам одному представляются белой костью, «офицерами в офицерстве». Право, не заметить это может лишь тот, кто не в теме. Мне по этому поводу вспоминаются слова одного кинорежиссера, который сказал, что его локальный успех складывается из некой суммы неудач. Он не стал музыкантом, не стал хореографом, не стал художником, хотя всюду пытался потрудиться и старался изо всех сил. Потом все эти недоразвитые таланты чудесно слились в режиссуре и напитали творчество. Вроде бы о потерях в таком случае говорить не приходится. Хотя...

Вот и о себе я могу сказать, что некая сумма плохо реализованного опыта и разнообразных усилий помогла мне в главном деле моей жизни. Но горечь остается, ведь цели ставились, а они не достигнуты. Это касается и образования, недо-

статок которого ощущаешь, и военной юности с ее романтизмом и сапогами, и кое-чего еще.

— Для многих людей в их обретении веры важную роль сыграли книги. Вы можете сейчас на-

звать самую первую книгу, которая сделала Ваш жизненный путь христианским?

— Рад возможности быть кратким: «Братья Карамазовы».

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЭССЕ

Наиболее распространенные в мире языки выделить нетрудно. Это, конечно, китайский — по причине огромного количества людей, считающих его родным. Это арабский, поскольку он есть язык динамически развивающейся и распространяющейся религии. Это испанский, на котором, учитывая диалекты, говорит без малого целое полушарие, за что отдельное спасибо католическим миссионерам. Это, конечно, английский, который выполняет в мире ту же функцию, что койне в эпоху эллинизма или русский — в СССР; сегодня это — язык международного общения, в основном коммерческого и научно-технического. И это — русский.

Русский язык — не язык коммерции. Для этих целей он сам напичкан англоязычной лексикой. Он также не является родным языком для мировой религии, как арабский или иврит. Для собственных богословско-христианских целей русский язык принял в себя множество греческих и латинских терминов. Что и правильно. Количесством мы, подобно китайцам, никого не пугаем и не удивляем. Здесь спорить не о чем. Что же такое в мире русский язык и в чем его ценность?

Не язык всемирных колонизаторов, не язык всемирных торговцев, не язык новых религиозных откровений, он есть язык особенной культуры, в центре которой — русская литература. В этом его всемирное значение.

Данная черта сближает русский с французским с той лишь разницей, что франкофоны существуют в мире тоже благодаря долгому колониальному периоду. В Сенегале, Вьетнаме и на Таити французский учили не ради наслаждения Расином, а потому что французский колонизатор повелевал. А вот в России со времен детей Петра Великого французским увлекались из чистого наслаждения культурой и без всякого желания попасть в политическую зависимость. Точно так же сегодня и русским в мире наслаждаются.

Русский язык есть язык великой русской литературы, которая сама есть дитя Евангелия и Церкви Христовой в самом широком и свободном понимании этого огромного термина.

Обобщая исторический путь, мы можем выделять Русь Киевскую, Московскую, Петровскую, Советскую и постсоветскую. Литература, без сомнения, началась вместе с верой и письмен-

ностью в Руси Киевской. Но там она не развилась, как не развилась и в Московской. Литература у нас развилась и стала мировой после Петра и его торнадообразных перемен. С тех пор и (надеюсь) доньяне история Руси связана с литературой неразрывно и в некоторой степени является собственно историей литературы. Чтобы проиллюстрировать себе эти слова, вспомните, как повлиял на жизнь мира такой человек, как Владимир Ульянов (Ленин), а потом вспомните, сколько десятков раз он прочитал книжку Чернышевского «Что делать?». Сначала Руссо влияет на Толстого настолько, что вытесняет с груди молодого графа нательный крестик собственным портретом. Потом Толстой влияет на страну и весь мир вплоть до превращения в зеркало русской революции.

Значение литературы выросло в Петровскую эпоху. Это значение не упало, но специфически, хотя и односторонне, выросло в Советскую эпоху, потом на инерции держалось в переходные периоды и стало замирать только в новейшие времена с тенденцией к возрождению (ура!) в последние часы и минуты, если говорить образно.

Нам не понять свою историю и не разобраться в ней, если мы не разберемся в своей литературе: в религиозных корнях ее, в ораторских успехах революционеров, в гражданском пафосе лучших писателей и проч.

Типография и газета вряд ли в какой-то еще стране, кроме России, имели такой разрушительный потенциал, и в этом тоже стоит разобраться. Лекарство не лечит, если не может отравить, и то, что успешно разрушало, способно успешно созидать.

Когда народ собирается с мыслями, а власть бесчувственна к его тихому труду, то это чревато

со временем восстанием масс. Когда власть жжет по ночам свет в кабинетах и думает, думает, а народ думать ни о чем, кроме потребительской корзины, не собиравшаяся, то это тоже беда. Хорошо, когда проблему чувствует и стоящий наверху, и гуляющий у подножья. Поэтому речь Путина на Российском литературном собрании — симптом бодрящий.

«Даже если, — говорит Владимир Владимирович, — снижение интереса к чтению, к книгам является общемировой тенденцией, мы не вправе с этим смириться». Толстой и Достоевский — большее наше богатство, нежели нефть и газ, поскольку нефть и газ лежат у нас под ногами без нашего труда, а писательский гений вынашивается в недрах народного сознания. Если угодно, это наши опознавательные маркеры, знаки нашего присутствия в мировой культуре. И до чего мы доехали на сегодняшний момент.

Как огромные природные богатства не мешают у нас существованию нищеты и убожества, так и огромный культурный потенциал не мешает прозябать в невежестве в полном соответствии с общемировыми тенденциями. Нехорошо.

Те 9 минут, которые, согласно статистике, отдает книга в день средний россиянин, должны испугать нас своей ничтожностью. Книге хорошо бы отдавать столько времени, сколько отдается сидению за обеденным столом, и ничуть не меньше, чем жертвуется телевизору.

Путин сумел коснуться «до всего слегка». Он упомянул об информационных технологиях, которые явно влияют на культуру чтения; обмолвился о том, что мысль зреет и оттачивается только в работе с текстами; напомнил об оскудении бытовых запасов языка и о превращении ли-

тературной речи в исключение. Он тезисно, но емко сказал все, что должен был сказать правитель, не чуждый гуманитарной сфере, более того — осознающий, какого народа, в смысле словесности, он правитель. И если бы он только критиковал, то для этого много ума не надо.

Конструктив тоже был, и даже в виде штрих-пунктира были обозначены тенденции. Что же планирует государство Российское?

— Возрождение престижа педагогов-словесников.

— Содействие сохранению объединяющей роли русского языка на пространстве государства.

— Перевод на русский язык всего яркого и значимого, что появляется в литературах других народов, населяющих Россию.

— Для поддержки современных авторов — учреждение премии Президента РФ в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества. Премия начнет вручаться с 2014 года, объявленного Годом Культуры. Предложено подумать над тем, чтобы объявить 2015 год в России Годом Литературы.

Власть в лице президента понимает, что (sic!) рынок не всемогущ. По крайней мере, в означенной сфере рыночные механизмы саморегуляции бездействуют. Нужны осознанные и волевые усилия общества и власти. Предполагается создавать условия для координации усилий тех, кто трудится в «библиотеках, литературных музеях, мемориальных домах писателей».

Задачи выходят за рамки чистой сферы изящного. Среди задач:

— привлечь особое внимание общества к отечественной литературе;

— сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире;

— внутри страны формировать среду, в которой образованность, эрудиция, знание литературной классики и современной литературы станут правилом хорошего тона.

О чем все это нам говорит? Говорит о должных критериях величия Родины.

Петр Первый, которого мы похвалили за причастность к рождению нашей великой литературы, достоин и порицания. Именно с Петра мы мыслим славу России в количественных категориях внешних успехов и побед. Величие стало описываться в терминах «построили», «полетели», «навалили», «победили». Все теплое и тихое, описываемое при помощи глаголов «пожалели», «погрустили», «раскайлись», ушло в литературу, как в подполье. По сути, перед нами вопрос Владимира Соловьева, переформулированный языком XXI столетия: «Какой ты хочешь быть, Россия? Россией Ксеркса или Христа?»

Верховная власть уже, слава Богу, понимает, что признаки величия подлинного связаны с поэтической строкой не меньше, а даже больше, чем с острым воинским железом.

Итак, за книги! Церковь Святая, покажи пример!

Бессловесная паства не может быть христианской. А не читающий книг священник не может быть служителем Бога Слова. Если кто-то не поймет сказанного президентом, то люди Церкви должны понять. Как евреи, вернувшиеся из Вавилона, вновь открыли для себя забытую Книгу Закона, так и мы должны открыть для себя подлинный источник народного величия — его ли-

тратуру. Она не ответит нас от Христа, но лишь сильнее к Нему привяжет. Стыдно, братишки, что в Принстоне и Йеле студенты ради чтения Достоевского в оригинале над русской грамматикой потеют, а наш Ваня сплошь и рядом на великом и могучем только матюкаться горазд.

Переведем-ка мы лучше мягонько 9 минут для начала в 10. Потом «психанем» и 10 доведем до

15. Потом выключим «ящик» и увеличим с 15 до 18. Уже на этом этапе, который займет годик-другой, то есть на этапе увеличения 9 минут в два раза, Господь порадует нас и новыми именами в литературе, и новой благодатью в повседневной жизни, и успешным заживлением застарелых ран.

У БОГА НЕТ МЕРТВЫХ

РАССКАЗ

Мудрость народная предупреждает не зарекаться от сумы и тюрьмы. Кто знает, как жизнь сложится завтра. Кто знает, с кем столкнешься лоб в лоб, глубоко задумавшись и повернув за угол. Я тоже знать не знал, что целых три месяца своей жизни мне придется прятаться в чужом и незнакомом городе, а чтобы чем-то жить, работать грузчиком в овощном магазине и там же спать, получая еще полставки сторожа. От кого и в каком городе я прятался — сегодня уже неважно. Важна одна черта моей тамошней жизни, о которой хочется рассказать.

Через два квартала от нашего магазина располагалось старое городское кладбище. На нем по недостатку места уже давно никого не хоронили. Сквозь могильные плиты проросли деревья, все кладбище утопало в зелени, и я ходил туда гулять в вечерние часы между закрытием магазина и наступлением темноты. Может быть, не в каждом городе мира найдется гражданин с фамилией Рабинович, но зато на большинстве кладбищ в нашей стране найдется еврейское поле. Шумный, неугомонный, упертый, пахну-

щий библейской древностью, красивый и отгаливающий одновременно, самый странный народ на земле разбрелся повсюду и везде оставил следы своего присутствия.

Та кладбищенская часть, где были похоронены евреи, находилась на самом краю, и туда я ходил чаще. Сначала меня привлекли надписи на могилах и портреты умерших. Там были похоронены евреи, служившие в Красной армии. Те, которые поверили в революцию, повылазили на свет из всех щелей российской провинции и стали под красное знамя. Кого-то из них убили на войне, кто-то до чего-то дослужился. На их могилах надписи были сделаны по-русски, а на photographиях они были запечатлены в гимнастерках и португях. Эти мне нравились меньше всего. Больше нравились старики со странными, иногда смешными для нашего уха именами. Нравились их грустные глаза и длинные бороды. Нравилось, что жены их лежат рядом, и чувствовалось, что при жизни они были нежны какой-то другой нежностью, которая редка среди славян. Там, где надписи были сде-

ланы на иврите, к простому любопытству добавлялся священный интерес, и я подолгу ходил среди могил Корфункеров и Зильберманов, Коганов и Кацев. Как-то не было скучно и было о чем думать, хотя нельзя было предположить, что я додумаясь до чего-то особенного. Однако додумался.

В каптерке, где я ночевал, было Евангелие. Я открывал его временами на любом месте и читал. Читал, не все понимая, но с удовольствием. Когда чувствовал, что сыт и удовольствие закончилось — закрывал. И вот однажды поразила меня рассказ о богаче и Лазаре.

Вы не смейтесь над тем, что сторож овощного магазина гуляет на кладбище и читает Евангелие. И Боже вас сохрани думать, что это неправда. Ведь я же не всегда был сторожем, и сейчас им не являюсь. В тот период времени я скрывался, и было от кого. Значит, и дела у меня бывали поважнее, а образование и статус им соответствовали.

Так вот, в рассказе про Лазаря и богача тронула меня одна мысль, а именно: богач в аду переживает о братьях, оставшихся на земле. По опыту мне было известно, что когда в жизни человека наступает такой кошмар, который мы преждевременно называем адом, то можно перестать думать обо всех, даже самых близких. Тогда только воешь от душевной боли или дрожишь за шкуру. Богач, оказывается, был по своему хорош. Он, даже попав в потустороннее пламя, сохранил в душе тревогу о родственниках. Трогательна была и просьба о том, чтоб Лазарь намочил перст в воде и прохладил ему язык. Удивило и то, что они за гробом друг друга узнали и что там могут быть длинные разговоры между святыми и грешными, между Авраамом

и его потомками. На этих мыслях я и уснул в тот вечер, скрутившись в калачик, как я люблю, на вонючем одеяле синего цвета.

На следующий вечер я опять бродил среди христианских и еврейских могил, пробирался среди ржавых и колючих оград, раздвигал руками заросли папоротника и думал о своих проблемах. Мысль о том, что евреи, лежащие вот здесь, где я сейчас хожу, похожи на евангельского богача, а может быть кто-то из них похож и на Лазаря, пришла ко мне тихо и незаметно. Как бы сама собой. Я даже не остановился, продолжил прогуливаться, но эта мысль вдруг раскрасила евангельский рассказ и даже посягнула на большее. Сильно верующим меня всегда было назвать трудно хотя бы потому, что в жизни этого не видно. Но наученный еще в институте Достоевским, я считал и считаю, что истина — Христос, а если истина — не Он, то лучше я буду с Христом, но без истины. То, что евреи в Иисуса Христа не поверили, казалось мне жуткой ошибкой и огромной трагедией. При этом никакой неприязни к этому народу у меня никогда не было.

И вот тут я подумал: ведь там, за гробом, все всех узнали. Увидели люди и Моисея, и Авраама. Увидели и Иисуса Христа, и только там поняли свою ошибку. Это ж наверно они теперь просят, чтобы омочил кто-то перст и прохладил им язык. Наверно, жалуются, что их неправильно научили, или они сами не хотели думать о важном, и вот так расплескали жизнь по горстям, кто куда, а теперь мучаются... Мучаются, но о родственниках думать не перестают. Нас они, может, и терпеть не могут, но уж своих-то любить умеют. У нас дети поголовно то «тупицы», то «болваны», а у них «Ося всегда хоро-

ший мальчик». Так, по крайней мере, я тогда думал и решил следующее: пока жизнь моя непонятна, буду ходить сюда и читать мертвым евреям Евангелие.

С тех пор прошло уже достаточно лет, но я и сегодня удивляюсь тогдашней затее. Сегодня бы я этого уже не сделал. Или побоялся бы, или бы сам себя постыдился. Хотя сегодня я знаю, что решил тогда правильно. Я много потом общался со священниками и читал разные книги. У Бога нет мертвых. Внимание души приковано к месту, где лежит тело, ведь там человек воскреснет. Чтение Евангелия — это один из высоких видов молитвы. И, несомненно, покойные переживают о живых и хотят, чтобы те не повторяли их ошибки.

На работе все было тихо и незаметно, а вот вокруг начало твориться разное всякое. Стало коротить проводку. В магазин попадались местные жулики-малолетки, и ночи перестали быть спокойными. Вдобавок у меня сильно разболелся желудок, и я перестал есть. Зато из дома сообщали, что дела решаются и скоро можно будет вернуться. Те, кто искал меня, сами стали скрываться. Мысль о доме тепло согревала.

На кладбище я продолжал ходить и читал там преимущественно Евангелие от Иоанна. Там много таких мест, где Господь обращался к обступавшим его и теснившим иудеям. Он иногда ругал их, иногда учил, иногда грозил и обличал, но они так ничего толком и не понимали. Головы их были напичканы какими-то своими мыслями. А вот черно-белые лица с надгробий смотрели так, как будто понимали все, что я читал, и это меня одновременно и пугало, и радовало. Читал я вслух, но негромко. Находил

удобное место, прочитывал главу, затем просил у покойников прощения за то, что потревожил, и отходил шагов на 20, на другое место.

Так продолжалось недели две. Я уже привык к ним, к тем, кого звали Шломо и Хацкель, к тем, на чьих могилах были написаны слова о скорби родных и выгравирован семисвечник. Как тут пришла новость о конце моих скитаний. Можно было пересчитать карманную мелочь и, даже не возвращаясь в каптерку, бежать на вокзал, чтобы электричками добираться домой. Так я и сделал. Напоследок пришел на кладбище, но уже ничего не читал (Евангелие было собственностью сторожки). Просто посидел под деревьями, но уже на христианской части. Было приятно смотреть на кресты, и было жалко, что они не стоят в той части кладбища...

* * *

Я забыл бы эту историю, как забыл сотни историй своей и чужих жизней. Но я вспомнил о ней, когда среди моих друзей все чаще стали появляться евреи. Они не решали со мной гешефты, не делали шахер-махер и не готовили гефильте-фиш. Они вообще не делали со мной ничего еврейского, но появлялись ниоткуда, говорили со мной о Боге, о Христе, о Суде, и потом уходили. Некоторые стали моими друзьями, многие крестились, иных я даже не помню по имени, но за несколько лет их было много.

И вот тут в мои тяжелые мозги пришло ясное понимание того, что глаза с надгробий смотрели на меня с пониманием не зря.

Евреи все же умеют любить своих и переживать о них даже из ада.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

БИОГРАФИЯ

Михаил Андреевич Чванов родился 25 июля 1944 года на северо-востоке Башкирии на реке Юрюзани в д. Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. Предки по отцу и по матери появились на Южном Урале в XVIII веке приписными крестьянами горных заводов: Симского, Юрюзанского, Усть-Катавского. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал математику и черчение в сельской школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодежной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана.

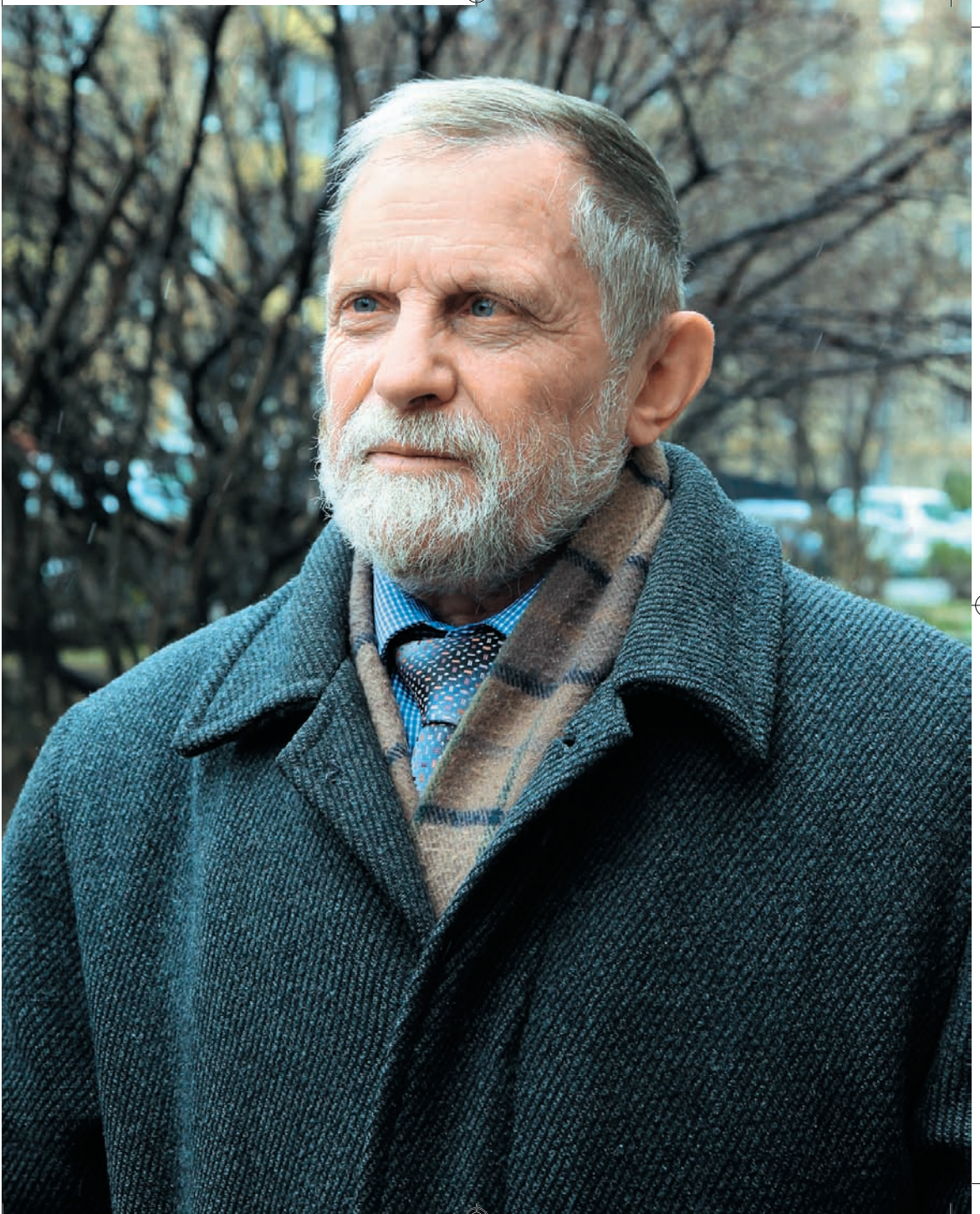
Как спелеолог, был одним из руководителей экспедиции, впервые исследовавшей крупнейшую пещерную систему Урала — пропасть Сумган-Кутук и многие другие пещеры Башкирии, за что в 1967 году Министерством геологии СССР был награжден почетным знаком «Отличник разведки недр». С геологами, геодезистами, охотоведами, туристами-спортсменами исходил Южный Урал, спускался на плотах по его рекам, прошел около четырехсот километров малохоженными тропами северо-восточной Камчатки, поднимался к жерлам действующих вулканов: Ключевского, Безымянного, Толбачиков, был в Карелии, на Соловецких островах, на Русском Севере. Пережив авиакатастрофу, месяц кочевал в Охотской тайге в 300 километрах от Оймякона, известного как второй полюс холода

на планете. Его маршруты пролегли в горах и тундре Корякского нагорья, на Чукотке, на Памире...

В 70-е годы — один из руководителей Всесоюзной экспедиции по поискам без вести пропавшего при перелете через Северный полюс из СССР в США в августе 1937 года самолета С. А. Леваневского, с поисковыми отрядами экспедиции работал в сложных климатических и технических условиях на озере Себян-Кюель на Верхоянском хребте в Якутии и на мысе Лисянского под Магаданом.

Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже и в Москве — в издательствах «Современник», «Советский писатель», «Современный писатель», «Мысль», «Голос-пресс». Философское эссе «Время Концов и Начал», впервые опубликованное в 1984 году «Литературной газетой», потом неоднократно перепечатывалось другими изданиями и широко разошлось по стране в ксерокопиях. Известен также как исследователь и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С. Т. Аксакова и его сыновей: И. С. Аксакова и К. С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии.

После разрушительной «перестройки» возглавил Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе, в свое время созданный при его активном

участи. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда, музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия. На организуемый Аксаковским фондом при поддержке руководства Республики Башкортостан ежегодный Международный Аксаковский праздник, по общему признанию ставший одним из самых масштабных в стране, собираются гости не только из многих регионов России, но и из разных стран мира. По инициативе и при активном участии фонда в Башкирии образованы Аксаковская гимназия, учреждена Всероссийская литературная премия им. С. Т. Аксакова и студенческие Аксаковские стипендии, создан Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино» под Белебеем...

В 2000 году Святейший Патриарх Алексий наградил Михаила Чванова орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени — «во внимание к помощи в восстановлении Димитрие-Солунского храма в селе Надеждине», родовом имении С. Т. Аксакова.

Зарубежные поездки Михаила Чванова связаны с его деятельностью в Международном фонде славянской письменности и культуры, вице-президентом которого он является и в котором возглавляет Международную Аксаковс-

кую программу: Болгария, распавшаяся на его глазах и истекавшая кровью в братоубийственной войне Югославия, Приднестровье, Греция, Польша, Чехия, Сирия, Италия, Франция... Путем Белой армии из Севастополя через Босфор и Дарданеллы ходил на паруснике мимо Святой Горы Афон в Фессалоники, на родину равноапостольных Кирилла и Мефодия. В 1994 году ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан», а в 2001 году — «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». С 1997 года — секретарь Правления Союза писателей России. Член редколлегии журналов «Наш современник» (Москва), «Роман-журнала XXI век» (Москва), «Медный всадник» (Санкт-Петербург).

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С. Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов (за роман-поиск «Загадка штурмана Альбанова» и цикл повестей и рассказов о трагедии Югославии).

В июле 2006 года награжден Большой литературной премией первой степени Союза писателей России в номинации «Лучшее произведение 2005 года» за книгу «Мы — русские? Всего мира Надежда и Утешение». В 2009 году — премией «Александр Невский»

С 2009 года — почетный гражданин Уфы. В 2010 году награжден Орденом почета.

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ

- Билет в детство. — М.: «Современник», 1980.
- Если не будете как дети. — М.: «Современник», 1990.
- Лестница в небо. — М.: «Голос-пресс», 2004.
- Мы — русские?! «...Всего мира Надежда и Утешение». — М.: «Голос-пресс», 2005. — 656 с.
- Загадка гибели шхуны «Святая Анна». — М.: «Вече», 2009.
- Вверх по реке времени. — М.: «Вече», 2009. — 608 с.
- Загадка штурмана Альбанова. — М.: «Вече», 2012. — 400 с.
- Русский крест. Очерки русского самосознания. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 608 с.

ВЕЩЬ ИГОРЬ

РАССКАЗ

Памяти Вадима Пиндюрина

Было такое, когда я еще в университете учился: мои родители взяли вдруг и переехали в небольшой уральский городок — невмоготу больше стало в сельском райцентре. Не сторонник я был этого переезда, но мне ли судить, сам-то я из деревни еще раньше — под видом учиться — убежал. Но все равно зябко на душе было: как это — поехать на родину, а в доме, в котором ты родился, который поставлен еще твоим прапрадедом, живут чужие люди.

И, как бы в отместку, что ли, долго не ехал я в их распрекрасный город.

Но вот, наконец, собрался посмотреть на их новое житье-бытье. Сошел я с автобуса, что привез меня со станции, огляделся: разумеется, не

понравился мне тогда тот город, впрочем, и сейчас не очень нравится.

Было на что менять, с обидой думал я: такая же грязная деревенская улица, только разве дома побогаче, но люди еще поугрюмей, неприветливей — может, сам себе в том не признаваясь, ревновал я родителей, не мог простить им свою брошенную неказистую родину.

Вот и нужный номер дома. Дом мне тем более не понравился — низкий, глядящий окнами в ноги прохожим. Можно подумать, у нас в деревне был дворец: уже выдавшая виды половина прапрадедовского дома — но из окна такие дали! но в нем я родился!

Не успел я войти и оглядеться — дома одна мать была, — как стукнула ворота.

— Отец? — привстал я.

— Нет, рано... Да, наверное, вещей Игорь, — засмеялась мать. — Идет знакомиться.

— Какой Игорь? — не понял я.

— Да соседский мальчишка. Сейчас увидишь.

— А почему «вещий»?

— А я не знаю, — смутилась мать. — Вот ведь — у меня вырвалось... Ребята так прозвали.

Но в дом никто не шел.

Мать выглянула в сенное окошко, снова улыбнулась:

— Снег с ног счищает, набирается солидности... Ты посмотри, посмотри, как старается и с каким серьезным видом... Ничего не делает как попало. Все с расстановкой, обстоятельно. Не знаю, в кого. Отец — волк волком, сколько живем — ни разу не улыбнулся, одно слышишь: мать-перемать, зимой снегу не выпросишь, чужая курица во двор зашла — так прибил сразу, а если уж запыет, так Маша несколько дней по соседям прячется. А этот — душа нарасташку, глаза навстречу тебе радостно растопырены, любому человеку рад, а если уж кто новый появится на улице — так тут же идет знакомиться, и опекать будет, как больного или маленького. Другие — ребятишки как ребятишки, играют себе, а он так и дежурит у ворот, как бы помочь кому да как бы успокоить кого. Тут народ-то какой: бирюки бирюками. А он!.. Таких я раньше только в деревне у нас и видела, да и то, наверное, такой-то один Федя-дурачок был. Помнишь его? Уже за шестьдесят было, а все Федя-дурачок был. И этот просто дыра, никакой тайны... Так ведь никому не нравится, что он такой. Одногодки-то его, такие же клопы, и то уж над ним смеются. Не сами же — от взрослых слышали. А он еще шепелявит, так совсем. Вон напротив Витька Сапронов, и ходить-то до сих пор толком не умеет, сопли до

колен, а стоит как-то на сугробе: «Иголь-то у нас дулак...» Что за народ! Да что я говорю — а у нас в деревне разве не так? Э-э! — махнула она рукой, уходя на кухню.

— Да где же он? — уже с беспокойством снова выглянула она в сенное окно. — Так ведь с коровой о чем-то говорит, ломоть хлеба ей притащил... Ну, так приехали мы, никого не знаем, деревенские нерасторопы, трактор стоит посреди улицы, его надо отпустить, тракторист на часы смотрит, замерзли, одним не управиться. И вдруг из соседских ворот выходит парнишка, четыре года ему еще было, важно подходит: «Приехали, сто ли? Меня Игорем зовут. Помогать присол. Сейчас музыков позову». И стал по всем воротам палкой колотить: «Новые соседи приехали. Помочь надо. Замерзли, как вороны...» Тем нечего делать — стали выходить. Так и пере-знакомил нас со всеми... Да вот увидишь сейчас, — торопливо сказала она, спрятав улыбку, потому что шаги были уже в сенях.

Отворилась дверь — и точно: вошел в избу крепкий мальчишка лет пяти-шести с широко расставленными пытливыми глазами, без всякого смущения по-взрослому протянул мне руку:

— Знакомиться присол. Игорь.

Мать торопливо, как взрослому, поставила ему табуретку.

Он не спеша, с достоинством взгромоздился на нее.

— Приехал наконец. А тут уз, озиданюси, все глаза проглядели. Сто з к отсу, матери не собересся, словно сузой?

— Да вот, так получилось... — как перед взрослым растерялся я.

— Корова-то ессе не отелилась? — спросил он мать.

— Нет еще, со дня на день ждем, — серьезно ответила мать.

— У нас тозе ессе не отелилась... А Юрка-то сто, не присол ессе? — спросил он про моего братишку, который был на три года старше его.

— Да нет, — из кухни откликнулась мать. — По дороге где-то заигрался. Да скоро придет, наверно. Садись с нами, сейчас обедать будем.

— Некогда, — серьезно сказал Игорь. — Идти надо дома сидеть, пока мамка с работы не присла. Я только познакомиться присол. Смотрю в окно, идет... В магазин теперь пойдешь? — спросил мать.

— Зачем? — не поняла она.

— Как засем? — удивился ее недогадливости, засмеялся Игорь. — За вином, гостя-то сем угос-сять будешь? Или, мозет, сказесь, дома есть? Нет, у вас тозе не устоит.

— Так не пьет он, Игорь, — сказала мать.

— Ну да! — ухмыльнулся тот, подмигивая мне.

— Правда, Игорь, — подтвердила мать.

— Правда, сто ли? — пытливо посмотрел он на меня. — Какой зе ты музык?

— А зачем пить-то? — спросил я его.

— Как засем? — удивился он. — Надо...

— А зачем — надо? — настаивал я.

— Ну... все пьют... — не нашелся он. — У нас все пьют. Вся улица... Витка Макеев всера вон бабу гонял, у нас в бане носевала. Некоторые совсем ум пропили.

— Ну даже если ум пропивают — зачем пить? — упорствовал я.

— Ну, я говорю зе, все пьют... — нахмурился Игорь. — Ну, ладно, я посол. Зовите, если сто надо помось...

Я прожил тогда у родителей три дня. Игорь приходил по несколько раз в день, стоило мне

выйти во двор или за ворота, словно он меня караули. И когда я взял в руки колуи — хоть и отговаривала мать, трудно мне было сидеть без дела, — Игорь тут же появился из своих ворот:

— Ты коли, а я складывать буду... Ногу-то не разрубись? — После того как мать сказала, что я не пью, он присматривался ко мне то ли с удивлением, то ли с некоторым подозрением.

— Дома-то тоже помогаешь? — спросил я его.

— А как зе! — чуть не обиделся он. — Но дома скусно. Да дома у нас и так музыков много...

— Кем будешь, когда вырастешь? — спросил я, когда Игорь серьезно, без улыбки, объявил перекур и мы сидели с ним на еще не распиленных кряжах.

— Дрова-то надо пилить, — вместо ответа хлопнул он березовую лесину под собой. — Высохнут, не расколесь. Пусть отец у Сапроновых бензопилу спросит, мигом мозно раскатать.

— Не думал, что ли, кем будешь? — напомнил я.

— А сто думать... Софером.

— А почему шофером?

— Посему, посему, — засмеялся он. — Ты сто, маленький, сто ли? Я зе не спрашиваю, почему ты усисся и усисся. Борода вон уз какая, а все усисся. Второгодник, сто ли?.. Софером хоросо. Дров привезти или сена. Папка вон поехал и стассил. А на лошади дров много не увезешь.

— Как стащил?

— Ну поехал ночью в лес и стассил, — удивляясь моей непонятливости, объяснил Игорь.

— А разве хорошо это?

— А у нас все тассят. Из леса, из завода. Софером хоросо. Я бы вам, тете Матрене дров привез. Картоску из огорода. Старики Парфеновы вон мусаются. Никому дела нет... Софером милое дело. Всегда людям помось мозно.

— И люди спасибо скажут... И бутылку поставят, — неожиданно добавил, засмеялся он.

— Ты что, шофером из-за бутылок только хочешь стать?

— Ну, скажешь тозе... Но, раз дают, откажешься, сто ли. Принято так: сто-нибудь привез — ставят бутылку. Маленькому дают конфетку, большому — бутылку, — снова засмеялся он.

В это время мимо проходил высокий чернявый парень. Не поздоровался: город, пусть и небольшой, — не деревня, не принято это, тем, может, и отлучается он от деревни.

— Подозди, — сказал мне Игорь. Я слез с дров. — Эй ты, Макеев!

Парень, не обращая на него внимания, шел мимо.

— Ты сто, не слысись? С тобой говорят.

Парень не столько удивленно, сколько тупо уставился на него.

— Ты сто свою бабу гонял, она же у тебя беременная. Ты сто, дурак?

— Иди ты!.. — опешил, не сразу нашелся парень, а потом наклонился, подхватил с земли щепку и зло швырнул ее в Игоря. Щепка, разумеется, не долетела, но Игорь на всякий случай заранее отскочил в сторону.

— Ессе бросается... Не умеешь пить, не берись... Тозе мне, музык... Думаешь, станы натянул, так музык...

— А ты вырастешь — будешь пить? — спросил я Игоря.

— А ну ее... В праздник только.

— Ну а зачем — в праздник?

Игорь сбоку внимательно посмотрел на меня: не разыгрываю ли?

— Ну праздник же! Для этого и праздник — Октябрьская или Первомай. Тогда все пьют. Сто

я, белая ворона, сто ли, — засмеялся он.

Вечером я уезжал. Вышел провожать и Игорь.

— Ты приезжай посасе, — протянув мне руку, серьезно сказал он. — Мать только о тебе и говорит. Залеть мать надо, мать — она одна... Так-то ты не бойся, я помогать тут буду...

Поезд уже давно оставил позади последние уральские скалы, а у меня из головы все не выходил Игорь, которого почему-то прозвали вещим. Нравился он мне. И в то же время тревожил: была в его простоватости какая-то незащищенность, что ли, не знаю, как объяснить...

...И так каждый раз, когда, пусть редко, пусть в несколько лет раз, я приезжал к родителям: Игорь тут же приходил, как только узнавал о моем приезде, по-мужски крепко пожимал мне руку, все так же шепелявя, расспрашивал о здоровье, о моей непонятной — впрочем, не только для него — жизни, почему редко приезжаю. Разумеется, что он, как и все дети, быстро менялся, с каждым следующим моим приездом становился взрослее, не говоря уже о том, что выше и шире в плечах, он уже в классе пятом со спины спокойно сходил за взрослого, но что меня поражало: оставалась в нем неизменной какая-то, чуть не младенческая, открытость и бесхитростность, готовность всем и всему помогать, какая-то простота и даже простоватость, которая раньше умиляла, а теперь от которой порой становилось неловко, как если бы он по-прежнему, как в раннем детстве, продолжал ходить без штанов.

Не привыкнув ни минуты оставаться без дела, а может быть, стараясь заглушить в себе какую-то вину перед родителями, хотя бы что редко приезжаю, я каждый раз тут же принимался за какое-нибудь занятие, чаще всего за колку дров, и Игорь тут же выходил, брался помогать.

— Вдвоем-то веселее, — широко улыбаясь, говорил он.

— Игорь — как хоть учиться-то? — в один из приездов спросил я своего младшего брата.

— Вещий-то? — засмеялся он.

— Да.

— Да двойка на двойке, — усмехнулся брат. — По труду вроде только пятерка да еще по чему-то.

— Что, не хватает у него, что ли? — спросил я осторожно.

— Да нет, — почти обиделся брат. — Он соображает. Захочет, так и задачки щелкает. Да как тебе сказать... вещий он и есть вещий. Не как все. А другим это не нравится, вот и смеются над ним. И в то же время нравится, что есть над кем посмеяться... Нет, он соображает, а в машинах — так побольше других. Ему лишь бы в машине возиться. Идем в школу, где-нибудь на обочине шофер в моторе копается, Игорь портфель бросает и давай помогать, ключи подносить, воду, на педаль нажимать. Да и в моторе не хуже всякого шофера разбирается. Как-то с одним проезжим чуть не подрался. Тот одно говорит, а вещий — другое: подшипники у тебя полетели. Ну тот и разозлился: мальчишка, а учит... Или — набедокуряет что-нибудь в школе. Кто сделал? На него свалят. Ну и не откажется он, только глазами моргает.

— Почему?

— А такой уж. Смеются ребята над ним, вроде как бы дурак, а ему в компании хочется. Может, мол, тогда примут.

— А почему вещий-то? — попытался выяснить я.

— А кто знает... Вякнул кто-то — и пошло. У нас ведь здесь без прозвища не живут, вроде бы и

не человек без прозвища-то... Старуха какая-то богомолка к тете Матрене вон приезжала, вместе они в церковь ездят, наслушалась его, еще маленького. «Берегите, — говорит, — его. Он у вас вещий...» Много она еще чего-то говорила, не поймешь чего. Ну, вещий так вещий Так и привязалось. Хотя никто толком и не знает, что это такое...

Где-то еще в классе седьмом был Игорь на голову выше меня, а в плечах — вообще мужик, топор и пила, казалось, были игрушками в его руках, но он по-прежнему немного шепелявил и был таким же, как в пять своих лет, когда я с ним познакомился, бесхитростным и открытым.

Одно время долго, несколько лет, не приезжал я к родителям. И вот снова иду по-деревенски низкой и тихой городской улице. Казалось, ничто не изменилось тут, только еще ниже стали дома да еще пустынее улица.

В ожидании, когда придут с работы брат с сестрой, я как всегда принялся за дрова.

Вышла мать:

— Да брось ты, отдохни с дороги, перед соседями аж неудобно, не успеешь приехать — за дрова.

— Игоря что-то не видно. Уехал, что ли, куда?

— Уехал, — вздохнула мать. — В тюрьме он.

И я поймал себя на том, что не особенно-то удивился этому.

— Кого-то по пьянке избили. Говорят, что он как раз и не бил. Остальные-то сразу поразбежались, женатые уж, а он здоровый, а ум-то детский, принялся доказывать, спорить, а пьяный-то он плохой, как отец... Ну и потом, на суде, взял все на себя. Выгородил дружок, потом уж, в тюрьме, говорил: у них, мол, дети... Водка все. Безотказный, хоть на работу, хоть на водку, дружки и втя-

нули. Душа нараспашку, что в уме, то и на языке, вот постоянно и поперек кому-нибудь. Похвалят — и рад стараться. Мужик уже, а все как ребенок. Как был вещей, так и остался. Ребята смеются, а не думают, что, может, завидуют ему; девчонкам вроде неловко с ним. Вот и связался с забуды-гами. Год уже скоро, как сидит. И там, в тюрьме уже, Маша ездила, его избивали, кого-то защищать полез, в лазарете, говорит, лежал.

И в каждый следующий приезд я уже не заста-вал Игоря: он сидел во второй, в третий раз.

— Выйдет — месяц, второй — и опять! — со-крушалась мать. — Пока трезвый — ласковый, отзывчивый, не как отец, мухи не обидит. Мимо идет, обязательно о здоровье расспросит, может, помочь что надо. Дома все переделает и соседям: за сеном ли ехать, за дровами — безотказный! А как выпьет — так из него отец, Николай, и поле-зет. Да еще пострашнее, как-то с отцом-то из-за матери схватился, так тот чуть убежать успел. В третий раз из-за отца, считай, и попал. Пришел только он из заключения, веселый, в новом ко-стюме, там заработал, а отец бутылку на стол: как же, радость, сын вернулся... Ну, выпил он — и на улицу. А там драка какая-то. А разве пройдет он, он словно издалека чувствует, его туда как магнитом... Ну и опять все разбежались, а у него две судимо-сти.

В позапрошлую поездку я, как всегда, колот у ворот дрова. Неожиданно подсел ко мне здоро-венный улыбающийся парень, несмотря на мо-розец, в одном пиджаке — и такая открытость, такое добродушие на лице, что начал меня раз-дражать.

— Помочь приехали? — чуть заметно шепе-лявя, улыбнулся он. — Надо. Старые родители-то уже. Я все вон смотрю на мать — и минуты

отдыху себе не дает — вот что значит деревен-ский человек... Не узнаете? Игорь я, сосед. Да как узнать — давно не виделись, приезжает редко, а я... все в длительных командировках, — хохот-нул он. — Как здоровье? Слышал, прибалывали...

— Да теперь вроде бы получше, — не знал, что сказать я. — А... ты как?

— Как я? — усмехнулся Игорь. — Вот опять «отслужил». Уже три раза, сам удивляюсь. Вый-ду, не успею оглядеться, смотрю: уже опять там... Как выпью, так там.

— Так, может, бросать надо, — осторожно сказал я.

— Надо, конечно, — серьезно согласился он.

И впервые в его глазах я увидел такую резкую и пронзительную боль, но она, как искра, мельк-нула лишь, так быстро он ее заглушил.

— Люди здоровье берегут, а его нет, как нет. А я как бы специально гублю его, а оно у меня — словно на десятиртых. Неловко даже. Вон все бо-леют, даже моложе меня. А я... И били меня не раз смертным боем, и на работе ломался — и ничего мне, — удивленно покачал он головой. — Поду-рил... Посмешил людей... Да уж больно они лю-бят посмеяться над другим... А я помню наши разговоры за жизнь, — улыбнулся он мне. — Вы отдыхайте, расколото я дрова-то. Если уж только в охотку — то колите. Я люблю колоть дрова, да еще если морозец. А вот пилить — нет. А вот еще люблю косить, когда роса, на рассвете. А вот гре-сти — нет, лучше я уж тогда с вилами... Обидно порой, жизнь стороной летит, а я добровольно от нее за колючую проволоку. Зачем живу — не знаю. И никто не скажет, каждый только стакан под нос сует. Людям хоть не делай хорошее, сде-лал — стакан под нос. Как тут бросишь? Бросать, конечно, надо. Только вот как-то не получается.

Как будто кто водит мной, как только унюхал этот запах свишный, так и забыл все. Или уж родился я какой-то не такой. Мать моя вон на днях: «Простодыра, простодыра, кабы родился ты как все люди! А то шалопутный какой-то». А я не сплю, все слышу. Видишь, даже мать родная считает меня ненормальным, — горько усмехнулся он. — А я, может, и впрямь шалопутный, — уже засмеялся он. — А водка, будь она неладна, хоть на улицу не выходи...

— Да как ты втянулся-то?

— А черт знает! Да и как не втянуться. Родитель-то мой — какой пример? Да и куда ни пойдешь — выпивка. Хоть к родным, хоть к друзьям. Хоть посадка картошки, хоть копка. Хоть праздник, хоть поминки. Водки разве минуешь. А выпью я — не человек, ничего не помню, потом кажется, что не обо мне рассказывают. Слушаю потом на суде — как будто о ком-то другом мне читают. И в то же время ведь знают, — опять больно сузил он глаза, — что из-за водки сидел, но опять в рот суют. Начинаешь отнекиваться — ты что, ненормальный, что ли! А выпью, — говорит он удивленно, — отбивает во мне что-то, словно кто другой во мне сидит.

Я смотрел на него сбоку. Не верилось, что он уже тянул три срока — в сумме больше десяти лет, никак не походил он на закоренелого лагерника, много я повидал их на своем веку, чем-то они все, самые разные, похожи: какая-то замкнутость и настороженность в лицах, какая-то нерв ность, — откладывает на человека отпечаток этот санаторий, — а он никак не был похож на них: веселый, открытый, широко распахнутые, радостные глаза. Сидел рядом со мной парень в голубой рубашке, так подчеркивающей его красоту и силу, и по-прежнему немного по-детски шепелявил...

Я обратил внимание на его руки — в свежих порезах, мелькнула нехорошая мысль: неужели опять...

— А-а, вчера, — отмахнулся он. — Иду через пруд. Слышу, кричат. То ли бьют кого, то ли что. Ну, думаю, надо уносить ноги — опять в историю попадешь, три судимости, как три пса, стерегут, никуда от них не денешься. Но больно уж кричат, вернулся. А это ребятишки... Лед слабый, чуть присыпало снегом, они и обманулись — угодили в полынью. Все орут, а толку. Ну что, едрена мать, тут все ясно: там враги, а здесь — наши, надо лезть. Одного-то сразу вытащил, а другого успело под лед заволочь. Я головой-то лед, головой, до сих пор словно с похмелья гудит, да и тошнит, как бы чем тяжелым по ней ахнули. Ну, схватил я их обоих под мышки — и в котельную, баня-то рядом там. А тут милиция подкатила, позвонил им кто-то. Корреспондент приехал, пока я сушился, давай было меня фотографировать. А мент-то ему — они, менты, все меня знают: «Да у него три судимости». Тот: «Не может быть! Жалко! Такой фотогеничный парень!» А я смеюсь: «Факт! Как три ордена. Только все равно сними меня, не для газеты, на память, а то у меня все фотографии только анфас да профиль, и то все в дела подшиты». Не стал, сука, убежал сразу... Смех один. Даже обидно стало, хоть бы для виду щелкнул, как ребятишек обманывают... А мать-то — этих ребятишек — повисла на мне: да как отблагодарить, да как? Да никак, да отстаньте вы все от меня: что я, ради благодарности лез! А кто-то из топников кричит: да ты водки ему купи, что ему еще-то, литра два, вот и хорошо будет. Так она сегодня на самом деле притащила. Я ей говорю — зачем, а она плачет и сует. За дверью вон бутылки стоят. Может, пойдём?.. Одному-то неловко...

— Да нет, Игорь, — виновато начал я, — не пью я...

— Да знаю я, так я... Так ведь стоят же... Вроде бы мертвые, а как морзянку, что ли, отстукивают: мы тут, мы здесь... Сейчас пить — на работу идти, опять в какую-нибудь историю попадешь. И оставить?.. Где это видано! — хохотнул он. — Стоят, суки, как мины, ждут своего часа.

— А где ты работаешь-то?

— Да так, — замялся он. — Разнорабочим. За руль-то меня не пускают. А может, зря... — усмехнулся он. — Руки просят. Иду на днях мимо универмага — «Москвич», ключи торчат. Думаю: ну что ты, голубь сизый, ворон ловишь, толкаешь меня на преступление! Сейчас заведу — и... Да не нужна мне эта консервная банка, я бы лучше «КрАЗ» — за руль тянет. Аж зубы сжал — так хочется прокатиться. А докажи потом — миг угон состряпают... Ну ладно, пойду я...

— Ну, уж ты сейчас-то не пей...

— Да нет, — засмеялся он. — Пусть стоят, тоскуют, куда они от меня не денутся. Пусть помучаются, пусть знают, как нам иногда терпеть приходится. Я-то вытерплю, пусть они потерпят...

Недавно я снова навестил родителей. Опять колол дрова. Передыхал, смотрел на небо, на близкие горы. Снова колол, передо мной лежала целая машина дров, за день перездоровался с соседями.

— Приехал? — спрашивали они.

— Приехал, — говорил я.

— Ну и хорошо, — говорили они.

Стало темнеть. Я выгасил лампочку-переноску — до отъезда хотелось кончить дрова, конечно, расколют и без меня, есть кому, но, может быть, хотелось, чтобы, как в детстве, мать похвалила.

Вышла мать:

— Эж какую кучу наворотил! Да хватит, поздно уже. Отдыхай, ребята расколот.

— Что-то Игоря не видно. Опять «служит»?

Мать отвернулась, утерла краем платка слезы.

— Убили Игоря... Уже полгода почти... Думала, потом тебе скажу... Болела я тогда сильно. С месяц на улицу не выходила. А в тот день отца нет и нет с работы. Ну, думаю, опять какая-нибудь история. Взяла клюку, выбралась за ворота, села на лавочку. И Игорь идет, веселый.

«Здравствуй, тетя, давно что-то тебя не видно».

«Да болею вот».

«Самого ждешь? Да придет, куда не денется. Не переживай. На-ка вот, к чаю». И сыплет мне в руки конфеты. И во все карманы насовал. И еще норовит дать.

«Да что ты, Игорь! Небось, девкам купил, а мне, старухе...»

«Девкам я еще куплю. Девки, они — дуры!.. Иди домой, не мерзни тут, иди, ставь самовар. И пей чай с конфетами. Сразу согреешься... Может, помочь что надо? Ты не стесняйся, соседи ведь. Я мигом».

«Да нет, Игорь, спасибо...»

И тут почувствовала я, что припахивает от него.

«Да куда ты, Игорь, такой, на ночь глядя, собрался?»

«Да к ребятам надо сходить, наказывали».

«Не ходил бы, куда не денутся твои ребята».

А тут вышла тетя Матрена. И она тоже:

«Опять ты, Игорь, выпил. У самой — такой тоже, вроде бы грех мне тебя судить, но у меня хоть тихий... Не ходи! Нельзя же так! Бога по-

бойся. Сейчас пойдешь — и опять что-нибудь случится. И свалят опять на тебя. Опять ведь попадешь. Я вон шла давя, у винного магазина колготня, прямо как за хлебом в голодный год. Получка ведь сегодня, не ходил бы ты лучше. Сердешный ты, всех жалеешь, так матерь бы свою пожалел».

«Тетя Матрена, я ученый уже... Я стороной...»

«Не ходи, Игорь, я тебя Богом прошу!...»

«Тетя Матрена, у меня к тебе дело есть... Давно собираюсь... Только не отмахивайся, выслушай... Я серьезно... Я не шучу... Ты бы окрестила меня, что ли...— говорил он торопливо и вдруг заплакал, горько и навзрыд.— Я на все готовый. Может быть, потому я такой несуразный... Шалопутный... Все от меня как от холеры... Я серьезно... Тетя Матрена, на самом деле, может, окрестила бы?...»

«Да что ты, Игорь!» — вся перепугалась, даже перекрестилась тетя Матрена.

«Я серьезно, тетя Матрена... Ну вот, ты и обиделась... Эх ты!...»

А на другой день его убили... Отпустило меня немного. Еще, думаю, увижу Игоря, посмеюсь: это, наверно, с твоих конфет... Потасилась до магазина, не то чтобы уж больно надо, а так — хоть

на людей поглядеть. Смотрю, у автобусной остановки мужик лежит, и все в автобус лезут, и дела никому нет. Я подумала, уж не отец ли. Ноги подкосились, подхожу, а это Игорь... Так и не выяснили. Одни сказывают, утوراзило его кого-то разнимать. А вон Тимониха говорит, сноха видела: шла мимо какая-то большегрузная машина с дальними номерами. Ну, у магазина красный свет и переехала: какой, мол, у вас тут город, — напугала ребятишек, грязью окатила. А тут и окажись Игорь пьяный. Ну и полез к тому в кабину доказывать. Тот — на газ, а от Игоря так просто не отцепишься, повис он у него на подножке и отбирает руль. Тот за угол-то оттянул да его монтировкой... Да и не больно выясняли. В милиции-то, небось, обрадовались, хоть одним меньше, замучились они с ними. А у меня он все в глазах стоит. Как вспомню, и опять ходить не могу. А недавно полезла вон в фуфайку, а там конфеты его... Как что, плачу. Вон и отец уж на меня: нашла по ком плакать...

И я тоже — сколько уж времени прошло, но не выходит у меня из головы этот Игорь...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Океан веры: рассказы о жизни с Богом

Н. ЧЕРНЫХ

ИС 14-322-2726
МОСКВА
2014
480 С.
ТИРАЖ
8000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-699-68987-3

Сборник удивительных рассказов, действие которых разворачиваются в самые разные времена и на самых разных континентах, образуя собой единое пространство христианства, метафорически именуемого шестым океаном — океаном веры в Бога в сердце каждого человека.

Я ВЕРНУЛАСЬ, ГОСПОДИ!

Н. Смирнова

Серия «Религия. Рассказы о поиске Бога»

ИС 14-401-0059, Москва, 2014,
352 с., тираж 3000 экз.

ISBN 978-5-699-70939-7

Какие испытания уготовлены нам свыше и все ли из них мы в силах преодолеть в одиночку? Именно этими вопросами задается Ирина, героиня повести «Бог выбрал женщину». Непростые повороты судьбы приводят женщину к отчаянию, но однажды ей в руки попадает маленькая иконка Спасителя. С ее появлением многое изменяется в жизни женщины: ей кажется, что кто-то незримо направляет ее к источнику света...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НИКЕЯ»

ИЗБРАННИК СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. КНИГА О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ РАДОНЕЖСКОМ

Сост. А. Коскелло

Серия «Мини-антология православных святых и праздников»

ИС 14-321-2602, Москва, 2014,
320 с., тираж 7000 экз.

ISBN 978-5-91761-254-6

Преподобный Сергей Радонежский не оставил после себя ни единой строчки сочинений, ни од-

ного поучения, но вся его жизнь, подчиненная Евангельским заповедям, стала примером для современников и потомков. В этой книге представлены эпизоды жизнеописания преподобного Сергия, а также рассказ о монастырях, созданных трудами святого и его многочисленных учеников.

Книга будет интересна всем, кто любит и почитает преподобного Сергия Радонежского, а также тем, кто впервые захотел познакомиться с его жизнью и деяниями.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПЕЧЕРСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АЛЕКСИЙ (ОПОЦКИЙ). ПАСТЫРЬ, ПЕДАГОГ, ПРОПОВЕДНИК

А. Панин

ИС 14-324-2915, Нижний Новгород, 2014, 136 с., ISBN 978-5-903657-59-9

Преосвященный Алексий (Опоцкий) был ярким иерархом Русской Православной Церкви конца XIX — начала XX веков. Это была та-

лантливый проповедник, умевший своим словом зажигать и согреть сердца людей. Получив прекрасное образование, он стал преподавателем и всю свою жизнь учил людей слову Божию, добру и любви. За это его любила молодежь и с радостью раскрывала перед ним свои души. Господь судил владыке жить в эпоху разрушения устоев государственности, падения нравов и жестокой борьбы с государственным строем.

ООО «СИНТАГМА»

Венец женской святости

НИКОЛАЙ КИСЕЛЕВ,
протоиерей, авт.-сост.

ИС 14-322-2778
МОСКВА
2014
560 С.
ТИРАЖ
3000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-7877-0076-3

Перед читателями — агиографический сборник, содержащий свыше 700 житий святых жен. Ав-

тором-составителем предпринята попытка включить в этот сборник полный список имен святых женщин, используя официальный «Православный церковный календарь на 2013 год» Издательства Московской Патриархии и другие авторитетные источники. Издание предназначено для широкого круга православных читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕТОПИСЬ»

Пять слов

ПО ТВОРЕНИЯМ СЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА

ИС 14-322-2773
МОСКВА
2014
256 С.
ТИРАЖ
5000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-9905029-5-6

Эта книга составлена из избранных слов великого проповедника и учителя Церкви Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, на самые разные темы. И хотя с момента произнесения этих проповедей прошло много

сотен лет, они не потеряли своей актуальности и будут полезны всем православным христианам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СИБИРСКАЯ БЛАГОЗВОННИЦА»

Примирение со Христом

С. МАСЛЕННИКОВ

ИС 14-401-0079
МОСКВА
2014
176 С.
ТИРАЖ
20 000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-91362-852-7

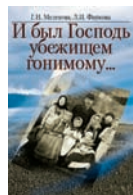
Иногда встречается такое: человек прилагает усилия, пытается совершать христианские дела, думает, что уже продвигается, а в действительности — с места еще не трогался. Как понять это явление? В чем причина? Чтобы разобраться, послушаем апостола Павла: Итак мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом (2 Кор. 5, 20). Что

означает этот призыв апостола — примиритесь с Богом? Неужели мы во вражде с Ним? Но кто из верующих людей дерзнет пойти против Бога? Так в мире ли я со Христом? Может, апостол Павел обращается не ко мне? Может быть, этот призыв обращен к язычникам или явным злодеям? Тогда я могу быть спокоен? Но что-то все-таки задевает мою совесть... Попробуем разобраться в этом вопросе с помощью настоящей книги.

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕНАТЫ»

«И был Господь убежищем гонимому...»

Г. МЕЛЕХОВА, Л. ФАРКОВА

ИС 14-324-2973
МОСКВА —
КАРГОПОЛЬ
2013
120 С.
ТИРАЖ 200 ЭКЗ.

ISBN 978-5-88017-426-3

В книге представлены жизнеописания подвижников 1920-1930-х гг., защищавших веру и храмы в

селениях Печниковской округи (Каргопольского района Архангельской области). Среди них — монашествующие Кирилло-Челмогорского монастыря, служившие в печниковских храмах священники, крестьяне. Их имена запечатлены на мемориальном камне, установленном в Печникове на месте бывшего погоста по инициативе местной общины. Авторы стремятся способствовать восстановлению родовой памяти и молитвенной связи нынешних печниковцев с подвижниками. Составители опирались на разнообразные архивные источники, в том числе на документы из Архива УФСБ РФ по Архангельской области.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВРАЧА,
ИЛИ ХРИСТИАНАМИ
НЕ РОЖДАЮТСЯ
Монахиня Евфимия (Пащенко)
Серия «Духовный путь»
ИС 14-323-2845, Москва, 2014,
368 с., тираж 7000 экз., ISBN
978-5-903657-59-9

Это новая книга известной православной писательницы и врача —

монахини Евфимии (Елены Пащенко). Ее произведения пользуются сегодня успехом как в России, так и за рубежом у читателей, идущих по пути духовного поиска.

Легко ли в наши дни основать монастырь? Героине повести «Отравленный источник» это едва не стоило потери рассудка. Потому что и остров Лихостров, где она поселилась, и сам ее дом находятся под проклятием. И произнес его перед расстрелом последний здешний священник отец Матфей...

В этой книге вы найдете еще три увлекательные повести, а также рассказы — несколько случаев из медицинской практики автора, который не забывает напоминать, что существуют ангельские силы и темные воинства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЛУШНИК»

БАТЮШКИН ГРЕХ И ДРУГИЕ
РАССКАЗЫ
Протоиерей Александр Авдюгин
ИС 14-322-2767, Киев, 2014,
208 с., тираж 3000 экз., ISBN
978-966-2503-31-9

Это издание вместило в себя разные по темам рассказы, но объеди-

няет эти тексты одно — все они посвящены отношениям с Богом и ближними. Это правдивые истории о святых и простых людях, стремящихся к святости.

ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ ЕДС

История поместных православных церквей УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

В. БЛОХИН

ИС 14-322-2715
ЕКАТЕРИНБУРГ
2014
608 С.
ТИРАЖ
500 ЭКЗ.

ISBN 978-5-8295-0246-1

Пособие является основным компонентом учебно-методического комплекса по дисциплине (курсу) «История Поместных Православных Церквей». В книге рассматриваются этапы истории четырнадцати зарубежных автокефальных Православных Церквей с древности до современности, главные стороны их внутренней жизни.

Приводится материал, посвященный судьбам автономных Православных Церквей (Синайской, Критской, Финляндской) и Святой Горы Афон. Включены справочные материалы. Издание предназначено студентам духовных учебных заведений, а также учебных заведений высшего профессионального (в т. ч. религиозного) образования, обучающимся по направлению подготовки «История».

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Мамина молитва

П. СИНЯВСКИЙ

ИС 14-401-0105
МОСКВА
2014
16 С.
ТИРАЖ
10 000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-88017-422-5

Замечательные стихи Петра Синявского объяснят даже самым маленьким деткам, как надо осенять себя крестным знаменем,

что такое День Ангела и т. д. А прекрасные, дополняющие стихи, иллюстрации сделают чтение доступным и увлекательным.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕРНА»

Тесный путь

О. РОЖНЕВА

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОЗА»

ИС 14-321-2649
РЯЗАНЬ
2014
400 С.
ТИРАЖ
12 000 ЭКЗ.

ISBN 978-5-905793-36-3

Сборник повестей и рассказов православной писательницы, члена Союза писателей России, Ольги Рожнёвой. Произведения автора основаны на реальных событиях, полны драматизма, лиричности и светлого юмора. Герои рассказов — самые разные, но их объединяет стремление «в переплетении дней и событий разглядеть властную руку Творца». Книга адресована широкому кругу читателей.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Климент, митрополит Калужский и Боровский — председатель редакционного совета,
председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин) — главный редактор
Патриаршего издательско-полиграфического центра Троице-Сергиевой Лавры

М. Д. Афанасьев — директор Государственной публичной исторической библиотеки

А. Н. Варламов — главный редактор журнала «Литературная учеба»

Вениамин, епископ Борисовский, викарий Минской епархии — председатель
Издательского Совета Белорусской Православной Церкви

В. Н. Ганичев — председатель Союза писателей России

Протоиерей Борис Даниленко — руководитель Синодальной библиотеки
Русской Православной Церкви имени Святейшего Патриарха Алексия II

В. Н. Крушин — сопредседатель правления Союза писателей России

В. Р. Легойда — Председатель Синодального информационного отдела
Русской Православной Церкви

Никодим, епископ Единецкий и Бричанский — председатель Издательского совета
Православной Церкви в Молдове

О. А. Николаева — преподаватель Литературного института им. А. М. Горького

Протоиерей Владимир Савельев — председатель Издательского отдела
Украинской Православной Церкви

Протоиерей Владимир Силуев — главный редактор Издательства Московской Патриархии

Б. Н. Тарасов — ректор Литературного института имени А. М. Горького

Архимандрит Тихон (Шевкунов) — наместник Сретенского ставропигиального монастыря,
ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре

В. В. Федоров — президент Российской государственной библиотеки

М. Е. Шкатов — директор издательства «Отчий дом»

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВОСЛАВНОЕ КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

**ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ
НА ЖУРНАЛ СВЯЖИТЕСЬ С НАМИ:**

По электронному адресу: **exp@pcroc.ru**
По телефону: **8 495 789-90-45** (добавочный **22-29**)

Минимальный срок подписки на журнал —
6 месяцев.

Стоимость подписки на один месяц —
100 рублей.

110

КНИГА ПОЧТОЙ

Заинтересовались книгой, о которой узнали из «Православного книжного обозрения»? Книжный клуб Союза писателей России поможет Вам приобрести эту книгу.

Многолетний опыт работы гарантирует Вам быструю и качественную доставку при помощи Почты России.

Для жителей РФ система оплаты — наложенный платеж, для жителей ближнего и дальнего зарубежья — 100% предоплата.

Ответы на интересующие Вас вопросы
Вы можете получить по телефону: **8-495-799-75-58**

Заказы на книги принимаются по адресу:
119590, Москва, ул. Довженко, д. 6, «Книжный клуб Союза писателей России»
и по телефону: **8-495-799-75-58**, (с 10 до 21 ч. ежедневно),
а также по электронной почте: **kniga-klubSP@mail.ru**

КУПИТЬ ЖУРНАЛ В МОСКВЕ

**Метро «Александровский сад»,
«Библиотека им. Ленина», «Охотный ряд»**

С 10.00 до 18.00.
Тел.: 8 (495) 689-24-75, 23-09, 32-05.

*Книжная лавка храма св. мц. Татианы
Большая Никитская ул., 1.
С 10.00 до 18.00.*

Метро «Октябрьская»
**Троллейбусы 4, 7, 33, 62, 84 до остановки
«Улица академика Петровского»**

Метро «Бибирево»

*Книжная лавка храма в честь Торжества
Православия в Алтуфьево
Алтуфьевское ш., 77.
С 10.00 до 18.00. Тел.: 8 (495) 689-15-54.*

*Книжный магазин храма святого благоверного
царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице
Ленинский проспект, 8, к. 12.
С 10.00 до 18.00.
Тел.: 8 (495) 236-92-63, 237-59-08.*

*Книжная лавка храма преподобного
Сергия Радонежского в Бибиреве
Костромская ул., 7.
С 10.00 до 18.00. Тел.: 8 (499) 206-01-64.*

Метро «Третьяковская»

*Книжная лавка Марфо-Мариинской
обители милосердия
ул. Б. Ордынка, 34.
С 10.00 до 18.00. Тел.: 8 (495) 951-11-39.*

**Метро «Крестьянская застава»,
«Пролетарская»**

*Книжный магазин Новоспасского
ставропигиального мужского монастыря
Крестьянская площадь, 10.
С 10.00 до 18.00.
Тел.: 8 (495) 676-95-70, 99-90.*

Метро «Тульская»

*Книжный магазин Свято-Данилова монастыря
ул. Даниловский вал, 22, стр. 3.
С 10.00 до 18.00. Тел.: 8 (499) 235-01-31.*

Метро «Марьяна роша»

*Книжный магазин храма Святого Духа
сошествия на Лазаревском кладбище
ул. Советской Армии, 12, стр. 1 и 2.*

Метро «Цветной бульвар»

*Магазин «Троицкая книга»
подворья Троице-Сергиевой Лавры
2-й Троицкий пер., д. 6, стр. 9.
С 10.00 до 18.00. Тел.: 8 (495) 681-20-09.*

**ПРОГРАММА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ ИЗБРАНИЯ
И НАГРАЖДЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ**

Зал церковных соборов Храма Христа Спасителя

22 мая 2014 года

- **17:00** Прибытие гостей. Выступление струнного квартета в фойе.
- **18:00** Начало церемонии.
- **18:15** Выступление Святейшего Патриарха Кирилла с приветственным словом.
- **18:25** Начало голосования членов Палаты попечителей Патриаршей литературной премии.
- **18:30** Демонстрация фильма о номинантах Патриаршей литературной премии.
- **18:45** Объявление Святейшим Патриархом Кириллом результатов голосования. Награждение лауреатов.
- **18:55** Награждение номинантов.

Концертная часть

- **19:10** Выступление Хора Московской Духовной академии под управлением игумена Никифора. «Сей день его же сотвори Господь» — музыка Дмитрия Бортнянского.
- **19:15** Выступление Школы исторического бального танца «Ромашковый вальс». «Русская кадрили вальсом» — музыка П. И. Чайковского.
- **19:25** Заслуженный артист России Ян Осин и Александра Гришкина. «Эхо любви» — слова Роберта Рождественского, музыка Евгения Птичкина.
- **19:30** Александра Гришкина. Ария Лауретты из оперы Джакомо Пуччини «Джанни Скикки».
- **19:35** Группа «Ятор Шоу». Н. А. Римский-Корсаков «Полет шмеля», Антонио Вивальди «Шторм».
- **19:44** Заслуженный артист России Ян Осин и лауреат международных конкурсов — камерный хор «Вера» детской музыкальной школы имени Шебалина, художественный руководитель — почетный работник культуры Москвы Татьяна Коваленко. «Я люблю тебя, Россия» — слова Михаила Ножкина, музыка Давида Тухманова.
- **19:50** Окончание Торжественной церемонии избрания и награждения лауреатов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.